E 8 — 423.
I.

E8 423

Книгоиздательство „Приливъ".

I.

СБОРНИКЪ.

(Статьи Н. Константинова, А. Михайловича, М. Ольминскаго, В. Павлова, И. Степанова, М. Фабричнаго).

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., свой домъ.
1917.

E8 423

Книгоиздательство „Приливъ".

I.

СБОРНИКЪ.

(Статьи Н. Константинова, А. Михайловича, М. Ольминскаго, В. Павлова, И. Степанова, М. Фабричнаго).

265/5

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., свой домъ.
1917.

И

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР

1234055

Расколъ въ германской соціаль-демократіи.

Съ самаго начала войны въ рядахъ германской соціаль-демократіи не было единства. Уже передъ первымъ голосованіемъ военныхъ кредитовъ въ рейхстагѣ, въ парламентской фракціи обозначились два теченія: за и противъ вотированія кредитовъ.

Если при первомъ голосованіи разногласія во фракціи не были ще вынесены на общее засѣданіе рейхстага, то тутъ сказалась стая партійная дисциплина. Со времени объединенія, происшедшаго ъ Готѣ въ 1875 году между эйзенахцами и лассальянцами, партія егда выступала единой передъ лицомъ буржуазіи и юнкерства.

Въ самый острый періодъ борьбы внутри партіи между ортодоксаи и ревизіонистами удавалось достигать единства выступленій.

Германская соціаль-демократія выросла и окрѣпла, превратилась мощную партію съ болѣе чѣмъ милліономъ членовъ, съ десяткаи газетъ и журналовъ и т. п. именно при этомъ единствѣ. И вполнъ понятно, что многіе связывали успѣхи соціалистическаго движеія съ нимъ, а не съ чѣмъ либо инымъ. Неоднократно въ бурныя заданія различныхъ партейтаговъ, когда полемика между представилями различныхъ теченій разгоралась съ особой силой и грозила сколомъ, вожди напоминали о необходимости единства.

Основнымъ аргументомъ и покойнаго Августа Бебеля, и другихъло то, что не слѣдуетъ доставлять торжества буржуазіи, чуть ли не передъ каждымъ партейтагомъ предвѣщавшей неминуемый расколъ.

Однако, сохраненіе внѣшняго единства не мѣшало назрѣванію глубокихъ принципіальныхъ разногласій внутри партіи. Современная война поставила лишь ребромъ издавна спорные пункты партійной тактики, заставила различныя теченія сдѣлать логическій выводъ изъ ихъ воззрѣній, а въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи привела и къ нарушенію единства.

Усиленное стараніе быть во что бы то ни стало единымъ цѣлымъ при всѣхъ внѣшнихъ выступленіяхъ не убило роста сознанія того,

что на опредѣленной ступени развитія разногласій дальнѣйшее сохраненіе единства не въ интересахъ соціалистическаго движенія, можетъ принести гораздо большій вредъ, чѣмъ полный разрывъ—расколъ. И война лишь завершила начавшійся раньше процессъ размежеванія.

Въ періодъ борьбы съ ревизіонизмомъ германская соц.-демократія дѣлилась на двѣ части: на ортодоксальныхъ марксистовъ и ревизіонистовъ-бернштейніанцевъ. Этотъ періодъ охватываетъ 1898—1905 годы. Съ 1905 г. начинается процессъ выдѣленія изъ лагеря ортодоксіи такъ называемыхъ лѣвыхъ. Тѣмъ самымъ намѣтилась слѣдующая группировка: правые — ревизіонисты, центръ — часть прежнихъ ортодоксовъ и лѣвые—остальные ортодоксы.

Съ момента появленія лѣвыхъ, недавніе ихъ товарищи по борьбѣ съ ревизіонизмомъ стали выступать противъ нихъ болѣе рьяно, чѣмъ противъ недавнихъ противниковъ — ревизіонистовъ. А съ 1910 года чуть ли не всѣ свои удары они направили въ сторону лѣвыхъ. Въ цѣляхъ сокрушенія послѣднихъ центръ обычно объединялся съ правыми.

Впервые появились разногласія въ средѣ ортодоксовъ на іенскомъ партейтагѣ, при обсужденіи вопроса о массовой стачкѣ. Уже тутъ мы имѣемъ въ зародышѣ три теченія. Въ то время какъ ревизіонисты считали вообще несвоевременнымъ самое обсужденіе вопроса, центръ находилъ нужнымъ поставить его въ порядокъ дня, намѣтить возможные случаи примѣненія массовой стачки и наиболѣе благопріятныя условія для ея проведенія; лѣвые, не довольствуясь этимъ, предлагали повести широкую пропаганду идеи стачки въ массахъ.

Аналогичныя разногласія обнаружились и на слѣдующемъ Маннгеймскомъ партейтагѣ по тому же вопросу [1]). Но это были лишь, если позволительно такъ выразиться, форпостныя стычки.

Оживленная полемика между центромъ и лѣвыми началась въ

---

[1]) Для характеристики примиренческой политики по отношенію къ ревизіонистамъ интересенъ слѣдующій фактъ. Почти одновременно съ іенскимъ партейтагомъ происходилъ конгрессъ соц.-демократическихъ профессіональныхъ союзовъ въ Кельнѣ. Тамъ также обсуждался вопросъ о массовой стачкѣ, причемъ была вынесена резолюція, осуждающая обсужденіе ея въ массахъ, резолюція, явно противорѣчившая таковой партейтага. На Маннгеймскомъ партейтагѣ лѣвые указали на это разногласіе, требуя отъ вождей союзовъ согласованія ихъ партійной и профессіональной дѣятельности подчиненіемъ постановленіямъ партейтаговъ, проведеніемъ ихъ въ союзахъ. Центръ объединился съ правыми и, затушевавъ разногласіе, принялъ мудрую резолюцію, гласившую, что постановленіе кельнскаго конгресса профессіональныхъ союзовъ не противорѣчитъ іенской резолюціи.

1910 — 11 годахъ, постепенно принимая все болѣе острыя формы пока не привела къ полному размежеванію.

Полное размежеваніе явилось, такимъ образомъ, результатомъ глубокихъ принципіальныхъ разногласій въ рядахъ германской соц.-демократіи. И дѣйствительно, за періодъ съ 1910—11 гг. по всѣмъ основнымъ вопросамъ тактики выступаютъ три теченія.

Вопросы, связанные съ имперіализмомъ, колоніальной политикой, милитаризмомъ, методы и формы пролетарской борьбы и т. п.,—все это обнаруживало три различныхъ линіи отношенія къ нимъ.

Надо сказать, что фактъ существованія нѣсколькихъ теченій въ соціалистической партіи имѣлъ мѣсто далеко не въ одной Германіи. Съ нимъ мы встрѣчаемся и во Франціи, и въ Англіи, и въ Россіи,—повсюду, гдѣ соціалистическое движеніе вышло изъ эмбріональнаго періода, гдѣ оно пріобрѣло сколько - нибудь крупные размѣры. Это одно должно навести на мысль о глубокихъ, общихъ различнымъ странамъ, причинахъ подобнаго раздѣленія.

Поясняя, слѣдовательно, причины размежеванія въ рядахъ германскихъ соц.-дем., тѣмъ самымъ получается объясненіе и такого, а не иного развитія соціалистическаго движенія въ другихъ странахъ.

Какъ уже было указано, періодомъ борьбы съ ревизіонизмомъ были 1898—1905 гг., а процессъ выдѣленія изъ рядовъ ортодоксальныхъ марксистовъ крайнихъ лѣвыхъ происходилъ, начиная съ 1905 г., и получилъ свое завершеніе въ 1910—1912 гг.

Обычно появленіе и развитіе ревизіонистскаго движенія объяснялось для Германіи двумя причинами. Во-первыхъ, отраженіемъ мелкобуржуазнаго вліянія на пролетаріатъ и, во-вторыхъ, промышленнымъ оживленіемъ 90-хъ г.г.

Капиталистическій способъ производства въ своемъ поступательномъ ходѣ разрушаетъ жизненный нервъ мелкой буржуазіи,—мелкое производство. Ряды мелкой буржуазіи все сильнѣе рѣдѣютъ. Значительная часть ея скатывается на низшую соціальную ступень, превращается въ пролетаріевъ. Другая часть сохраняетъ еще видимую самостоятельность, попадая въ полную зависимость отъ крупной буржуазіи.

Этотъ же процессъ съ нѣкоторыми варіаціями совершается и въ сельскомъ хозяйствѣ.

Кадры пролетаріевъ непрерывно пополняются вчерашними „самостоятельными“, мелкой буржуазіей города и деревни.

Таковъ общій законъ капиталистическаго развитія.

Не слабѣе, — скорѣе сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, сказался онъ и въ Германіи.

Ростъ пролетаріата въ Германіи совершался быстрѣе, чѣмъ ростъ другихъ классовъ. Онъ росъ за ихъ счетъ. И вполнѣ естественно, что значительное число выходцевъ изъ мелкой буржуазіи, очутившись въ рядахъ пролетаріата, оказалось и въ профессіональныхъ организаціяхъ его, и въ соціалистической партіи.

Общественное развитіе Германіи выдвинуло пролетаріатъ, какъ единственнаго борца за демократизацію политическаго строя.

Соціаль-демократія была единственной демократической партіей.

Такое положеніе привело къ появленію въ пролетарской партіи элементовъ, соціально чуждыхъ пролетаріату. Этимъ элементамъ было очень мало дѣла до отдаленной „конечной цѣли“. Ихъ интересовала борьба за реформы. Имъ было важно само „движеніе“ въ рамкахъ современнаго капиталистическаго строя. Этимъ элементамъ было по пути съ пролетаріатомъ до извѣстной границы, отсюда и ихъ названіе „Mitläufer' овъ,“ (попутчиковъ).

Достигнувъ количественнаго значенія, выходцы изъ мелкой буржуазіи купно съ „попутчиками“ оказали на пролетарское движеніе и свое качественное вліяніе. Они то и толкали пролетарскую практитику на путь оппортунизма; подъ ихъ именно вліяніемъ началась ревизія старой теоріи и практики; ихъ интересы и стремленія отражало приглашеніе, обращенное къ соціалъ-демократіи изъ ея собственныхъ рядовъ, стать безоговорочно партіей демократическихъ и соціальныхъ реформъ.

Промышленное развитіе того періода способствовало успѣху оппортунистической идеологіи.

Стадія расцвѣта благопріятствовала борьбѣ за повышеніе заработной платы, за пониженіе рабочаго дня, вообще за улучшеніе условій труда.

Буржуазія получала огромные барыши. Въ интересахъ дальнѣйшаго ихъ безпрепятственнаго полученія она стремилась къ соціальному миру, удѣляя крохи отъ своихъ барышей пролетаріату.

Въ стадію расцвѣта буржуазія относительно слабѣе противилась различнымъ мелкимъ соціальнымъ реформамъ, соціальному законодательству.

Получалось на первый взглядъ такое впечатлѣніе, что классовыя противорѣчія не обостряются съ дальнѣйшимъ развитіемъ капитализма, а смягчаются; что пропасть, отдѣляющая пролетаріатъ отъ буржуазіи, не увеличивается, а уменьшается; что классовая борьба не усиливается, а ослабѣваетъ.

Для доказательства истинности и непреложности этихъ положеній

необходимо было произвести коренной пересмотръ теоретическихъ основъ марксизма и вытекающей изъ нихъ тактики.

Передовымъ бойцомъ выступилъ Эдуардъ Бернштейнъ, ставшій сразу первоапостоломъ ревизіонизма не только германскаго, но и другихъ странъ.

Поднятая ревизіонистами борьба противъ марксизма не осталась безъ отвѣта со стороны его послѣдователей. Завязалась ожесточенная полемика, въ результатѣ которой не осталось камня на камнѣ во всемъ теоретическомъ построеніи оппортунизма.

Да и сама дѣйствительность очень скоро жестоко насмѣялась надъ ревизіонистскими чаяніями.

Въ началѣ 1900-хъ годовъ закончилась фаза расцвѣта, разразился кризисъ, за которымъ послѣдовала долгая депрессія. Теоретически ревизіонизмъ умеръ.

Въ столь критическій періодъ, ортодоксальные марксисты, во главѣ съ Каутскимъ, совершили огромной важности работу, отстаивая пролетарскую теорію и практику.

Въ процессѣ борьбы съ ревизіонизмомъ они широко популяризировали въ массахъ идеи революціоннаго марксизма.

Нанеся жестокое пораженіе теоретическимъ построеніямъ ревизіонизма, Каутскій и другіе, сами того не замѣчая, ослабляли его силу и значеніе. Они не дѣлали практическихъ выводовъ изъ своихъ ударовъ, не доводили своей оцѣнки ревизіонизма до логическаго конца.

Указывая на буржуазный характеръ всѣхъ ревизіонистскихъ выступленій, они и не упоминали о необходимости полнаго разрыва съ ними. Наоборотъ, они безпрестанно твердили о сохраненіи единства партіи. Доказывая, въ противовѣсъ оппортунистической идеѣ „сотрудничества классовъ“, въ противовѣсъ стремленіямъ ревизіонистовъ блокироваться съ либеральной буржуазіей, что отъ союза революціонеровъ съ менѣе оппозиціонными элементами могутъ выиграть лишь послѣдніе, они не замѣчали возможности оказаться самимъ въ плѣну у ревизіонистовъ.

И въ своемъ стремленіи сохранить во что бы то ни стало практическое единство, они шли все время въ поводу у оппортунистической практики.

Такимъ образомъ, разбивъ на голову теоріи ревизіонизма, они были порабощены его практикой.

Какъ-же могло это случиться? Почему въ конечномъ счетѣ торжествовалъ разбитый, посрамленный ревизіонизмъ?

Развитіе ревизіонизма въ Германіи въ періодъ 1898—1905 гг. объяснялось вліяніемъ входившихъ въ партію мелкобуржуазныхъ элементовъ и промышленнымъ расцвѣтомъ. Но промышленный расцвѣтъ закончился уже въ 1901—1902 г.

Разразившійся тогда кризисъ не мало способствовалъ теорстическому одолѣнію ревизіонизма. О промышленномъ расцвѣтѣ для объясненія живучести и конечнаго торжества практическаго ревизіонизма нечего слѣдовательно и говорить.

Остается мелкобуржуазное вліяніе на пролетаріатъ. Несомнѣнно, что его ряды продолжаютъ пополняться выходцами изъ мелкой буржуазіи. Несомнѣнно, эти выходцы оказываютъ вліяніе на практику классовой борьбы.

Но, во-первыхъ, часть „попутчиковъ“ бѣжала отъ соціалъ-демократіи при перевыборахъ рейхстага въ 1907 году, послѣ досрочнаго его роспуска. Во-вторыхъ, съ дальнѣйшимъ капиталистическимъ развитіемъ происходилъ ростъ тѣхъ слоевъ пролетаріата, которые въ своей родословной насчитываютъ нѣсколько поколѣній чисто пролетарскихъ. Какъ бы ни было значительно вліяніе мелкобуржуазныхъ элементовъ, оно одно, мнѣ думается, не можетъ объяснить торжества оппортунистской практики. И это тѣмъ болѣе, что необходимо объяснить уклонъ въ сторону праваго оппортунизма. Мелкая буржуазія сама по себѣ можетъ представлять благопріятную почву и для развитія лѣваго оппортунизма, выражающагося анархизмомъ въ различныхъ его видахъ. Въ послѣднемъ можно убѣдиться при взглядѣ на рабочее движеніе, напримѣръ, Франціи или Италіи.

Промышленное развитіе Германіи за послѣднія два-три десятилѣтія совершалось со стремительной быстротой. Ни одна страна не можетъ сравниться съ ней въ этомъ отношеніи. Нѣкоторое представленіе объ этомъ развитіи даютъ слѣдующія цифры:

Добыча каменнаго угля (милл. тоннъ):

	1887 г.	1912 г.	Увел. (въ %).
Германія	76	226	+193,3
Англія	162	264	+ 62,9
Франція	21	41	+ 95,2

Производство чугуна (милл. тоннъ):

	1887 г.	1912 г.	Увел. (въ %).
Германія	4	18	+350,0
Англія	8	8	+ —
Франція	2	5	+150,0

Одновременно совершался стремительный ростъ и текстильной промышленности.

Переработка хлопка (милл. англ. фунт.):

	1887 г.	1912 г.	Увел. (въ %).
Германія.	281	1.578	+461,5
Англія	1,357	2.171	+ 61,5
Франція.	233	614	+163,5

Особенно важно при этомъ отмѣтить тѣ формы, въ которыхъ совершался *столь мощный ростъ всей* промышленности.

Капиталистическій способъ производства началъ развиваться въ Германіи въ тотъ періодъ, когда капитализмъ нѣкоторыхъ другихъ странъ, особенно Англіи, достигъ уже большой зрѣлости. Для болѣе быстраго и успѣшнаго выступленія на міровомъ рынкѣ, выступленія въ качествѣ равной капиталистической державы, Германія должна была совершать свою промышленную эволюцію ускореннымъ темпомъ. Она должна была возможно сильнѣе сократить переходныя къ капитализму фазы развитія. И она могла это сдѣлать, перенявъ готовыми технику и организацію капиталистическаго производства.

Въ теченіе короткаго времени германское производство достигло неслыханной концентраціи. Получили быстрое развитіе сильные тресты и картели, чему способствовала и протекціонистская политика.

Болѣе совершенная организація производства въ Германіи, чѣмъ въ Англіи, обусловливалась двумя крайне важными обстоятельствами. Организація производства по послѣднему слову техники не тормазилась ничѣмъ. Не было, какъ въ Англіи, старой промышленности, въ которую были бы уже вложены большіе капиталы, могущіе играть роль тормаза. При реорганизаціи производства значительная часть постояннаго капитала, вложеннаго въ орудія производства, становится мертвой до нормальной своей амортизаціи. Второе преимущество Германіи заключалось въ тѣсной связи промышленнаго капитала съ банковымъ съ первыхъ же крупныхъ шаговъ капиталистическаго развитія. Благодаря этому облегчалось перемѣщеніе капиталовъ изъ одной отрасли промышленности въ другую, и накопленія всѣхъ слоевъ населенія отдавались для ихъ капиталистическаго примѣненія.

Капиталистическій способъ производства пережилъ въ міровомъ масштабѣ нѣсколько фазъ развитія. Отъ господства товарно-торговаго капитала къ промышленному, и отъ послѣдняго къ финансовому капиталу. Господство финансоваго капитала означаетъ высшую стадію

капиталистическаго производства. Въ немъ угасаетъ особенный, конкретный характеръ капитала. Капиталъ является единой силой, которая суверенно господствуетъ надъ процессомъ жизни общества“ [1]).

Въ послѣднее десятилѣтіе финансовый капиталъ въ Германіи пріобрѣлъ уже полное господство. Капитализмъ достигъ неимовѣрной концентраціи. Все производство находилось въ рукахъ шести крупнѣйшихъ банковъ.

Благодаря совершенной организаціи своей промышленности, Германіи быстро удалось занять замѣтное положеніе на міровомъ рынкѣ. А въ скоромъ времени пріобрѣсти тамъ и господствующее положеніе, вытѣсняя съ него старыя капиталистическія страны.

Крайне быстрое накопленіе капиталовъ, которому способствовала все та же совершенная организація производства, все сильнѣе толкало Германію къ расширенію сферы своего экономическаго вліянія. Наряду съ возрастаніемъ массы капитала, предназначеннаго для накопленія, необходимо было искать возможности для его примѣненія. Послѣднее становилось возможнымъ лишь посредствомъ экспорта капитала во все возрастающихъ размѣрахъ. А это означало все болѣе тѣсную связь германской промышленности съ міровымъ рынкомъ, все большую отъ него зависимость.

Эта связь великолѣпно характеризуется данными внѣшней торговли Германіи.

	1893 г.	1913 г.	Увел. (въ %)
Привозъ (милл. марокъ) .	4.134	10.770	+160,6
Вывозъ („ „) .	3.245	10.096	+254,3

Тѣсная связь съ міровымъ рынкомъ, господствующее положеніе на немъ германской промышленнотти не могли не отразиться такъ или иначе на пролетаріатѣ Германіи.

Рабочее движеніе каждой страны опредѣляется въ значительной степени положеніемъ промышленности данной страны на міровомъ рынкѣ.

И чѣмъ полнѣе связь страны съ нимъ, чѣмъ большую роль она на немъ играетъ, тѣмъ полнѣе эта зависимость.

Внѣшняя политика господствующихъ классовъ цѣликомъ опредѣляется положеніемъ ихъ страны на міровомъ рынкѣ. А внутреняя ихъ политика находится въ сильнѣйшей зависимости отъ внѣшней.

Характеръ рабочаго движенія, характеръ классовой борьбы проле-

[1]) Гильфердингъ„ Финансовый капиталъ.“ стр. 355.

таріата тѣсно связанъ съ политикой господствующихъ классовъ. Политика пролетаріата по существу своему антагонистична политикѣ буржуазіи. Но, въ извѣстный періодъ развитія капитализма страны, этотъ антогонизмъ можетъ быть скрытъ отъ широкихъ массъ. Подобное затушеваніе антагонизма возможно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ тѣснѣе промышленное развитіе страны связано съ міровымъ рынкомъ, и чѣмъ болѣе господствующее положеніе на немъ занимаетъ ея промышленность.

Лучшей иллюстраціей выставленныхъ здѣсь положеній является столѣтняя исторія англійскаго рабочаго движенія. Всѣ историки рабочаго движенія Англіи сходятся въ объясненіи его тредъ-юніонистскаго характера вліяніемъ господства Англіи на міровомъ рынкѣ.

Но то же самое вліяніе имѣло мѣсто и въ Германіи. Подъ угломъ этого вліянія становится понятнымъ и весь процессъ размежеванія, происшедшій въ рядахъ германской соціаль-демократіи.

Уже къ концу 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія промышленность Германіи представляла собою замѣтную величину на міровомъ рынкѣ. Уже тогда буржузія старыхъ капиталистическихъ странъ, Англіи и Франціи, кричала о германской конкуренціи. А за послѣднее десятилѣтіе передъ войной крикъ о промышленной гегемоніи Германіи сдѣлался всеобщимъ. И крикъ этотъ отражалъ собою не мнимую опасность, а самую подлинную дѣйствительность. Германскіе товары вытѣсняли англійскіе и французскіе изъ ихъ собственныхъ владѣній, изъ метрополій, какъ и изъ колоній.

Какъ уже было указано, Германіи удалось занять господствующее положеніе благодаря своей болѣе совершенной промышленной организаціи, благодаря высшей стадіи въ развитіи своего капитализма.

Политика господствующихъ классовъ была политикой финансоваго капитала.

Эта политика „преслѣдуетъ троякаго рода цѣли: во-первыхъ, созданіе возможно обширной хозяйственной территоріи, которая, во-вторыхъ, должна быть ограждена отъ иностранной конкуренціи таможенными стѣнами и, такимъ образомъ, должна превратиться, въ третьихъ, въ область эксплоатаціи для національныхъ монополистическихъ союзовъ“. [1]) Эта политика и есть имперіализмъ.

Наряду съ тѣмъ, какъ капитализмъ перешелъ въ высшую фазу развитія, измѣнился классовый характеръ буржуазіи, измѣнилась ея идеологія,

---

[1]) Гильфердингъ, 495 стр.

Въ періодъ господства промышленнаго капитала буржуазія исповѣдовала либерализмъ. Тогда она отнюдь не была заинтересована въ увеличеніи политической силы государства. Для буржуазіи того періода было совершенно правильно указаніе Маркса, что чистой формой ея политическаго господства является демократическая республика. Тогда буржуазія стремилась къ возможно болѣе полной свободѣ индивидуума отъ какой либо государственной опеки. Иное дѣло—идеологія буржуазіи при господствѣ финансоваго капитала. „Финансовый капиталъ хочетъ не свободы, а господства. У него нѣтъ вкуса къ тому, чтобы индивидуальный капиталистъ сохранялъ самостоятельность: онъ требуетъ ограниченія капиталиста. . . Для него необходимо. . . государство, которое повсюду въ мірѣ можетъ вмѣшиваться съ той цѣлью, чтобы превратить весь міръ въ сферы для приложенія своего финансоваго капитала". [1]).

Финансовый капиталъ, представляющій собою единство раздробленнаго раньше капитала, цѣликомъ подчиняетъ себѣ государственную власть. Старый антагонизмъ между промышленной буржуазіей и землевладѣльческой исчезаетъ. Ихъ сближаетъ ставшее нормальнымъ соучастіе во всѣхъ частяхъ, на которыя распадается прибавочная стоимость. Сближала ихъ въ Германіи и общая протекціонистская политика. Какъ для финансоваго капитала, такъ и для крупнаго землевладѣнія желательны охранительныя пошлины. Борьба за аграрныя пошлины объединила въ свою очередь крупное, среднее и мелкое землевладѣніе.

Одновременно совершался процессъ экономическаго, а за нимъ и идеологическаго подчиненія средняго и мелкаго производства финансовому капиталу. Если въ экономическомъ отношеніи это подчиненіе носило характеръ косвенной зависимости, то въ идеологическомъ оно являлось полнымъ. Среднее и мелкое производство тоже было сильно заинтересовано въ дальнѣйшемъ развитіи успѣшной имперіалистической политики. Расширеніе сферы приложенія капитала способствовало продленію эпохи расцвѣта и отдаляло кризисъ. Такимъ образомъ по мѣрѣ господства финансоваго капитала создавалась единая буржуазная масса. И рабочему классу она противостояла часто, какъ реакціонная масса.

Имперіалистическія вожделѣнія, общія этой буржуазной массѣ, вызывали противодѣйствіе со стороны извѣстныхъ слоевъ пролетаріата. Расширеніе колоніальной политики, связанное съ нимъ увеличеніе

[1]) Гильфердингъ, стр. 511-512.

арміи и флота, а, значитъ, и усиленіе налоговаго бремени и укрѣпленіе силы государства—все это не въ интересахъ пролетаріата.

Но отдѣльнымъ слоямъ его казалось, что именно благодаря господствующему положенію германской промышленности на міровомъ рынкѣ они и пользуются относительнымъ благосостояніемъ. Имъ казалось, что ихъ интересы во внѣшней политикѣ совпадаютъ съ интересами господствующихъ классовъ. А отсюда уже очень недалеко и до „сотрудничества классовъ".

Такимъ образомъ часть пролетаріата Германіи подпала подъ идеологическую зависимость имперіалистической буржуазіи.

Господство финансоваго капитала стало фактомъ для Германіи. Это господство привело къ усиленію имперіализма. И никакой иной политики, кромѣ имперіалистической, и не могли вести господствующіе классы. Часть пролетаріата, признавая неизбѣжность этой политики, не сознавала, что она неизбѣжна лишь для буржуазіи. Отождествляя интересы германской промышленности даннаго историческаго періода съ интересами Германіи въ цѣломъ, эта часть пролетаріата неизбѣжно должна была увлечься мнимыми выгодами отъ усиленія промышленности своей страны на міровомъ рынкѣ и для себя самихъ. Все это приводило эти слои пролетаріата къ поддержкѣ имперіализма и отказу отъ своей собственной политики.

Мелкая буржуазія была безоговорочно на сторонѣ имперіализма. И сохранившая связь съ ней часть пролетаріата тѣмъ легче могла придти къ признанію общности своихъ интересовъ съ его усиленіемъ.

Воздѣйствіе имперіалистической идеологіи на пролетаріатъ и отражали собою оппортунисты.

Силу этого вліянія объясняетъ живучесть оппортунизма и теперешнюю побѣду его практики надъ ортодоксальной теоріей, господствовавшей въ германской соціаль-демократіи.

Съ этой точки зрѣнія становится вполнѣ понятнымъ господство націонализма надъ интернаціонализмомъ въ части германскаго пролетаріата.

Голосованье за военные кредиты, поддержка государства въ его военныхъ авантюрахъ и пр.,—все это было заложено задолго до войны въ практикѣ партіи. Неоднократно въ отвѣтъ на обвиненія въ антипатріотизмѣ со стороны буржуазіи и юнкерства представители с.-дем. заявляли: „Wir sind gute Deutsche" („мы добрые нѣмцы"). И ни разу не было заявлено, что „Wir sind gute Internationalisten" (мы хорошіе интернаціоналисты). Предсѣдатель союза строительныхъ рабо-

чихъ Виннигъ совершенно правильно указываетъ причины національнализма, когда пишетъ: „Каждый рабочій классъ весьма сильно заинтересованъ въ процвѣтаніи народнаго хозяйства своей страны... Здѣсь мы имѣемъ послѣднюю причину того явленія, что рабочіе рѣшительно становятся на сторону своего государства". [1]).

Линія поведенія оппортунистовъ, ихъ тактика была все время логически послѣдовательной. Если рабочій классъ „заинтересованъ въ процвѣтаніи народнаго хозяйства своей страны", то онъ долженъ поддерживать все то, что способствуетъ такому процвѣтанію. Въ интересахъ процвѣтанія промышленности Германіи расширеніе рынковъ, господствующее положеніе на міровомъ рынкѣ. Въ томъ же заинтересована и германская буржуазія. Нелѣпостью представляется положеніе объ усиленіи противоположности интересовъ рабочаго класса и буржуазіи при наличности столь важныхъ общихъ интересовъ, общихъ имъ „національныхъ" задачъ.

Процвѣтаніе промышленности своей страны облегчаетъ проведеніе рабочихъ реформъ. Улучшенію положенія рабочаго класса способствуетъ активная колоніальная политика, содѣйствующая указанному процвѣтанію. Такая политика можетъ быть успѣшной лишь при сильномъ государствѣ, имѣющемъ въ своемъ распоряженіи хорошую армію и флотъ.

Руководителямъ профессіональныхъ союзовъ при каждой стачкѣ приходится учитывать промышленную конъюнктуру момента. Они въ повседневной практикѣ убѣждаются, какое огромное значеніе имѣетъ отдаляющее кризисы расширеніе рынковъ и монопольное положеніе страны на міровомъ рынкѣ.

И профессіональные союзы чаще всего сталкивались въ своей борьбѣ со значеніемъ „процвѣтанія промышленности" своей страны. Борьба ихъ не выходила изъ рамокъ капиталистическаго общества и ближе всего подходила къ „національнымъ задачамъ". Поэтому они и представляли лучшую почву для развитія національнализма и вообще оппортунизма.

Но они не считали излишнимъ и международное объединеніе рабочихъ. Оно тоже не лишено емысла. Международныя соглашенія между рабочими однородныхъ профессій въ разныхъ странахъ могутъ въ свою очередь способствовать успѣху профессіональной борьбы. Но они являются лишь придаткомъ къ національному движенію.

---

[1]) „Socialistische Monatshefte" 1915 г. № I. Цит. по ст. Энзиса въ „Совр. Мірѣ" № 6-й за 1915 г.

Такъ, съ дальнѣйшимъ развитіемъ имперіализма, оппортунисты подпадали все сильнѣе подъ вліяніе его идеологіи. Они отражали интересы тѣхъ слоевъ рабочаго класса, которыхъ временныя выгоды совпадали съ имперіалистическимъ развитіемъ Германіи. Они совершенно отказывались отъ самостоятельной классовой политики, и соціализмъ становился для нихъ пустымъ звукомъ. Тѣмъ самымъ ихъ разрывъ съ соціалистическимъ движеніемъ сталъ неизбѣжнымъ, и о совмѣстной работѣ съ ними въ рядахъ единой партіи для дѣйствительныхъ представителей пролетаріата не могло быть и рѣчи.

Если практика праваго крыла партіи находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ его общимъ міровоззрѣніемъ,—имперіалистическимъ по своему существу,—то нельзя того же сказать о центрѣ.

Какъ уже было указано, въ начальный періодъ развитія оппортунизма ортодоксальные марксисты выступали противъ него единодушно. Выдвигавшіяся ревизіонистами требованія, чтобы партія защищала интересы всѣхъ демократическихъ слоевъ населенія, а не съуживала своихъ задачъ представительствомъ только пролетаріата, встрѣтили дружный отпоръ. Также дружно доказывали ортодоксы неправильность утвержденій о побѣдѣ мелкаго производства надъ крупнымъ, о смягченіи классовыхъ противорѣчій и т. д. Дружно отстаивали ортодоксы основныя положенія революціоннаго марксизма отъ нападокъ ревизіонистовъ. Постепенному „врастанію въ государство будущаго“ [1]) ревизіонистовъ, ортодоксы противопоставляли катастрофическій путь развитія.

Но это лишь теоретически. На практикѣ ортодоксы мало отличались отъ ревизіонистовъ. Всѣ помыслы и стремленія тѣхъ и другихъ были направлены на интересы даннаго момента: для тѣхъ и другихъ борьба за частичныя улучшенія, за реформы, составляла всю практику. Съ тою лишь разницей, что ортодоксы одновременно пропагандировали неизбѣжность въ будущемъ коренного переворота. Не связывая своей повседневной работы съ соціализмомъ, не приспособляя всей тактики къ грядущей соціальной революціи, ортодоксы воспитывали массы въ духѣ пассивнаго радикализма. Измѣнились общія условія классовой борьбы пролетаріата не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ. Назрѣла потребность въ приспособленіи къ нимъ пролетарской тактики. Эра „мирнаго“ развитія капитализма миновала. Отъ простого накопленія силъ пролетаріатъ долженъ былъ

---

[1]) Какъ совершенно правильно отмѣтилъ одинъ изъ лѣвыхъ с-д. „врастаніе“ то происходило, но „въ современное классовое государство“.

перейти къ болѣе рѣшительнымъ формамъ борьбы. Только часть германской ортодоксіи учитывала происшедшія измѣненія.

Дальнѣйшее развитіе капитализма въ разныхъ странахъ наталкивалось на препятствія. Капиталистическое накопленіе давно вышло за предѣлы національнаго рынка. Учащались столкновенія разныхъ странъ въ борьбѣ за овладѣніе міровымъ рынкомъ. Міръ становился тѣсенъ для капиталистическаго способа производства.

Германскій капитализмъ, выступившій на арену міровой борьбы позднѣе, вынужденный острой конкуренціей отвоевывать свою долю въ эксплоатаціи чужихъ народовъ, долженъ былъ развить особенно сильно агрессивную политику. Достигшій господства финансовый капиталъ проводилъ свою политику имперіализма, на путь каковой вступили и другія капиталистическія страны. Началась эпоха усиленныхъ вооруженій; военные бюджеты во всѣхъ странахъ росли съ неимовѣрной быстротой, ложась тяжелымъ гнетомъ на массы. Создалось крайне напряженное внѣшнее положеніе, грозившее ежечасно перейти въ открытый конфликтъ. Одновременно измѣнилось и внутреннее положеніе.

Финансовый капиталъ по самому своему существу антидемократиченъ. Овладѣвъ государственной властью, подчинивъ ее себѣ въ Германіи—не только въ одной Германіи—онъ тѣмъ меньше могъ считаться съ массами населенія. Значеніе парламента, и безъ того не особенно большое въ Германіи, падало. Передъ рабочимъ классомъ вставалъ вопросъ о внѣпарламентскомъ воздѣйствіи на господствующіе классы.

Мощныя предпринимательскія организаціи создавали новыя условія профессіональной борьбы. Каждый отдѣльный, частичный конфликтъ могъ превратиться,—и часто превращался, въ широкое столкновеніе.

Измѣнившіяся общія условія вынуждали пролетаріатъ къ примѣненію новыхъ формъ борьбы.

Не остались безъ вліянія и революціонныя событія на востокѣ Европы и въ восточныхъ странахъ.

Часть ортодоксовъ, учитывая всѣ происшедшія измѣненія и международный опытъ пролетаріата, выдвигала большую активность широкихъ массъ. Они давали правильную оцѣнку имперіализму и призывали къ безпощадной борьбѣ съ нимъ и съ сопутствующимъ ему милитаризмомъ.

На почвѣ отношенія къ имперіализму и необходимости новой тактики и произошло раздѣленіе ортодоксовъ.

Центръ, во главѣ съ Каутскимъ, находился всецѣло подъ властью

старыхъ традицій. Дѣятельность соц.-демократіи, какъ она сложилась за предшествующій періодъ ея историческаго развитія, казалась ему разъ навсегда данной. Онъ отражалъ собою періодъ накопленія силъ пролетаріатомъ. Тотъ періодъ, когда капитализмъ еще не достигъ высшей фазы своего развитія—фазы финансоваго капитала.

Въ теченіе десятковъ лѣтъ германская соціаль-демократія вела свою работу «мирными», легальными средствами.

Она ставила своей задачей просвѣщеніе и организацію массъ. Вся эта работа не выходила за предѣлы буржуазнаго общества. Если правые ставили точку надъ і, приспособляя къ этой практикѣ партіи и свою теорію, то у центра все время было расхожденіе между ними. Онъ не отодвигалъ такъ далеко, какъ правые, соціалистическій переворотъ, но, подобно имъ, не связывалъ съ нимъ своей практики. Принимаемыя партейтагами резолюціи, въ большинствѣ ортодоксальныя, не измѣняли оппортунистической по существу практики.

Въ полномъ согласіи съ правыми центръ боролся внутри партіи противъ всякихъ «новшествъ». Разъ старая тактика партіи дала возможность соціаль-демократіи собрать подъ своимъ знаменемъ милліонъ членовъ, разъ соц.-дем. профессіональные союзы обнаруживали быстрый ростъ, приближаясь къ тремъ милліонамъ, догоняя и обгоняя количествомъ членовъ и кассами старые англійскіе тредъ-юніоны,—значитъ нѣтъ никакой необходимости въ измѣненіи этой тактики.

Центръ поддерживали широкіе круги пролетаріата. Воспитываясь годами въ духѣ воззрѣнія, что легальность лишь выгодна пролетаріату, что при ней онъ «нагуливаетъ красныя щеки», эти круги продолжали до поры до времени находиться подъ властью пассивнаго радикализма. Всѣ свои чаянія и надежды они возлагали на усиленіе вліянія соціаль-демократіи въ парламентѣ и на ростъ своихъ организацій. Ихъ еще не коснулось воздѣйствіе имперіалистической политики, проводившейся господствующими классами. Онѣ еще стояли одной ногой на почвѣ старыхъ условій борьбы и выработанныхъ подъ ихъ вліяніемъ формъ ея.

Такимъ образомъ, становится понятнымъ, почему центръ обрушился противъ новаторовъ,—лѣвыхъ, почему онъ объединился для борьбы противъ нихъ съ правыми.

Уже самые пункты разногласія лѣвыхъ съ центромъ обнаруживаютъ въ извѣстной мѣрѣ причину ихъ расхожденія.

Для центра господство имперіалистической политики не представлялось неизбѣжнымъ именно въ формѣ постоянныхъ взаимныхъ столкновеній между различными государствами. Имперіализмъ, если и не-

избѣженъ при капиталистическомъ способѣ производства, то все же можетъ быть введенъ въ мирныя рамки. Если усиленіе милитаризма и является его послѣдствіемъ, то все же можно привести къ его ослабленію посредствомъ борьбы за постепенное разоруженіе современныхъ государствъ.

Лѣвые, наоборотъ, разсматривали финансовый капиталъ, какъ высшую стадію въ развитіи капиталистическаго способа производства. Имперіализмъ они считали неизбѣжной политикой господствующаго финансоваго капитала, бороться противъ которой возможно лишь усиленіемъ активности широкихъ пролетарскихъ массъ, воспитываемыхъ въ духѣ соціальнаго переворота. Только такой переворотъ можетъ покончить съ имперіализмомъ и сопутствующими ему милитаризмомъ, усиленіемъ налоговаго бремени, вздорожаніемъ жизни, постоянной возможностью военныхъ столкновеній, тяжесть которыхъ ляжетъ на народныя массы.

Лѣвые учитывали и тѣ измѣненія, которыя внесъ финансовый капиталъ во взаимныя отношенія различныхъ классовъ. Они были далеки отъ увлеченія парламентской борьбой и собираніемъ голосовъ при выборахъ. Они перестали разсматривать соціализмъ, только какъ «конечную цѣль», указывающую просто направленіе борьбы въ рамкахъ существующаго строя. Для нихъ соціализмъ становился основнымъ элементомъ во всей повседневной пролетарской борьбѣ.

Финансовый капиталъ, по ихъ мнѣнію, уже подготовилъ объективныя условія соціалистическаго строя. Дѣло стало лишь за субъективными предпосылками переворота. Политикѣ финансоваго капитала пролетаріатъ долженъ противопоставить соціализмъ,—таковъ единственный отвѣтъ пролетаріата на имперіализмъ. И только воспитывая пролетарскія массы въ духѣ активности, соціалистическая политика пролетаріата можетъ побѣдить политику финансоваго капитала.

Старыя формы борьбы, простое накопленіе силъ вокругъ парламентской работы и въ профессіональныхъ союзахъ слишкомъ слабо развивали активность самихъ массъ.

Условія борьбы, создавшіяся при господствѣ финансоваго капитала, выдвинули на первую очередь внѣпарламентскую борьбу, выступленія широкихъ массъ пролетаріата въ формѣ массовыхъ уличныхъ демонстрацій и массовыхъ стачекъ.

Примѣненіе новыхъ формъ борьбы втянетъ въ движеніе еще не затронутые слои пролетаріата. Процессъ вовлеченія массъ будетъ совершаться тѣмъ быстрѣе, чѣмъ полнѣе соціаль-демократія приспособитъ свою тактику къ новымъ условіямъ борьбы. И тѣмъ успѣшнѣе

пойдетъ развитіе классоваго самосознанія пролетаріата, чѣмъ яснѣе партія будетъ связывать крушеніе имперіализма и его неизбѣжныхъ результатовъ съ усиленіемъ пролетарской активности. И тѣмъ скорѣе наступитъ соціальный переворотъ, чѣмъ правильнѣе пролетаріатъ предвосхититъ политику господствующихъ классовъ.

Старыя организаціи выполнили огромной важности работу, объединяя массы и просвѣщая ихъ. Примѣнявшіяся ими формы борьбы и впредь будутъ выполнять большую службу въ защитѣ интересовъ пролетаріата. Но арсеналъ пролетарскаго оружія долженъ быть увеличенъ примѣненіемъ демонстрацій и массовыхъ стачекъ. Періодъ накопленія силъ и сопутствующаго ему пассивнаго радикализма миновалъ. Настала пора полнѣе пустить въ ходъ эти силы и перейти къ активному радикализму.

Тактика, которую отстаивали лѣвые, съ полной неизбѣжностью вытекала изъ ихъ оцѣнки хода развитія капиталистическаго способа производства. Ихъ міровоззрѣніе находилось въ полномъ антагонизмѣ съ оппортунистическимъ. Поскольку послѣднее было по существу имперіалистическимъ, постольку первое антиимперіалистическимъ.

Правые вели борьбу въ рамкахъ существующаго строя, не выходили за его предѣлы и связывали ея успѣхи съ осуществленіемъ «національныхъ задачъ» своей страны. Проведеніе соціальныхъ реформъ вполнѣ возможно и въ національномъ масштабѣ. Отсюда націонализмъ правыхъ.

Лѣвые, не отказываясь отъ соціальныхъ реформъ, отъ борьбы за нихъ, разсматривали ихъ, какъ средство къ основной цѣли—крушенію капитализма, соціализму. Временные интересы отдѣльныхъ слоевъ пролетаріата могутъ совпадать съ «національными задачами». Интересы же, общіе всему пролетаріату, интересы всего пролетарскаго движенія, сводятся къ соціальному перевороту, каковой возможенъ лишь въ интернаціональномъ масштабѣ. Отсюда интернаціонализмъ лѣвыхъ.

Подведемъ итоги.

Правые отразили въ своей теоріи и практикѣ господство Германіи на міровомъ рынкѣ и связали интересы пролетаріата и народныхъ массъ вообще съ его дальнѣйшимъ успленіемъ и расширеніемъ. Они явились идейными представителями тѣхъ слоевъ пролетаріата, временные интересы которыхъ совпали съ развитіемъ германскаго имперіализма, и которые еще не дошли до сознанія своихъ общихъ пролетарскихъ задачъ. Одновременно они представляли въ партіи тѣ демократическіе слои германскаго народа, которые стремились къ

измѣненію внутренней политики господствующихъ классовъ, поддерживая въ то же время ихъ имперіализмъ, и шли за соц.-демократіей, какъ за демократической партіей, игнорируя ея соціалистическое названіе.

Если правое крыло отразило положительно вліяніе имперіализма на пролетарское движеніе, то лѣвое отразило его отрицательно. Оно представляло въ партіи общіе интересы пролетаріата въ цѣломъ и рекрутировалось изъ тѣхъ его элементовъ, у которыхъ мнимыя выгоды даннаго момента не затушевали классоваго самосознанія.

Промежуточное положеніе занималъ центръ. Въ немъ не было цѣльности, стройности, характерныхъ для праваго и лѣваго крыла, исходившихъ въ своихъ стремленіяхъ изъ новыхъ условій борьбы. Онъ стоялъ въ эпоху господства финансоваго капитала и имперіализма на предшествующей имъ ступени капиталистическаго развитія. Онъ колебался между правымъ и лѣвымъ крыломъ, примыкая теоретически ближе къ лѣвымъ, принимая почти цѣликомъ практику правыхъ, дѣлая непрестанно безуспѣшныя попытки примирить свои «двѣ души», тянувшія его въ разныя стороны. Въ немъ объединялись широкія пролетарскія массы, болѣе слабо затронутыя имперіализмомъ, уже сознавшія несовмѣстимость своихъ интересовъ съ капитализмомъ, но еще не признавшія неизбѣжности его близкаго конца и необходимости новой тактики.

Поведеніе германской соц.-демократіи въ началѣ войны и при дальнѣйшемъ ея ходѣ находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ указаннымъ ея составомъ. Если и было противорѣчіе, то не съ прежней практикой партіи, а съ ея резолютивными пожеланіями.

Въ процессѣ войны старыя разногласія были доведены лишь до логическаго конца. Позиціи праваго и лѣваго крыла получили лишь большую ясность и законченность. И шагъ, отъ котораго въ мирное время центръ, въ согласіи съ традиціями партіи, еще долго, быть можетъ, удерживалъ бы лѣвое крыло, былъ сдѣланъ. Позиція партіи такъ сильно отошла отъ пролетарскихъ интересовъ, что для дѣйствительныхъ представителей пролетаріата дальнѣйшее сожительство съ оппортунистами изъ правыхъ и центра стало невозможнымъ. Они выступили противъ партійнаго большинства.

Wer «A» sagt, muss auch «B» sagen. Правые, ступивъ на почву поддержки имперіализма, во время войны покатились по наклонной плоскости съ неимовѣрной быстротой. И такъ далеко отошли отъ всего, связаннаго съ соціализмомъ, что не выдержалъ въ концѣ концовъ и центръ. Послѣ долгихъ колебаній и онъ отдалился, со-

ставивъ пока особую фракцію въ рейхстагѣ, голосующую отдѣльно вмѣстѣ съ лѣвыми, но выступая противъ нихъ внѣ парламентской дѣятельности.

Удѣльный вѣсъ каждой изъ разрозненныхъ нынѣ частей германской соц.-демократіи измѣнился сильно въ процессѣ войны и продолжаетъ измѣняться въ томъ же направленіи—въ сторону усиленія лѣвыхъ. Въ эпохи войнъ и революцій сознаніе широкихъ массъ растетъ съ стремительной быстротой. Соотношеніе силъ далеко не точно отражается въ парламентскихъ группировкахъ. Вліяніе лѣвыхъ, даже по имѣющимся у насъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, усиливается въ пролетаріатѣ за счетъ правыхъ и центра.

Массы пролетаріата уже до войны начинали проводить тактику лѣвыхъ: вспомнимъ демонстраціи на почвѣ дороговизны, моабитскія волненія, популярность массовой забастовки въ борьбѣ за избирательное право въ прусскій ландтагъ и т. д. Съ дальнѣйшимъ ходомъ войны ихъ вліяніе можетъ лишь усилиться, потому что они наиболѣе полно отражаютъ интересы пролетаріата въ эпоху имперіализма, толкающаго рабочій классъ въ сторону тактики, предуказанной лѣвыми.

Что касается правыхъ, то ихъ разрывъ съ соціализмомъ становится все болѣе полнымъ, и они, мнѣ думается, въ скоромъ времени превратятся безъ оговорокъ въ партію соціальныхъ и демократическихъ реформъ, въ демократическую партію мелкой буржуазіи, въ хвостѣ которой еще будутъ плестись незначительные слои пролетаріата, болѣе прочно привязанные къ колесницѣ имперіализма.

Нѣтъ будущаго и у центра въ соціалистическомъ движеніи. Часть примыкающаго къ нему пролетаріата уже отошла вправо или влѣво. Большинство ушло и будетъ уходить влѣво. Но не такъ скоро еще совершенно исчезнутъ промежуточные слои. Вожди центра будутъ еще играть реакціонную роль, удерживая пролетаріатъ отъ правильнаго пути. Однако вліяніе центра будетъ становиться все слабѣе. Не имѣя твердой, послѣдовательной позиціи, не отражая правильно задачъ рабочаго класса, онъ осужденъ объективными условіями на отмираніе.

Финансовый капиталъ привелъ къ концентраціи всего производства въ такой степени, что сдѣлалъ очень легкимъ переходъ его въ общественное. Одновременно онъ сдѣлалъ очевиднымъ полную несовмѣстимость его съ интересами общественнаго развитія, помѣхой которому онъ уже сталъ. Своей политикой—имперіализмомъ—онъ привелъ къ

огромному расточенію производительныхъ силъ общества, дальнѣйшее развитіе которыхъ возможно лишь при планомѣрномъ регулированіи производства всѣмъ обществомъ.

Только тактика лѣвыхъ стоитъ въ соотвѣтствіи съ развитіемъ общественныхъ производительныхъ силъ. Только они правильно предвосхищаютъ процессъ общественнаго развитія. И будущее пролетарскаго движенія принадлежитъ только лѣвымъ.

А. Михайловичъ.

Подъ чужимъ флагомъ.

Въ № I «Нашего дѣла» (Петроградъ, январь 1915) была напечатана чрезвычайно характерная программная статья г. А. П-ва: „На рубежѣ двухъ эпохъ“. Какъ и предыдущая статья того же автора, помѣщенная въ одномъ изъ журналовъ нѣсколько ранѣе, данная статья излагаетъ основныя идеи цѣлаго буржуазнаго теченія общественной мысли въ Россіи, именно,—теченія ликвидаторскаго—по важнымъ и злободневнымъ вопросамъ современности. Собственно говоря, передъ нами не статьи, а манифестъ извѣстнаго направленія, и всякій, кто внимательно прочтетъ ихъ и вдумается въ ихъ содержаніе, тотъ увидитъ, что только случайныя, т. е. постороннія чисто литературнымъ интересамъ соображенія помѣшали мыслямъ автора (и его друзей, ибо авторъ не одиночка) быть выраженными въ болѣе подходящей формѣ декларацiи или „кредо“ (исповѣданія вѣры).

Главная мысль А. П-ва состоитъ въ томъ, что современная демократія находится на рубежѣ двухъ эпохъ, причемъ коренное отличіе старой эпохи отъ новой состоитъ въ переходѣ отъ національной ограниченности къ международности. Подъ современной демократіей А. П-въ имѣетъ въ виду ту, которая характерна для самаго конца 19 и начала 20 вѣка, въ отличіе отъ старой, буржуазной демократіи, характерной для конца 18 и первыхъ двухъ третей 19-го вѣка.

На первый взглядъ можетъ показаться, что мысль автора безусловно правильна, что передъ нами противникъ господствующаго нынѣ въ современной демократіи національно-либеральнаго направленія, что авторъ—„международникъ“, а не націоналъ-либералъ.

Въ самомъ дѣлѣ, защита международности, отнесеніе національной ограниченности и національной исключительности къ чертамъ старой, миновавшей эпохи—развѣ это не рѣшительный разрывъ съ повѣтріемъ націоналъ-либерализма, этой язвой современной демократіи или, вѣрнѣе, оффиціальныхъ представителей ея?

На первый взглядъ не только можетъ, но почти неизбѣжно должно показаться такъ. А между тѣмъ это коренная ошибка. Авторъ ведетъ свой грузъ подъ чужимъ флагомъ. Онъ употребилъ— сознательно или безсознательно, это все равно въ данномъ случаѣ— маленькую военную хитрость, выкинулъ флагъ „международности“ съ той цѣлью, чтобы безопаснѣе провезти подъ этимъ флагомъ контрабандный грузъ націоналъ-либерализма. Ибо А. П-въ несомнѣннѣйшій націоналъ-либералъ. Вся суть его статьи (и его программы, его платформы, его „крэдо“) состоитъ именно въ примѣненіи этой маленькой, если хотите, невинной военной хитрости, въ провозѣ оппортунизма подъ флагомъ международности. На разъясненіи этой сути необходимо остановиться со всей подробностью, ибо вопросъ,— громадной, первостепеннѣйшей важности. А употребленіе чужого флага А. П-вымъ тѣмъ опаснѣе, что онъ прикрывается не только принципомъ „международности“, но и званіемъ сторонника „марксовой методологіи». Другими словами, А. П-овъ хочетъ быть истиннымъ послѣдователемъ и выразителемъ марксизма, а на дѣлѣ онъ подмѣняетъ марксизмъ націоналъ-либерализмомъ. А. П-въ хочетъ «поправить» Каутскаго, обвиняя его въ «адвокатствѣ», т. е. въ защитѣ либерализма цвѣта то одной, то другой націи, цвѣта разныхъ націй. А. П-въ хочетъ націоналъ-либерализму (ибо это совершенно несомнѣнно и неоспоримо, что Каутскій сталъ нынѣ націоналъ-либераломъ) противопоставить международность и марксизмъ. А на дѣлѣ А. П-въ противопоставляетъ націоналъ - либерализму *пестрому* націоналъ - либерализмъ *одноцвѣтный*. Марксизмъ же враждебенъ— и для данной конкретной исторической ситуаціи, во всѣхъ отношеніяхъ враждебенъ— всякому націоналъ-либерализму.

Что это дѣйствительно такъ и почему это такъ—объ этомъ и пойдетъ теперь рѣчь.

I.

Гвоздь злоключеній А. П-ва, приведшихъ къ тому, что онъ оказался плывущимъ подъ націоналъ-либеральнымъ фрагомъ, можетъ быть легче всего понятъ, если читатель вникнетъ въ слѣдующее мѣсто статьи:

. . . . . «Со всѣмъ свойственнымъ имъ (Марксу и его товарищамъ) темпераментомъ они бросались на преодолѣніе проблемы, какъ бы сложна она ни была, они ставили діагнозъ конфликту, они пытались опредѣлить, *успѣхъ какой стороны* открываетъ больше простора желательнымъ съ ихъ точки зрѣнія возможностямъ, и

устанавливали такимъ образомъ извѣстную базу для постройки своей тактики» (с. 73, курсивъ въ цитатахъ нашъ).

«Успѣхъ какой стороны желательнѣе»—вотъ что надо опредѣлить, и при томъ не съ національной, а съ международной точки зрѣнія; вотъ въ чемъ суть марксовой методологіи; вотъ чего не даетъ Каутскій, превращаясь такимъ образомъ изъ «судьи» (изъ марксиста) въ «адвоката» (національ-либерала). Такова мысль А. П-ва. Самъ А. П-въ глубочайше убѣжденъ, что онъ вовсе не «адвокатствуетъ», отстаивая желательность успѣха одной изъ сторонъ (а именно своей стороны), а руководствуется истинно-международными соображеніями о «свѣрхсмѣтныхъ» грѣхахъ другой стороны . . . .

П П-въ, и Масловъ, и Плехановъ и т. д. руководствуются истинно-народными соображеніями, приходя къ тѣмъ же выводамъ, что и первый изъ нихъ . . . . Это наивно до . . . . Впрочемъ не будемъ забѣгать впередъ, а закончимъ сначала разборъ чисто теоретическаго вопроса.

«Успѣхъ какой стороны желательнѣе», опредѣлялъ Марксъ, напримѣръ, въ итальянской войнѣ 1859-го года. А. П-въ останавливается именно на этомъ примѣрѣ, «имѣющемъ для насъ, въ виду нѣкоторыхъ его особенностей, спеціальный интересъ». Мы, съ своей стороны, тоже согласны взять примѣръ, выбранный А. П-вымъ.

Якобы ради освобожденія Италіи, а на дѣлѣ въ своихъ династическихъ цѣляхъ Наполеонъ III объявилъ въ 1859 году войну Австріи.

«Изъ-за спины Наполеона III—пишетъ А. П-въ—вырисовывалась фигура Горчакова, только что передъ тѣмъ заключившаго секретное соглашеніе съ императоромъ французовъ». Получается клубокъ противорѣчій: на одной сторонѣ реакціоннѣйшая европейская монархія, угнетавшая Италію, на другой — представители освобождающейся и революціонной Италіи, вплоть до Гарибальди, рука объ руку съ архиреакціонеромъ Наполеономъ III и т. д. «Не проще ли было — пишетъ А. П—въ—отойти отъ грѣха, сказавъ: «оба хуже»? Однако ни Энгельсъ, ни Марксъ, ни Лассаль не соблазнялись «простотой» такого рѣшенія, а принялись за изысканіе вопроса (А. П-въ хочетъ сказать: за изученіе и изслѣдованіе вопроса), «какой исходъ столкновенія можетъ представить наибольшіе шансы тому дѣлу, которое дорого всѣмъ имъ».

Марксъ и Энгельсъ находили, вопреки Лассалю, что Пруссія должна вмѣшаться. Въ числѣ ихъ соображеній,—по признанію самаго А. П-ва,—были соображенія «и о возможномъ, въ результатѣ столкновенія съ враждебной коалиціей, національномъ движеніи въ Германіи,

которое разовьется черезъ головы ея многочисленныхъ властителей, и о томъ, какая держава въ европейскомъ концертѣ представляетъ центральное зло: реакціонная придунайская монархія или другіе выдающіеся представители этого концерта».

Намъ не важно, — заключаетъ А. П-въ,—былъ ли правъ Маркесъ или Лассаль; важно то, что всѣ сходятся въ необходимости опредѣлить съ международной точки зрѣнія, успѣхъ какой стороны желательнѣе.

Таковъ примѣръ, взятый А. П-вымъ; таково разсужденіе нашего автора. Если Маркесъ тогда умѣлъ «расцѣнивать международные конфликты», (выраженіе А. П-ва), несмотря на крайнюю реакціонность правительствъ *обѣихъ* воюющихъ сторонъ, то и теперь марксисты обязаны дать *подобную* расцѣнку,—умозаключаетъ А. П-въ.

Это умозаключеніе наивно-дѣтское или глубо софистическое, ибо оно сводится къ слѣдующему: такъ какъ Маркесъ въ 1859 г. рѣшалъ вопросъ о томъ, успѣхъ какой *буржуазіи* желательнѣе, поэтому и мы, болѣе полувѣка спустя, должны рѣшать такой же именно вопросъ.

А. П-въ не *замѣтилъ*,, что у Маркса въ 1859 г. (и въ цѣломъ рядѣ случаевъ болѣе позднихъ) вопросъ о томъ, «успѣхъ какой стороны желательнѣе», равняется вопросу о томъ, «успѣхъ какой *буржуазіи* желательнѣе». А. П-въ *не замѣтилъ*, что Максъ рѣшалъ извѣстный намъ вопросъ тогда, когда были на лицо—и не только были на лицо, а стояли на первомъ планѣ историческаго процесса въ важнѣйшихъ государствахъ Европы — безусловно *прогрессивныя буржуазныя* движенія. Въ наши дни, по отношенію напр. къ такимъ, безусловно центральнымъ и важнѣйшимъ фигурамъ европейскаго «концерта», какъ Англія и Германія, смѣшно было бы и думать о прогрессивной буржуазіи, о прогрессивномъ буржуазномъ движеніи. Старая буржуазная „демократія“ этихъ центральныхъ и важнѣйшихъ государственныхъ величинъ стала реакціонной. А. г. А. П-въ „забылъ“ объ этомъ и подмѣнилъ вопросъ о точкѣ зрѣнія *современной* (небуржуазной) демократіи точкой зрѣнія *старой* (буржуазной) якобы демократіи. Этотъ переходъ на точку зрѣнія иного, и притомъ стараго, отжившаго класса есть чистѣйшій оппортунизмъ. Объ оправданіи такого перехода анализомъ объективнаго содержанія историческаго процесса въ старую и въ новую эпоху не можетъ быть и рѣчи.

Именно буржуазія—напр. въ Германіи, да и въ Англіи тоже—старается совершить такой подмѣнъ, какой совершенъ А. П-вымъ, подмѣнъ имперіалистической эпохи эпохой буржуазно-прогрессивныхъ, національно-освободительныхъ и демократически-освободительныхъ движеній. А. П-въ некритически плетется за буржуазіей. И это тѣмъ

болѣе непростительно, что самъ А. П-въ въ имъ же самимъ взятомъ примѣрѣ долженъ былъ признать и указать, какого рода соображеніями руководились Марксъ, Энгельсъ и Лассаль въ эпоху давно миновавшую [1]).

Въ 1-хъ, это были соображенія *о національномъ* движеніи (Германіи и Италіи), о томъ, чтобы оно развилось черезъ головы «представителей средневѣковья»; въ 2-хъ, соображенія о «центральномъ злѣ» реакціонныхъ монархій (австрійской, наполеоновской и т. д. въ европейскомъ концертѣ.

Это соображенія совершенно ясныя и безспорныя. Марксисты никогда не отрицали прогрессивности буржуазно-національныхъ освободительныхъ движеній противъ феодально-абсолютистскихъ силъ. А. П-въ не можетъ не знать, что *ничего подобнаго* въ центральныхъ, т. е. главнѣйшихъ, важнѣйшихъ конфликтныхъ государствахъ нашей эпохи нѣтъ и быть не могло. Тогда были и въ Италіи, и въ Германіи *десятилѣтіями* тянувшіяся народныя движенія національно-освободительнаго типа. Тогда не западная буржуазія поддерживала своими финансами извѣстныя остальныя государственныя величины, а наоборотъ эти величины были *дѣйствительно* «центральнымъ зломъ». А. П - въ не можетъ не знать, — онъ самъ это въ той же статьѣ признаетъ, что въ нашу эпоху «центральнымъ зломъ» *ни единая* изъ остальныхъ государственныхъ величинъ не является и быть не можетъ.

Буржуазія (напр. германская, хотя вовсе не одна только она) изъ корыстныхъ цѣлей подогрѣваетъ идеологію національныхъ движеній, стараясь перенести ее въ въ эпоху имперіализма, т. е. совсѣмъ въ иную эпоху. За буржуазіей плетутся, какъ и всегда оппортунисты, *покидая* точку зрѣнія *современной* демократіи, пере-

---

[1]) Между прочимъ, А. П-въ отказывается рѣшать, Марксъ или Лассаль былъ правъ въ оцѣнкѣ условій войны 1859 г. Мы думаемъ, что правъ былъ (вопреки Мерингу) Марксъ, а Лассаль былъ и тогда, какъ и въ своихъ заигрываніяхъ съ Бисмаркомъ, оппортунистомъ. Лассаль приспособлялся къ побѣдѣ Пруссіи и Бисмарка, къ отсутствію достаточной силы у демократическихъ національныхъ движеній Италіи и Германіи. Тѣмъ самымъ Лассаль шатался въ сторону національно - либеральной рабочей политики. Марксъ же поощрялъ, развивалъ самостоятельную, послѣдовательно-демократическую, враждебную національно-либеральной трусости политику (вмѣшательство Пруссіи противъ Наполеона въ 1859 г. подтолкнуло бы народное движеніе въ Германіи). Лассаль поглядывалъ больше не внизъ, а вверхъ, заглядывался на Бисмарка. „Успѣхъ“ Бисмарка ни сколько не оправдываетъ оппортунизма Лассаля.

ходя на точку зрѣнія *старой* (буржуазной) демократіи. Именно въ этомъ основной грѣхъ всѣхъ статей, и всей позиціи, всей линіи А. П-ва и его ликвидаторскихъ единомышленниковъ. Марксъ и Энгельсъ въ эпоху *старой* (буржуазной) демократіи рѣшали вопросъ о томъ, успѣхъ какой буржуазіи желательнѣе, заботясь о развитіи либерально-скромнаго движенія въ демократически-бурное. А. П-въ въ эпоху *современной* (пебуржуазной) демократіи проповѣдуетъ буржуазный націоналъ-либерализмъ, когда ни въ Англіи, ни въ Германіи, ни во Франціи о буржуазно-прогрессивныхъ движеніяхъ, ни либерально-скромныхъ, ни демократически-бурныхъ, не можетъ быть и рѣчи. Марксъ и Энгельсъ отъ *своей* эпохи, отъ эпохи буржуазно-національныхъ прогрессивныхъ движеній, шли *впередъ*, толкая *эти* движенія дальше, заботясь, чтобы они развивались «черезъ головы» представителей средневѣковья. А. П-въ, какъ и всѣ соціалъ-шовинисты, отъ *своей* эпохи современной демократіи пятится назадъ, перескакивая на давно отжившую, мертвую и потому внутренне-лживую точку зрѣнія старой (буржуазной) демократіи.

Поэтому величайшей путаницей и величайшимъ реакціоннымъ призывомъ является слѣдующій призывъ А. П-ва къ демократіи.

. . . . . «Иди не назадъ, а впередъ. Не къ индивидуализму, а къ международному сознанію во всей его цѣлостности и во всей его силѣ. Впередъ, т. е. въ извѣстномъ смыслѣ и назадъ: назадъ къ Энгельсу, Марксу, Лассалю, къ ихъ методу оцѣнки международныхъ конфликтовъ; къ ихъ включенію и международнаго дѣйствія государствъ въ общій кругъ демократическаго использованія».

А. П-въ не въ «извѣстномъ смыслѣ», а во всѣхъ смыслахъ тащитъ современную демократію *назадъ*, къ лозунгамъ и идеологіи старой буржуазной демократіи, къ зависимости массъ отъ буржуазіи. . . . . «Методъ» Маркса состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы учесть *объективное* содержаніе историческаго процесса въ данный конкретный моментъ, въ данной конкретной обстановкѣ, чтобы прежде всего понять, движеніе *какого* класса является главной пружиной возможнаго прогресса въ этой конкретной обстановкѣ. Тогда, въ 1859 году, объективнымъ содержаніемъ историческаго процесса въ континентальной Европѣ былъ не имперіализмъ, а были національно-буржуазныя освободительныя движенія. Главной пружиной было движеніе буржуазіи противъ феодально-абсолютистскихъ силъ. А премудрый А. П-въ, 55 лѣтъ спустя, когда мѣсто реакціонныхъ феодаловъ заняли уподобившіеся имъ магнаты финансоваго ка-

питала одряхлѣвшей буржуазіи, хочетъ оцѣнивать международные конфликты съ точки зрѣнія *буржуазіи, а не новаго класса* [1]).

А. П-въ не вдумался въ значеніе той истины, которую онъ произнесъ въ этихъ словахъ. Положимъ, двѣ страны воюютъ между собой въ эпоху буржуазныхъ, національныхъ и освободительныхъ движеній. Какой странѣ желать успѣха съ точки зрѣнія современной демократіи? Ясно, что той, успѣхъ которой сильнѣе подтолкнетъ и болѣе бурно разовьетъ освободительное движеніе буржуазіи, сильнѣе подорветъ феодализмъ. Положимъ, далѣе, что *опредѣляющій* моментъ объективной исторической обстановки измѣнился, и на мѣсто національно-освобождающагося капитала всталъ интернаціональный реакціонный, финансовый, имперіалистскій капиталъ. Первая владѣетъ положимъ, 3/4 Африки, а вторая 1/4. Объективное содержаніе ихъ войны—передѣлъ Африки. Какой сторонѣ желать успѣха? Вопросъ, въ прежней его постановкѣ, нелѣпый, ибо у насъ нѣтъ прежнихъ критеріевъ оцѣнки: нѣтъ ни многолѣтняго развитія буржуазнаго освободительнаго движенія, ни многолѣтняго процесса краха феодализма. Не дѣло современной демократіи ни помогать первой закрѣпить свое „право“ на 3/4 Африки, ни помогать второй (хотя бы она развивалась экономически быстрѣе первой) отнять себѣ эти 3/4.

Современная демократія останется вѣрна себѣ лишь въ томъ случаѣ, если не присоединится ни къ одной имперіалистской буржуазіи, если скажетъ, что «обѣ хуже», если въ каждой странѣ будетъ желать неуспѣха имперіалистской буржуазіи. Всякое иное рѣшеніе будетъ на дѣлѣ національно-либеральнымъ, не имѣющимъ ничего общаго съ истинной международностью.

Пусть только читатель не даетъ себя обмануть вычурной терминологіей А. П-ва, которой онъ прикрываетъ свой переходъ на точку зрѣнія буржуазіи. Когда А. П-въ восклицаетъ: «не къ индивидуализму, а къ международному сознанію во всей его цѣлостности и во всей его силѣ», то онъ имѣетъ въ виду противопоставлять точкѣ зрѣнія Каутскаго свою точку зрѣнія. Взглядъ Каутскаго (и подобныхъ ему) онъ называетъ «индивидуализмомъ», имѣя въ виду, что Каутскій отказывается учесть, „успѣхъ какой стороны желательнѣе“,

[1]) „На самомъ дѣлѣ — пишетъ А. П-въ — какъ разъ за этотъ періодъ будто бы застоя внутри каждой страны протекали огромные молекулярные процессы, да и международная обстановка исподволь перерождалась, ибо въ ней *опредѣляющимъ* моментомъ все явственнѣе становилась политика колоніальныхъ пріобрѣтеній, воинствующаго имперіализма“.

и оправдываетъ національ-либерализмъ рабочихъ каждой «индивидуальной» страны. А вотъ дескать мы, А. П-въ, Череванинъ, Масловъ, Плехановъ и пр., мы апеллируемъ къ «международному сознанію во всей его цѣлостности и силѣ», ибо мы стоимъ за національ-либерализмъ одного опредѣленнаго цвѣта вовсе не съ индивидуально-государственной (или индивидуально-національной) точки зрѣнія, а съ истинно-международной.. Это разсужденіе было бы смѣшно, когда бы не было такъ . . . позорно.

И А. П-въ съ К-о и Каутскій плетутся за буржуазіей, измѣнивъ точкѣ зрѣнія того класса, который они силятся представлять.

II.

А. П-въ озаглавилъ свою статью: «На рубежѣ двухъ эпохъ». Безспорно, мы живемъ на рубежѣ двухъ эпохъ, и происходящія передъ нами величайшей важности историческія событія могутъ быть поняты лишь при анализѣ, въ первую голову, объективныхъ условій перехода отъ одной эпохи къ другой. Рѣчь идетъ о большихъ историческихъ эпохахъ; въ каждой эпохѣ бываютъ и будутъ отдѣльныя, частичныя движенія то впередъ, то назадъ, бываютъ и будутъ различныя уклоненія отъ средняго типа и отъ средняго темпа движеній. Мы не можемъ знать, съ какой быстротой и съ какимъ успѣхомъ разовьются отдѣльныя историческія движенія данной эпохи. Но мы можемъ знать и мы знаемъ, *какой классъ* стоитъ въ центрѣ той или иной эпохи, опредѣляя главное ея содержаніе, главное направленіе ея развитія, главныя особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д. Только на этой базѣ, т. е. учитывая въ первую голову основныя черты различія разныхъ «эпохъ» (а не отдѣльныхъ эпизодовъ исторіи отдѣльныхъ странъ) можемъ мы правильно построить свою тактику; и только знаніе основныхъ чертъ данной эпохи можетъ послужить базой для учета болѣе детальныхъ особенностей той или иной страны.

Вотъ именно въ этой области и лежитъ коренной софизмъ А. П-ва и Каутскаго (его статья напечатана въ томъ же № «Нашего Дѣла») или коренная историческая ошибка ихъ обоихъ, приводящая того и другого къ національ-либеральнымъ, а не къ марксистскимъ выводамъ.

Дѣло въ томъ, что примѣръ, взятый А. П-вымъ и представившій для него «спеціальный интересъ», примѣръ итальянской кампаніи 1859 г. и цѣлый рядъ *аналогичныхъ* историческихъ примѣровъ

взятыхъ Каутскимъ,—относятся «*именно не къ тѣмъ* историческимъ эпохамъ», „на рубежѣ“ которыхъ мы живемъ. Назовемъ ту эпоху, въ которую мы вступаемъ (или вступили, но которая находится въ своей начальной стадіи) современной (или третьей) эпохой. Назовемъ ту, изъ которой мы только что вышли, вчерашней (или второй) эпохой. Тогда придется назвать эпоху, изъ которой берутъ свои примѣры А. П-въ и Каутскій, позавчерашней (или первой) эпохой. Возмутительный софизмъ, непереносная ложь разсужденій и А. П-ва и Каутскаго состоятъ какъ разъ въ томъ, что они подмѣниваютъ условія современной (третьей) эпохи условіями позавчерашней (первой) эпохи.

Объяснимся.

Обычное дѣленіе историческихъ эпохъ, много разъ приводившееся въ марксистской литературѣ, неоднократно повторявшееся Каутскимъ и принимаемое А. П-вымъ въ его статьѣ, таково: 1) 1789—1871; 2) 1871—1914; 3) 1914—? Разумѣется, грани здѣсь, какъ и всѣ вообще грани въ природѣ и въ обществѣ, условны и подвижны, относительны, а не абсолютны. И мы лишь примѣрно беремъ особенно выдающіяся и бросающіяся въ глаза историческія событія, какъ вѣхи большихъ историческихъ движеній. Первая эпоха, съ великой французской революціи до франко-прусской войны, есть эпоха подъема буржуазіи, ея полной побѣды. Это—восходящая линія буржуазіи, эпоха буржуазно-демократическихъ движеній вообще, буржуазно-національныхъ въ частности, эпоха быстрой ломки пережившихъ себя феодально - абсолютистскихъ учрежденій. Вторая эпоха полнаго господства и упадка буржуазіи, эпоха перехода отъ прогрессивной буржуазіи къ реакціонному и реакціоннѣйшему финансовому капиталу. Это — эпоха подготовки и медленнаго собиранія силъ новымъ классомъ, современной демократіей. Третья эпоха, только начинающаяся, ставитъ буржуазію въ такое „положеніе“, въ какомъ были феодалы въ теченіе первой эпохи. Это — эпоха имперіализма и имперіалистскихъ, а также вытекающихъ изъ имперіализма потрясеній.

Никто иной, какъ самъ же Каутскій въ цѣломъ рядѣ статей и въ своей брошюрѣ „Путь къ власти“ (вышла въ 1909 году) съ полнѣйшей опредѣленностью обрисовалъ основныя черты наступающей третьей эпохи, отмѣтилъ коренное отличіе этой эпохи отъ второй (вчерашней), признаалъ измѣненіе непосредственныхъ задачъ, а также условій и формъ борьбы современной демократіи,—измѣненіе, вытекающее изъ перемѣны объективныхъ историческихъ условій.

Нынѣ Каутскій сжигаетъ то, чему поклонялся, мѣняетъ фронтъ самымъ невѣроятнымъ, самымъ неприличнымъ, самымъ безстыднымъ образомъ. Въ названной брошюрѣ онъ прямо говоритъ о признакахъ приближенія войны и притомъ именно такой войны, которая въ 1914 г. стала фактомъ. Достаточно было бы простого сопоставленія ряда мѣстъ изъ этой брошюры съ теперешними писаніями Каутскаго, чтобы съ полной наглядностью показать его измѣну своимъ собственнымъ убѣжденіямъ и торжественнѣйшимъ заявленіямъ. И Каутскій является въ этомъ отношеніи не единичнымъ случаемъ (вовсе притомъ не только нѣмецкимъ), а типичнымъ представителемъ цѣлаго верхняго слоя современной демократіи, перекинувшагося въ моментъ кризиса на сторону буржуазіи.

Всѣ историческіе примѣры, которые взяты А. П-вымъ и Каутскимъ, относятся къ первой эпохѣ. Основнымъ объективнымъ содержаніемъ историческихъ явленій во время войнъ не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая) и 1896 — 7 годовъ (войны Турціи съ Греціей и армянскія волненія) были буржуазно-національныя движенія или «судороги» освобождающагося отъ разныхъ видовъ феодализма буржуазнаго общества. Ни о какомъ, дѣйствительно самостоятельномъ и соотвѣтствующемъ эпохѣ перезрѣлости и упадка буржуазіи, дѣйствіи современной демократіи въ цѣломъ рядѣ передовыхъ странъ не могло быть тогда и рѣчи. Главнымъ классомъ, который тогда, во время этихъ войнъ и участвуя въ этихъ войнахъ, шелъ по поднимающейся вверхъ линіи и который одинъ только могъ выступать съ подавляющей силой противъ феодально-абсолютистскихъ учрежденій, была буржуазія. Въ разныхъ странахъ, представляемая различными слоями *имущихъ* товаропроизводителей, эта буржуазія была въ различной степени прогрессивна, а иногда (напр., часть итальянской въ 1859 году) даже революціонна, но общей чертой эпохи была именно прогрессивность буржуазіи, *то-есть* нерѣшенность, незаконченность ея борьбы съ феодализмомъ. Совершенно естественно, что элементы современной демократіи, — и Марксъ, какъ представитель ихъ, — руководствуясь безспорнымъ принципомъ поддержки прогрессивной буржуазіи (способной на борьбу буржуазіи) противъ феодализма, рѣшали тогда вопросъ о томъ, «успѣхъ какой стороны», т. е, *какой* буржуазіи желательнѣе. Народное движеніе въ главныхъ, затрагиваемыхъ войной, странахъ было тогда общедемократическимъ, т. е. буржуазно-демократическимъ по своему экономическому и классовому содержанію. Совершенно естественно, что *иного* вопроса тогда нельзя было и

ставить, кромѣ вопроса о томъ, успѣхъ *какой* буржуазіи, при какой комбинаціи, при неудачѣ какой изъ реакціонныхъ, (феодально-абсолютистскихъ, задерживающихъ подъемъ буржуазіи) силъ обѣщаетъ больше «простора» для современной демократіи.

И притомъ Марксъ, какъ это вынужденъ признать даже А. П-въ, руководился, при «расцѣнкѣ» международныхъ конфликтовъ на почвѣ буржуазныхъ національныхъ и освободительныхъ движеній, соображаніями о томъ, успѣхъ какой стороны больше способенъ помочь «развитію» (стр. 74 статьи А. П-ва) національныхъ и вообще народныхъ общедемократическихъ движеній. Это значитъ, что при военныхъ конфликтахъ на почвѣ подъема буржуазіи къ власти въ отдѣльныхъ національностяхъ Марксъ заботился больше всего, какъ и въ 1848 году, о расширеніи и обостреніи буржуазно-демократическихъ движеній путемъ участія болѣе широкихъ и болѣе „плебейскихъ“ массъ, мелкой буржуазіи вообще, крестьянства въ частности, наконецъ, неимущихъ классовъ. Именно это соображеніе Маркса о расширеніи соціальной базы движенія, о развитіи его и отличало кореннымъ образомъ послѣдовательно-демократическую тактику Маркса отъ непослѣдовальной, склоняющейся къ союзу съ національ-либералами, тактики Лассаля.

Международные конфликты и въ третью эпоху остались по *формѣ* своей такими же международными конфликтами, какъ въ первую эпоху, но соціальное и классовое *содержаніе* ихъ кореннымъ образомъ измѣнилось. Объективная историческая обстановка стала совсѣмъ иной.

На мѣсто борьбы подымающагося вверхъ національно-освобождающагося капитала противъ феодализма стала борьба реакціоннѣйшаго, отжившаго и пережившаго себя, финансоваго капитала, идущаго внизъ, къ упадку,—противъ новыхъ силъ. Буржуазно-національныя рамки государствъ, бывшія въ первую эпоху опорой *развитію* производительныхъ силъ человѣчества, освобождающагося отъ феодализма, стали теперь, въ третью эпоху, *помѣхой* дальнѣйшему развитію производительныхъ силъ. Буржуазія изъ подымающагося передового класса стала опускающимся, упадочнымъ, внутренне-мертвымъ, реакціоннымъ. Подымающимся — въ широкомъ историческомъ масштабѣ—сталъ совсѣмъ иной классъ.

А. П-въ и Каутскій покинули точку зрѣнія этого класса и пошли назадъ, повторяя буржуазный обманъ, покоющійся на томъ, что будто объективнымъ содержаніемъ историческаго процесса является *и теперь* прогрессивное движеніе буржуазіи противъ феодализма. На

самомъ же дѣлѣ теперь не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы *современная* демократія не плелась въ хвостѣ за *реакціонной*, имперіалистской буржуазіей — все равно, какого „цвѣта“ эта буржуазія ни была бы.

Въ первую эпоху, объективно, исторической задачей было: какъ слѣдуетъ прогрессивной буржуазіи «использовать», въ своей борьбѣ съ *главными* представителями отмирающаго феодализма, международные конфликты для максимальнаго выигрыша всей, всемірной буржуазной демократіи вообще. Тогда, въ первую эпоху, болѣе полувѣка тому назадъ, естественно и неизбѣжно было, что порабощенная феодализмомъ буржуазія желала неуспѣха „своему“ феодальному угнетателю, причемъ число этихъ главныхъ, центральныхъ, имѣвшихъ общеевропейскій вѣсъ, феодальныхъ твердынь было совсѣмъ невелико. И Марксъ „расцѣнивалъ“: въ какой странѣ, при данной конкретной обстановкѣ (ситуаціи) успѣхъ буржуазно-освободительнаго движенія *существеннѣе* для подрыва *общеевропейской* феодальной твердыни.

Теперь, въ третью эпоху, феодальныхъ твердынь общеевропейскаго значенія не осталось вовсе. „Использованіе“, конечно, является задачей современной демократіи, но именно *международное* использованіе — вопреки А. П-ву и Каутскому — должно направляться не противъ отдѣльныхъ національныхъ финансовыхъ капиталовъ, а противъ интернаціональняго финансоваго капитала. И использовать долженъ не тотъ классъ, который былъ поднимающимся 50—100 лѣтъ тому назадъ. Тогда рѣчь шла о „международномъ дѣйствіи“ (выраженіе А. П-ва) самой передовой буржуазной демократіи; теперь исторически выросла и поставлена объективнымъ положеніемъ вещей задача подобнаго рода совсѣмъ передъ другимъ классомъ.

III.

Вторую эпоху или „сорокапятилѣтнюю полосу“ (1870—1914), по выраженію А.-Пва, этотъ послѣдній характеризуетъ очень неполно. Такой же неполнотой страдаетъ характеристика этой эпохи въ нѣмецкомъ сочиненіи Троцкаго, хотя послѣдній не соглашается въ практическихъ выводахъ съ А. П-вымъ (что должно быть отнесено къ преимуществу перваго надъ вторымъ)—причемъ обоимъ названнымъ писателямъ едва ли не остается неясной причина извѣстной близости ихъ другъ къ другу.

А.П-въ пишетъ про эпоху, которую мы назвали второй или вчерашней:

«Детализованная ограниченность работы и борьбы и всепроникающая постепеновщина, эти знаменія эпохи, возведенныя одними въ принципъ, для другихъ стали привычнымъ фактомъ ихъ бытія и, какъ таковой, вошли элементомъ въ ихъ психику, оттѣнкомъ въ ихъ идеологію» (71).. „Ея (этой эпохи) талантъ планомѣрно-выдержанной и осторожной продвижки впередъ имѣлъ своей оборотной стороной ярко выраженную неприспособленность къ моментамъ нарушенія постепенности и къ катастрофическимъ явленіямъ всякаго рода, во-первыхъ, и, во-вторыхъ, исключительную замкнутость въ кругѣ національнаго дѣйствія—національной среды“ (72) . . . . «Ни революціи, ни войнъ». (70) . . . «Демократія тѣмъ успѣшнѣе націонализировалась, чѣмъ больше затягивался періодъ ея „позиціонной борьбы“, чѣмъ дольше не уходила со сцены та полоса европейской исторіи, которая . . . . была полосой, не знавшей въ сердцѣ Европы международныхъ конфликтовъ, а, стало быть, и не переживавшей волненій, выходящихъ за предѣлы національно-государственныхъ территорій, не ощутившей остро—интересовъ общеевропейскаго или мірового масштаба» (75—6).

Основной недостатокъ этой характеристики, какъ и соотвѣтсвующей характеристики той же эпохи у Троцкаго, состоитъ въ нежеланіи видѣть и признать глубокія внутреннія противорѣчія въ современной демократіи, развивавшейся на описываемой почвѣ. Выходитъ такъ, какъ будто современная демократія данной эпохи оставалась единымъ цѣлымъ, которое, вообще говоря, проникалось постепеновщиной, націонализировалось, отвыкало отъ нарушеній постепенности и катастрофъ, мельчало, покрывалось плѣсенью.

На самомъ дѣлѣ, такъ быть не могло, ибо на ряду съ указанными тенденціями дѣйствовали, неоспоримо, иныя, противоположныя тенденціи, „бытіе“ рабочихъ массъ интернаціонализировалось,—тяга въ города и нивеллировка (выравниваніе) условій жизни въ большихъ городахъ всего міра, интернаціонализированіе капитала, перемѣшиваніе на крупнѣйшихъ фабрикахъ населенія городского и сельскаго, туземнаго и инонаціональнаго и т. д., — классовыя противорѣчія обострялись, союзы предпринимателей тяжелѣе давили на союзы рабочихъ, возникали болѣе острыя и тяжелыя формы борьбы въ видѣ, напр., массовыхъ стачекъ, росла дороговизна жизни, невыносимъ становился гнетъ финансоваго капитала и пр. и пр.

На самомъ дѣлѣ такъ *не было*,—это мы знали достовѣрно. Ни одна, буквально ни единая изъ крупныхъ капиталистическихъ странъ Европы въ теченіе этой эпохи не была пощажена борьбой между

двумя противорѣчивыми теченіями внутри современной демократіи. Эта борьба въ каждой изъ крупныхъ странъ принимала иногда, несмотря на общій „міровой“, „застойный“, сонный характеръ эпохи, самыя бурныя формы, вплоть до расколовъ. Эти противорѣчивыя теченія сказались на всѣхъ безъ исключенія, многоразличныхъ областяхъ жизни и вопросахъ современной демократіи: отношеніе къ буржуазіи, союзы съ либералами, голосованіе за кредиты, отношеніе къ колоніальной политикѣ, къ реформамъ, къ характеру экономической борьбы, къ нейтральности профессіональныхъ союзовъ и проч.

„Все проникающая постепеновщина“ вовсе не была безраздѣльно господствующимъ настроеніемъ всей современной демократіи, какъ выходитъ у П-ва и у Троцкаго. Нѣтъ, эта постепеновщина скристаллизировалась въ опредѣленное направленіе, нерѣдко создававшее въ Европѣ этого періода отдѣльныя фракціи, иногда даже отдѣльныя партіи современной демократіи. Это направленіе имѣло своихъ вождей, свои органы печати, свою политику, свое особое — и особо организованное — воздѣйствіе на массы населенія. Мало того. Это направленіе все болѣе и болѣе опиралось — и, наконецъ, окончательно, если можно такъ выразиться, „оперлось“ — на интересы извѣстнаго общественнаго слоя *внутри* современной демократіи.

„Все проникающая постепеновщина“, естественно, привлекла въ ряды современной демократіи цѣлый рядъ мелкобуржуазныхъ попутчиковъ; затѣмъ, мелкобуржуазныя особенности существованія — а, слѣдовательно, и политической «оріентаціи» (направленія, устремленія)—создались у извѣстнаго слоя парламентаріевъ, журналистовъ, чиновниковъ союзныхъ организацій; выдѣлялись, съ большей или меньшей степенью рѣзкости и отграниченности, своего рода бюрократія и аристократія рабочаго класса.

Возьмите, напр., обладаніе колоніями, расширеніе колоніальныхъ владѣній. Несомнѣнно, это была одна изъ отличительныхъ чертъ описываемой эпохи и большинства крупныхъ государствъ. А что означало это экономически? Сумму извѣстныхъ сверхприбылей и особыхъ привилегій для буржуазіи, а затѣмъ, несомнѣнно, возможность получать крохи отъ этихъ „кусковъ пирога“ и для небольшого меньшинства мелкихъ буржуа; затѣмъ наилучше поставленныхъ служащихъ, чиновниковъ рабочаго движенія и т. п. Что такое „пользованіе“ крохами выгодъ отъ колоній, отъ привилегій, ничтожнымъ меньшинствомъ рабочаго класса, напр., въ Англіи имѣло мѣсто, — это—безспорный фактъ, признанный и указанный еще Марксомъ и Энгельсомъ. Но то, что было въ свое время исключительно англій-

скими явленіями, стало явленіями, общими для всѣхъ крупныхъ капиталистическихъ странъ Европы по мѣрѣ того, какъ всѣ эти страны переходили къ владѣнію колоніями въ большихъ размѣрахъ, и вообще по мѣрѣ того, какъ развивался и росъ имперіалистскій періодъ капитализма.

Однимъ словомъ, „всепроникающая постепеновщина“ второй (или вчерашней) эпохи создала не только извѣстную „неприспособленность къ нарушеніямъ постепенности,“ какъ думаетъ А-П-въ, не только извѣстныя „поссибилистскія“ наклонности, какъ полагаетъ Троцкій: она создала цѣлое оппортунистическое *направленіе*, опирающееся на опредѣленный соціальный слой внутри современной демократіи, связанный съ буржуазіей своего національнаго „цвѣта“ многочисленными нитями общихъ экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ интересовъ,—направленіе, прямо, открыто, вполнѣ сознательно и систематически враждебное всякой идеѣ о „нарушеніяхъ постепенности“.

Корень цѣлаго ряда тактическихъ и организаціонныхъ ошибокъ у Троцкаго (не говоря уже объ А. П-вѣ) состоитъ именно въ его боязни, или нежеланіи, или неспособности признать этотъ фактъ полной „зрѣлости“ оппортунистическаго направленія, а равно тѣснѣйшей, неразрывной связи его съ національ-либералами (или соціалъ-націонализмомъ) нашихъ дней. На практикѣ отрицаніе этого факта „зрѣлости“ и этой неразрывной связи ведетъ, по меньшей мѣрѣ, къ совершенной растерянности и безпомощности по отношенію къ царящему соціалъ-націоналистическому (или національ-либеральному) злу.

Связь оппортунизма и соціалъ-націонализма отрицаютъ, вообще говоря, и А. П-въ, и Мартовъ, и Аксельродъ, и Вл. Косовскій (договорившійся до защиты нѣмецкаго національ-либеральнаго голосованія демократовъ за военные кредиты) и Троцкій.

Главный „доводъ“ ихъ состоитъ въ томъ, что нѣтъ полнаго совпаденія между вчерашнимъ дѣленіемъ демократіи „по оппортунизму“ и сегодняшнимъ дѣленіемъ ея „по соціалъ-націонализму“. Этотъ доводъ, во 1-хъ, фактически невѣренъ, какъ мы сейчасъ покажемъ, а, во 2-хъ, онъ совершенно одностороненъ, не полонъ, марксистски принципіально не состоятеленъ. Лица и группы могутъ переходить съ одной стороны на другую—это не только возможно, это даже неизбѣжно при всякой крупной общественной „встряскѣ“; характеръ извѣстнаго *теченія* отъ этого нисколько не мѣняется; не мѣняется и идейная связь опредѣленныхъ теченій, не мѣняется ихъ *классовое* значеніе. Казалось бы, всѣ эти соображенія настолько общеизвѣстны

и безспорны, что какъ-то даже неловко очень уже напирать на нихъ. А между тѣмъ именно эти соображенія и забыли названные писатели. Основное классовое значеніе—или, если хотите, соціально-экономическое содержаніе—оппортунизма состоитъ въ томъ, что извѣстные элементы современной демократіи перешли (на дѣлѣ т. е. хотя бы они и не сознавали этого) на сторону буржуазіи по цѣлому ряду отдѣльныхъ вопросовъ. Оппортунизмъ есть либеральная рабочая политика. Кто боится „фракціонной“ видимости этихъ выраженій, тому мы посовѣтуемъ взять на себя трудъ изучить отзывы Маркса, Энгельса и Каутскаго („авторитетъ“, особенно удобный для противниковъ „фракціонности“, не правда ли?) хотя бы объ англійскомъ оппортунизмѣ. Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что результатомъ такого изученія будетъ признаніе коренного и существеннаго совпаденія между оппортунизмомъ и либеральной рабочей политикой. Основное классовое значеніе соціалъ-націонализма нашихъ дней совершенно то же самое. Основная *идея* оппортунизма есть союзъ или сближеніе (иногда соглашеніе, блокъ и т. д.) буржуазіи и ея антипода. Основная идея соціалъ-націонализма совершенно та же самая. Идейно-политическое родство, связь, даже тождество оппортунизма и соціалъ-націонализма не подлежитъ никакому сомнѣнію. А, разумѣется, мы должны брать за основу не лица и не группы, а именно анализъ *классоваго* содержанія общественныхъ *теченій* и идейно-политическое изслѣдованіе ихъ главныхъ, существенныхъ принциповъ.

Подходя съ нѣсколько иной стороны къ той же темѣ, мы поставимъ вопросъ: *откуда* взялся соціалъ-націонализмъ? Какъ онъ росъ и выросъ? *Что* дало ему значеніе и силу? Кто не далъ себѣ отвѣта на эти вопросы, тотъ совершенно не понялъ соціалъ-націонализма и, разумѣется, тотъ совершенно неспособенъ „идейно размежеваться“ съ нимъ, хотя бы онъ клялся и божился, что онъ готовъ на „идейное размежеваніе“ съ соціалъ-націонализмомъ.

А отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: соціалъ-націонализмъ выросъ изъ оппортунизма, и именно этотъ послѣдній далъ ему силу. Какъ могъ „сразу“ родиться соціалъ-націонализмъ? Совершенно такъ же, какъ „сразу“ рождается ребенокъ, если протекли девять мѣсяцевъ послѣ зачатія. Каждое изъ многочисленныхъ проявленій оппортунизма въ теченіе всей второй (или вчерашней) эпохи во всѣхъ европейскихъ странахъ были ручейками, которые всѣ вмѣстѣ „сразу“ слились теперь въ большую, хотя и очень мелководную—(а въ скобкахъ добавить: мутную и грязную)—

соціалъ-національстическую рѣку. Спустя девять мѣсяцевъ послѣ зачатія, плодъ долженъ отдѣлиться отъ матери; спустя много десятилѣтій послѣ зачатія оппортунизма, его зрѣлый плодъ, соціалъ-національнализмъ, долженъ будетъ—въ болѣе или менѣе короткій (по сравненію съ десятилѣтіями) срокъ отдѣлиться отъ современной демократіи. Какъ бы разные добрые люди ни кричали, ни сердились, ни бѣсновались по поводу мыслей и рѣчей объ этомъ, это неизбѣжно, ибо это вытекаетъ изъ всего соціальнаго развитія современной демократіи и изъ объективной обстановки третьей эпохи.

Но если нѣтъ полнаго соотвѣтствія между дѣленіемъ „по оппортунизму“ и дѣленіемъ по „соціалъ-національнализму“, то не доказываетъ ли это, что между данными явленіями нѣтъ существенной связи? Во первыхъ, не доказываетъ, какъ переходъ отдѣльныхъ лицъ изъ буржуазіи конца 18-го вѣка то на сторону феодаловъ, то на сторону народа не доказываетъ, что „нѣтъ связи“ между ростомъ буржуазіи и французской великой революціей 1789-го года. Во-вторыхъ, въ общемъ и цѣломъ—а рѣчь идетъ именно объ общемъ и цѣломъ—такое соотвѣтствіе *есть*. Возьмите не одну страну, а рядъ странъ, напр. десять европейскихъ странъ: Германію, *Англію*, *Францію*, *Бельгію*, Россію, Италію, Швецію, Швейцарію, Голландію и Болгарію. Нѣкоторымъ исключеніемъ покажутся лишь три подчеркнутыя страны; въ остальныхъ *теченія* рѣшительныхъ противниковъ оппортунизма породили именно *теченія*, враждебныя соціалъ-національнализму. Сопоставьте извѣстный „Ежемѣсячникъ“ и его противниковъ въ Германіи, „Наше Дѣло“ и его противниковъ въ Россіи, партію Биссолати и ея противниковъ въ Италіи; сторонниковъ Грейлиха и Гримма въ Швейцаріи, Брантинга и Хеглунда въ Швеціи, Трульстры и Паннекука съ Гортеромъ въ Голландіи; наконецъ, „общедѣльцевъ“ и „тѣсняковъ“ въ Болгаріи. Общее соотвѣтствіе стараго и новаго дѣленія есть фактъ, а полнаго соотвѣтствія не бываетъ даже въ простѣйшихъ явленіяхъ природы, какъ нѣтъ полнаго соотвѣтствія между Волгой послѣ впаденія Камы и Волгой до ея впаденія, или какъ нѣтъ полнаго сходства между ребенкомъ и родителями. Англія есть кажущееся исключеніе; на дѣлѣ въ ней были два главныхъ теченія до войны, вокругъ двухъ *ежедневныхъ* газетъ—вѣрнѣйшій объективный признакъ массовидности теченія: имѣнно, газеты „Ежедневный Гражданинъ“ у оппортунистовъ и „Ежедневный Вѣстникъ“ у противниковъ оппортунизма. Обѣ газеты захлестнула волна національнализма; но оппозицію проявили менѣе $^1/_{10}$ сторонниковъ первой и около $^3/_7$ сторонниковъ второй. Обычный пріемъ сравненія, когда

сопоставляютъ только „Брит. С. Партію“ съ „Незав. Р. Партіей“, неправиленъ, ибо забываютъ о *фактическомъ* блокѣ этой послѣдней и съ фабіанцами, и съ „Рабочей Партіей“. Исключеніемъ, значитъ, остаются только двѣ страны изъ 10; но и здѣсь нѣтъ полнаго исключенія, ибо направленія не перемѣнились мѣстами, а только волна захлестнула (по причинамъ настолько понятнымъ, что на нихъ нечего и останавливаться) почти всѣхъ противниковъ оппортунизма. Это доказываетъ силу волны, безспорно; но это нисколько не опровергаетъ общеевропейскаго соотвѣтствія стараго и новаго дѣленія.

Намъ говорятъ: дѣленіе „по оппортунизму“ устарѣло; имѣетъ смыслъ только дѣленіе на сторонниковъ международности и сторонниковъ національной ограниченности. Это въ корнѣ невѣрное мнѣніе. Понятіе „сторонникъ международности“ лишено всякаго содержанія и всякаго смысла, если вы не разовьете его *конкретно*, и всякій шагъ такого конкретнаго развитія будетъ перечисленіемъ признаковъ враждебности оппортунизму. На практикѣ это будетъ еще болѣе вѣрно. Сторонникъ международности, не являющійся самымъ послѣдовательнымъ и рѣшительнымъ противникомъ оппортунизма, есть миражъ, не болѣе того. Можетъ быть, отдѣльныя лица такого типа могутъ искренне считать себя „международниками“, но о людяхъ судятъ не потому, что они о себѣ думаютъ, а по ихъ политическому поведенію: политическое поведеніе такихъ „международниковъ“, которые не являются послѣдовательными и рѣшительными противниками оппортунизма, всегда будетъ помощью или поддержкой теченія націоналистовъ. Съ другой стороны, націоналисты тоже называютъ себя „международниками“ (Каутскій, Ленчъ, Гэнишъ, Вандервельдъ, Гайндманъ, др.) и не только называютъ себя такъ, но вполнѣ признаютъ международное сближеніе, соглашеніе, сліяніе людей, ихъ образа мыслей. Оппортунисты *не противъ* международности“, они только за международное одобреніе и международное соглашеніе оппортунистовъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Н. Константиновъ.

Н. Сухановъ о нашихъ направленіяхъ.

I.

Говорятъ, что во время такой войны, какъ теперешняя, можно писать только на военныя темы или на темы, по меньшей мѣрѣ соприкасающіяся съ войной. Я попробую говорить о предметахъ, которые привлекали большое вниманіе до войны и будутъ пользоваться еще большимъ вниманіемъ послѣ войны, но въ настоящее время сошли со страницъ текущей литературы. Я послѣдую примѣру Суханова, который «Нашими направленіями» выдвигаетъ невоенныя темы.

Согласно широко распространенному мнѣнію, сложившееся теперь разграниченіе въ сферѣ общественной мысли имѣетъ длительное значеніе, которое сохранится за нимъ и послѣ войны. И столь же распространено мнѣніе, что Burgfrieden, гражданскій миръ, фактически установившійся по одну сторону разграничительной черты, долженъ поддерживаться между тѣми, кто стоитъ по другую сторону той же черты.

Безспорно, эта черта прошла не случайно. Такъ, въ литературныхъ выступленіяхъ Плеханова за послѣднія 10—12 лѣтъ было много такого, что логически завершается его современной позиціей: не даромъ еще десять лѣтъ тому назадъ пишущій эти строки отмѣтилъ въ Плехановѣ начало поворота, напоминающаго поворотъ Бернштейна во второй половинѣ 90-хъ годовъ. Кто помнитъ второ-думское восклицаніе Алексинскаго, который обѣщалъ при случаѣ «исполнить свой долгъ», того мало удивитъ его воинственное объединеніе съ Плехановымъ. И не такъ ужъ неожиданна и та энергія, съ какою Алексинскій, выхвативъ квачъ, выпавшій изъ ослабѣвшихъ рукъ недавняго инока Иліодора, прошелся имъ по украинскимъ мазанкамъ.

Но при всемъ томъ было бы печально, если бы передъ военными раздѣленіями общественной мысли стушевались всѣ прочія раздѣле-

нія: это знаменовало бы шагъ назадъ. И было бы печально, если бы уже въ эпоху войны мы не готовились къ миру: это значило бы, что миръ найдетъ насъ совсѣмъ неподготовленными. И внесло бы великую и прочную путаницу въ умы, если бы мы приняли правиломъ: кто теперь съ нами, тотъ вообще нашъ.

Не только «Наши направленія» Суханова, написанныя на темы мирнаго времени, но и его «военныя выступленія», въ особенности «Къ кризису соціализма» и «Почему мы воюемъ», способны показать, какъ необходимо размежеваніе: безъ него утрачивается и та степень ясности, которая была достигнута нашей общественной мыслью.

Въ брошюрѣ «Наши лѣвыя группы и война» Суханову первому удалось дать представленіе о томъ, что систематически замалчивалось и искажалось русской литературой. Важность того, что было сказано, отодвигала на задній планъ то, какъ это было сказано.

Но къ послѣдующимъ брошюрамъ позволительно примѣнить повышенныя требованія. И вотъ тутъ-то и открывается, что Сухановъ ведетъ споры съ гг. Милюковымъ, Струве, Мигулинымъ, Изгоевымъ, становясь на ихъ почву. Г-нъ Струве побиваетъ у него г. Милюкова, г. Мигулинъ—г. Изгоева, г. Гольдштейнъ—г. Мигулина и т. д.

Невольно приходитъ на память, какъ семинаристъ, взявъ атеистическій тезисъ, защищаетъ его передъ семинаристами. Здѣсь есть ссылки и на Конта, и на Спенсера, и на Дарвина. Но не въ этихъ именахъ «сокрушительная» сила аргументаціи, а въ обычныхъ для семинариста ссылкахъ и текстахъ, только получающихъ неожиданно необычное примѣненіе.

На первомъ десяткѣ страницъ послѣдней брошюры Суханова, являющихся общимъ введеніемъ къ ней, имѣются ссылки на «Финансовый капиталъ» Гильфердинга и даже попытка вообще изложить его воззрѣнія. Но какъ удивился бы Гильфердингъ, если бы онъ когда-нибудь узналъ, что его притянули къ «внѣклассовому» происхожденію войны на сторонѣ Россіи!

На протяженіи брошюры не разъ упоминаются превосходныя статьи М. Н. Покровскаго изъ Гранатовской «Исторіи Россіи». Но какъ изумится Покровскій, когда онъ узнаетъ, что ни одинъ классъ русскаго общества не заинтересованъ въ современной войнѣ, что она вытекаетъ изъ отношеній Россіи къ союзникамъ, изъ сложившихся обязательствъ передъ ними, что Россія была только объектомъ въ сферѣ международныхъ отношеній!

Покровскій и Гильфердингъ, это—Дарвинъ и Спенсеръ семинарскаго

диспута. Центръ тяжести аргументаціи—гг. Соболевъ, Гольдштейнъ, Мигулинъ и проч.

Тѣмъ не менѣе заслуги Суханова въ области военной публицистики остаются безспорными и большими. И въ его оправданіе можно сказать, что аргументировать иначе пока лежитъ внѣ круга возможностей широкой русской литературы. А съ другой стороны, бываютъ такіе историческіе моменты, когда и семинарскіе диспуты пріобрѣтаютъ свою общественную полезность. Они выводятъ мысль изъ инертнаго состоянія, вырываютъ ее изъ-подъ власти традиціонныхъ идей.

Однако на этомъ нельзя останавливаться. Надо двигаться дальше. Съ каждымъ новымъ выступленіемъ Суханова становится очевиднѣе, что внѣ-классовые туманы, которыми у него обволакивается происхожденіе современной войны, не проясняютъ, а затрудняютъ пониманіе задачъ, поставленныхъ и обостренныхъ этой войной. Практика, которая взяла бы въ руководство его внѣклассовую теорію, оказалась бы столь же эклектичной, растерянной и безпомощной, какъ сама эта теорія.

Оставляя въ сторонѣ военную публицистику Суханова, полезно выяснить хотя бы отчасти источникъ ея теоретическихъ предпосылокъ. Небезъинтересенъ въ этомъ отношеніи недавно появившійся сборникъ журнальныхъ статей Суханова: «Наши направленія. Марксизмъ и народничество». Сухановъ этого сборника тотъ же, что и авторъ брошюръ на темы войны.

II.

Лѣтъ двадцать тому назадъ въ «Русскомъ Богатствѣ» появились статьи г. Ратнера о рынкахъ и кризисахъ. Онѣ привлекли къ себѣ вниманіе марксистскихъ круговъ, въ которыхъ тогда усиленно трактовалась эта тема. Это вниманіе не находитъ полнаго объясненія въ содержаніи статей. То правильное и пріемлемое, что заключалось въ нихъ съ точки зрѣнія марксистовъ, уже неоднократно излагалось въ марксистской литературѣ. Но въ нихъ было очень много и совсѣмъ непріемлемаго. И тѣмъ не менѣе марксисты отнеслись къ нимъ съ большимъ и, въ общемъ, съ сочувственнымъ интересомъ.

Самое знаменательное въ статьяхъ сводилось къ тому, что онѣ были напечатаны «Русскимъ Богатствомъ». Грядущія судьбы русскаго народничества тогда представлялись не совсѣмъ ясными. «Ста-

рое народничество» идейно и организаціонно было разбито и разложилось. «Новое народничество» еще не оформилось и не конституировалось ни идейно, ни организаціонно. Единичныя группы, возникавшія съ цѣлями практической работы, логикой жизни направлялись на обслуживаніе потребностей марксистскаго движенія. И даже издательская дѣятельность получала въ нихъ уклонъ, который марксисты могли только привѣтствовать.

Одно «Русское Богатство» сохраняло такой видъ, какъ будто ничего не случилось, какъ будто оно остается цитаделью прежняго народничества. Правда, къ концу прошлаго вѣка Н. К. Михайловскій все болѣе уклонялся отъ полемики съ марксизмомъ, вообще все болѣе замыкался въ области литературной критики. Но его смѣнилъ, напр., А. В. Пѣшехоновъ. Русская самобытность воззрѣній, проявленная имъ въ борьбѣ съ марксизмомъ, и достаточная беззаботность по части знакомства съ литературой предмета уже тогда прочно похоронили надежду, чтобы онъ когда-нибудь понялъ критикуемыя имъ воззрѣнія.

Напечатанныя въ такое время статьи г. Ратнера производили впечатлѣніе неожиданной для «Русскаго Богатства» свѣжести. Оно обратилось къ проблемамъ, которыя тогда трактовались только въ литературѣ марксистской или близкой къ марксизму. Оно дало возможность поставить ихъ человѣку, для котораго небезслѣдно прошла марксистская литература предмета. Кое-кто увидалъ въ этомъ симптомъ: старое народничество, представленное «Русскимъ Богатствомъ», почувствовало всю непрочность своей позиціи и сдѣлало первый шагъ къ разоруженію.

Но эти статьи оказались преходящимъ эпизодомъ для «Русскаго Богатства», да и для самого г. Ратнера. Вскорѣ послѣ того появились такъ нашумѣвшія въ свое время «Voraussetzungen des Sozialismus» Бернштейна и «Agrarische Fragen» Герца. Народничество нашло въ этихъ ревизіонистахъ то, чего ему не хватало. Его слабою стороной до того времени было, что оно оставалось чисто самобытнымъ русскимъ теченіемъ. Желая опереться на современную европейскую науку, оно вынуждено было брать элементы своего міросозерцанія у явно буржуазныхъ ученыхъ и у нихъ же заимствовать обоснованіе специфическихъ народническихъ пунктовъ программы.

Теперь, примкнувъ къ ревизіонистской критикѣ, оно пріобрѣтало видимость одного изъ интернаціональныхъ теченій. Оно впервые нашло способъ вести полемику съ марксизмомъ современнымъ оружіемъ. То обстоятельство, что это оружіе выковано буржуазіей, уже

не такъ бросалось въ глаза. Г. Ратнеръ принялъ участіе въ идейномъ оформленіи «новаго народничества»: въ отысканіи его родственниковъ на Западѣ.

Если въ «Русскомъ Богатствѣ» и чувствовались какія-нибудь колебанія, то теперь они были закончены, журналъ остался такимъ же антимарксистскимъ, какъ былъ раньше.

На новой ступени развитія, при измѣнившихся условіяхъ, Сухановъ своими статьями «Наши направленія» повторилъ то, что въ свое время сдѣлалъ г. Ратнеръ. И опять значеніе статей опредѣлилось въ первую очередь тѣмъ, гдѣ онѣ впервые печатались. Появленіе ихъ въ журналахъ «Завѣты» и «Современникъ» свидѣтельствовало о новомъ глубокомъ кризисѣ въ нѣдрахъ народничества,— или о продолженіи стараго кризиса, который $1^1/_2$ десятка лѣтъ тому назадъ кое-какъ удалось замазать при помощи Бернштейна, Герца и Давида.

III.

Самопознаніе народничества, выразившееся въ статьяхъ Суханова, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подкупаетъ своей рѣшительностью и откровенностью. Взгляды современнаго народничества, по его словамъ, нисколько не самобытны, а «конструированы по образу и подобію западно-европейскихъ ревизіонистскихъ воззрѣній». «Никакого *народничества*, какъ дѣйственнаго направленія, у насъ въ настоящее время не существуетъ. У насъ существуетъ лишь обычнаго типа «ревизіонизмъ» ортодоксально марксистской доктрины, «ревизуемой» совершенно въ тѣхъ же пунктахъ, въ какихъ она «ревизуется» на Западѣ» (19).

Но вѣдь ревизія «совершенно въ тѣхъ же пунктахъ» способна компрометировать русскихъ ревизіонистовъ. Чувствуя это, Сухановъ спѣшитъ внести оговорки въ свое утвержденіе. «На западѣ теоретическій ревизіонизмъ, какъ правило, представляетъ собой правое, «умѣренное» крыло... Въ Россіи *ничего подобнаго* ревизіонизмъ съ собой не принесъ... Въ общіе тактическіе принципы нашъ ревизіонизмъ не привнесъ ничего специфическаго и *никогда* не проявлялъ никакихъ тенденцій къ реформизму и умѣренности» (стр. 20).

Это «никогда» можно было написать лишь при полномъ забвеніи очень недавняго прошлаго. Виднымъ представителямъ народныхъ соціалистовъ долгое время принадлежала вліятельная роль въ рядахъ новаго народничества. Умѣренность и аккуратность, столь для нихъ характерная, долгое время не встрѣчала никакого отпора. Болѣе

того: терпимость «новаго народничества» простиралась такъ далеко, что не оно отмежевалось отъ н.-с-овъ, а н.-сы повернулись къ нему спиной и ушли отъ него. И здѣсь на первое время у представителей «новаго народничества» нашлись только слова почтительнаго недоумѣнія. Если бы съ общими тактическими принципами дѣло обстояло такъ, какъ разсказываетъ Сухановъ, сразу нашелся бы достойный языкъ для разговора съ н-с-ми. Сухановъ просто отмахивается отъ исторіи партійныхъ отношеній (сравн. стр. 41—3).

Да и современное положеніе Сухановъ изображаетъ такимъ, какимъ хотѣлъ бы его видѣть, а не въ такомъ видѣ, какъ оно есть. Страница 20-я его книжки свидѣтельствуетъ только объ одномъ: трудно ему признать, что его друзья отдали и отдаютъ богатую дань ревизіонизму не только въ теоріи, но и въ своей практикѣ. Показательны были бы здѣсь и нѣкоторыя воспоминанія о второй Государственной Думѣ.

Бернштейнъ, Давидъ, Герцъ и другіе западные ревизіонисты не даромъ въ свое время прошли школу Маркса. Это, хотя и не всегда, спасало ихъ хотя бы отъ нѣкоторыхъ методологическихъ наивностей. Они сохраняли живое представленіе о соотношеніи марксистской теоріи и практики. Имъ не приходило въ голову утверждать, что «экономическое ученіе» Маркса—одна сторона дѣла, а «историко-философская», или «соціологическая», или «соціально-политическая»—другая сторона, логически съ ней не связанная. Въ этомъ отношеніи они понимали Маркса лучше, чѣмъ наше народничество. Ясной оставалась для нихъ и связь аграрнаго ревизіонизма съ ревизіонизмомъ политическимъ. Они съ самаго начала открыто признали, что ихъ аграрная программа превращаетъ с.-д. въ «партію демократическихъ реформъ». А вотъ для Суханова аграрный ревизіонизмъ совершенно непринужденно совмѣщается съ марксистскими тактическими принципами.

Глава «Къ вопросу о соціологической природѣ крестьянства» (стр. 44—62) свидѣтельствуетъ, что и Сухановъ иногда начинаетъ схватывать нѣкоторыя элементарныя истины. Онъ видитъ, что интересы крестьянства и пролетаріата могутъ совпадать, однако не на всемъ ихъ пути, а лишь въ предѣлахъ демократизма, и что, слѣдовательно, никакъ нельзя говорить объ ихъ повсемѣстномъ совпаденіи. «Во Франціи—одно, въ Россіи—совсѣмъ другое. Теперь въ Россіи—одно, черезъ 20—30 лѣтъ можетъ быть совсѣмъ другое». «Да и россійское крестьянство далеко не есть однородная масса» (59—60).

Если бы народничество усвоило эти общія положенія и до конца продумало ихъ, ему не зачѣмъ было бы по-русски ревизовать Маркса. Но вѣдь тогда и Суханову не пришлось бы свысока говорить о «нашей соціаль-демократіи», о «русскихъ марксистахъ» и старательно отмежевываться отъ нихъ въ качествѣ «убѣжденнаго и вполнѣ послѣдовательнаго марксиста» или «болѣе послѣдовательнаго экономическаго матеріалиста» (стр. 4, 71—2, 75, 76, 83 и мн. др.).

Для тѣхъ, у кого на глазахъ происходили первыя стычки молодого тогда марксизма съ народничествомъ, въ этой «истинно марксистской» позѣ Суханова нѣтъ даже прелести новизны. Н. К. Михайловскій, въ особенности до появленія книги Бельтова (Г. В. Плеханова) «Къ вопросу о монистическомъ взглядѣ на исторію», не переставалъ заявлять о своемъ глубокомъ уваженіи къ „основоположникамъ» экономическаго матеріализма, и написалъ много пренебрежительныхъ словъ объ ихъ «эпигонахъ», объ ихъ русскихъ «ученикахъ». Между строкъ постоянно чувствовалось, что истиннымъ истолкователемъ Маркса былъ именно Михайловскій, а «ученики» искажаютъ его методъ и духъ.

Переживъ это однажды, какъ-то не думалось, что народничество въ новомъ, критическомъ періодѣ своего бытія еще разъ попробуетъ выдвинуть Маркса противъ марксистовъ и заговоритъ о своемъ «вполнѣ послѣдовательномъ марксизмѣ».

IV.

Еще въ то время, когда статьи Суханова печатались въ журналахъ, онѣ вызвали нѣсколько замѣтокъ въ марксистскихъ періодическихъ изданіяхъ. Въ этихъ замѣткахъ меня удивило одно обстоятельство: чувствовалось, что авторамъ ихъ становится просто-напросто скучно.

Теперь я этому не удивляюсь. Дѣйствительно, становится скучно, когда встрѣчаешься съ позой, съ пріемами, аргументаціей, съ недоразумѣніями, съ полемическими пріемами, которые наблюдались и примѣнялись еще въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка. Охватываетъ досадливое чувство. Неужели же опять надо начинать съ азовъ? Неужели прахомъ пошла вся предыдущая литература? Неужели же такъ необходимы такія частыя повторенія?

Однимъ изъ китовъ стараго народничества было кустарное производство. Для народничества оно служило иллюстраціей той силы сопротивленія капитализму, которою обладаетъ «народное производ-

ство». Въ кустарномъ производствѣ Россія обладала въ глазахъ народниковъ матеріальной основой для осуществленія тѣхъ самыхъ идеаловъ, къ которымъ идетъ соціализмъ на Западѣ. Надо хранить, поддерживать, распространять, развивать кустарное производство, надо совершенствовать его технику; въ немъ надо беречь тѣ производственныя отношенія, какія будутъ на лицо при соціалистическомъ строѣ. Народники, насаждавшіе при содѣйствіи земства кустарныя мастерскія и артели, чувствовали себя соціалистами и не безъ состраданія смотрѣли на Западъ, гдѣ экономическое развитіе уже разрушило всѣ предпосылки для столь непосредственно соціалистической дѣятельности: на Западъ, гдѣ экономика требуетъ окольныхъ путей, гдѣ она опосредствована политикой.

Марксисты не отрицали, что дѣятельность по воспособленію кустарямъ представляетъ несомнѣнный плюсъ. Они только указывали, что не слѣдуетъ преувеличивать ея количественнаго значенія: всѣ эти начинанія — ничтожно малая величина по сравненію съ той областью, которую уже тогда захватилъ промышленный капиталъ. Они отмѣчали, что и объективное значеніе этихъ начинаній совершенно иное, чѣмъ полагали народники. Организація, распространеніе и техническое совершенствованіе кустарныхъ промысловъ создаютъ не опору для осуществленія соціализма, а нѣкоторыя необходимыя предпосылки для развитія капитализма. Они не вызываютъ сплошного недифференцированнаго подъема слоевъ, обслуживаемыхъ земскими начинаніями, а подготовляютъ возникновеніе капиталистическихъ формъ, со всѣми соціальными антагонизмами, присущими капитализму,—но и со всѣми соціальными движущими силами капиталистической эпохи. Соціалистическая дѣятельность начинается съ организаціи не кустарныхъ артелей и т. под., а съ организаціи именно этихъ силъ, которыя только и способны вывести общество за предѣлы капитализма.

То, что для народничества было свидѣтельствомъ необыкновенной живучести и жизненности «народнаго производства», для марксистовъ свидѣтельствовало о великой гибкости и приспособляемости капитализма. И въ то же время говорило о его поразительной идеологической силѣ: дѣлая его дѣло, уготовляя ему пути, нѣкоторые апостолы кустарничества искренно вѣрили, что они борются съ нимъ и идутъ, хотя иными путями, къ той же цѣли, какъ и соціалисты на Западѣ.

Дальнѣйшее развитіе показало, что въ насажденіи и поддержаніи кустарныхъ промысловъ могутъ быть заинтересованы и аграріи. Сезонный характеръ земледѣльческихъ работъ ставитъ передъ помѣ-

щиками проблему: какъ удержать вокругъ помѣстья крестьянское населеніе, достаточно многочисленное для того, чтобы обслужить во время страды потребности помѣстья въ рабочихъ рукахъ, и достаточно свободное отъ работы на собственной землѣ для того, чтобы быть вынужденнымъ наниматься въ помѣстьѣ. Т. фонъ-деръ-Гольцъ въ поискахъ за разрѣшеніемъ этой задачи обратился къ помѣщикамъ съ совершенно безнадежнымъ призывомъ: возвратиться къ молотьбѣ цѣпами, что удержитъ рабочихъ хотя бы на осень. Кустарное производство (домашняя промышленность) обѣщаетъ дать помѣщикамъ несравненно больше, чѣмъ безсильная утопія фонъ-деръ-Гольца. Идиллическое сочетаніе земледѣльческаго труда съ промышленнымъ, о прелестяхъ и соціалистическихъ потенціяхъ котораго такъ краснорѣчиво писали старые народники, оказалось для аграріевъ однимъ изъ способовъ консервировать отношенія кабальной зависимости.

Суханову можетъ показаться обиднымъ, что его книжка напомнила мнѣ исторію отношеній къ кустарному производству. Онъ-то ужъ во всякомъ случаѣ стоитъ здѣсь выше всякихъ подозрѣній. Вопроса о кустарныхъ промыслахъ и артеляхъ, какъ элементѣ «народнаго производства», да и самаго вопроса о какомъ-то «народномъ производствѣ» для него не существуетъ. Сухановъ признаетъ этихъ двухъ китовъ стараго народничества: кустарное производство и артель, прочно похороненными (стр. 9—12).

Но признаетъ это только затѣмъ, чтобы выдвинуть новаго кита, сельско-хозяйственную кооперацію, и повторить о ней то самое, что, по его словамъ, старое народничество говорило въ свое время о кустарныхъ промыслахъ и артельныхъ начинаніяхъ русскаго народа.

«Кооперація не только является первостепеннымъ факторомъ развитія производительныхъ силъ; въ деревнѣ именно она способна создать *тѣ производственныя отношенія, какія будутъ на лицо въ соціалистическомъ строѣ*» (подчеркнуто, какъ и ниже, мною). «Все это подтверждаетъ взглядъ на кооперацію, какъ на *внѣдреніе въ современную деревню хозяйственныхъ формъ, свойственныхъ соціализму*». «Крестьянство уже вступило на путь кооперации и едва-ли сойдетъ *съ этого пути къ избавленію отъ власти капитала*» (стр. 55—57).

Съ кооперацією въ деревню внѣдряются хозяйственныя формы, свойственныя соціализму. Кооперація способна создать въ деревнѣ тѣ производственныя отношенія, какія будутъ на лицо въ соціалистическомъ строѣ.

Въ настоящее время было бы безкопечно тоскливо спорить съ этими

воззрѣніями, взятыми изъ ревизіонистской литературы 90-хъ годовъ прошлаго вѣка. Я ограничусь тѣмъ, что процитирую немногія общія положенія изъ своей статьи: «Товарищества мелко-буржуазныхъ производителей» («Просвѣщеніе», 1913 г., № 5). Добавлю только, что каждое положеніе нетрудно было бы подкрѣпить многочисленными цитатами, взятыми не только изъ марксистской, но также *изъ современной ревизіонистской* и чисто буржуазной литературы. И что еще важнѣе: было бы любопытно посмотрѣть, какъ сумѣлъ бы Сухановъ оспаривать, что деревенскія кооперації оказываютъ *такое* вліяніе, какъ показано ниже.

«Кредитныя товарищества не только дѣлаютъ кредитъ доступнымъ крестьянству не въ ростовщическихъ, а въ иныхъ, болѣе развитыхъ формахъ, приближающихся къ коммерческому кредиту: они вообще вводятъ крестьянина въ сферу упорядоченныхъ чисто коммерческихъ операцій. Крестьянинъ научается управлять тѣми крупными для деревни суммами, которыя проходятъ черезъ кассу товарищества: пускаетъ ихъ въ оборотъ, пріобрѣтаетъ и продаетъ акціи и облигаціи банковъ и промышленныхъ предпріятій, приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ биржей и банками, начинаетъ понимать языкъ биржевыхъ бюллетеней. Втягиваемый въ этотъ міръ, онъ уже не можетъ существовать внѣ регулярныхъ съ нимъ связей».

«Организуясь въ товарищества для покупки удобреній, сѣмянъ, молотилокъ, корма для скота и т. д., онъ научается умѣло использовать механизмъ капиталистическаго товарнаго обращенія. Онъ — подобно кустарю или ремесленнику, которымъ тоже иногда удается использовать товарищескую организацію кредита и отчасти совмѣстныхъ закупокъ сырья, — постепенно, но прочно ассимилируется капитализмомъ и усиливаетъ его армію».

«Еще непосредственнѣе втягивается деревня въ сферу новѣйшихъ капиталистическихъ отношеній товариществами для организованнаго сбыта различныхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Какъ представитель товарищества, крестьянинъ засѣдаетъ въ совѣтѣ хлѣбной биржи, получаетъ голосъ въ молочномъ синдикатѣ, въ организаціи крупныхъ торговцевъ фруктами и овощами. Здѣсь онъ прямо вовлекается въ сферу аграрно-протекціонистскихъ и картельныхъ интересовъ и научается распознавать своихъ союзниковъ въ городѣ, въ тѣхъ кругахъ современной буржуазіи, которые на почвѣ протекціонизма блокируются съ крупно-аграрными элементами».

«Наконецъ товарищества для промышленной переработки продуктовъ земледѣлія: винокуренные, сахароваренные, крахмальные

заводы, и въ особенности артели маслодѣловъ и сыроваровъ, прямо сталкиваютъ членовъ этихъ артелей съ современнымъ рабочимъ движеніемъ. Пока крестьянинъ имѣетъ дѣло только съ земледѣльческимъ наемнымъ рабочимъ, онъ сравнительно отдаленно представляетъ себѣ, какое значеніе имѣетъ для него, какъ нанимателя, борьба промышленнаго пролетаріата. Теперь, когда онъ сдѣлался пайщикомъ промышленнаго предпріятія, она затрагиваетъ его съ величайшей непосредственностью. Онъ сознательно выступаетъ противъ сокращенія рабочаго времени, увеличенія заработной платы, фабричнаго законодательства, противъ свободы коалицій. Онъ требуетъ, чтобы правительство положило конецъ «всему этому», онъ повторяетъ вслѣдъ за крупно-капиталистическими вождями, что «преувеличенныя требованія» рабочихъ грозятъ національной промышленности.

«Товарищества уже послужили превращенію экономически сильныхъ крестьянъ въ маленькихъ аграрныхъ капиталистовъ... Крестьянскія товарищества, несомнѣнно, послужили средствомъ мощнаго техническаго и экономическаго подъема деревни. Но не того демократическаго, нерасчлененнаго, недифференцированнаго, сплошного подъема, о которомъ говорятъ сантиментальные проповѣдники кооперації, а капиталистическаго подъема, отдѣляющаго сильныя единицы отъ экономически слабыхъ массъ, чреватаго всѣми классовыми противорѣчіями капитализма... Товарищества не ведутъ къ соціализаціи, а, напротивъ, и въ деревнѣ сламываютъ мелко-буржуазную оппозицію капитализму. Но сламываютъ такимъ способомъ, что они подготовляютъ почву для классовой борьбы противъ капитализма, подобной той, которая уже давно развернулась въ сферѣ промышленности».

Сухановъ, конечно, полагаетъ, что онъ безконечно далеко ушелъ отъ тѣхъ сладкихъ иллюзій, которыя старымъ народничествомъ связывались съ артелью и кустарными промыслами. Но пусть онъ покажетъ въ такомъ случаѣ, какой же особый плюсъ передъ артелями представляетъ кооперація, которая для него избавляетъ крестьянство отъ власти капитала.

По Суханову нашъ ревизіонизмъ «никогда не проявлялъ тенденцій къ реформизму и умѣренности». Но гдѣ же ему сохранить надлежащую остроту взора, какъ могъ бы онъ замѣтить реформизмъ, когда процессы соціализаціи онъ открываетъ тамъ, гдѣ другіе находятъ капитализацію? Здѣсь было бы мудрено столковаться.

V.

Иногда можно придти въ отчаяніе отъ того, что печатаетъ Сухановъ,—печатаетъ во второй разъ: сначала въ журналѣ, а потомъ въ разбираемой книжкѣ. Бываетъ, что положительно невозможно фиксировать, что же именно утверждаетъ Сухановъ: предметъ утвержденія измѣняется отъ строки къ строкѣ. Вотъ для примѣра два десятка строкъ со стр. 78—9. Я привожу ихъ безъ всякихъ пропусковъ и только подчеркиваю отдѣльныя мѣста, чтобы читатель оцѣнилъ всю прелесть этого строго послѣдовательнаго ревизіонистскаго мышленія.

Сухановъ пишетъ: «Типомъ земледѣльческаго хозяйства, наиболѣе приспособленнымъ къ развитымъ капиталистическимъ условіямъ, на Западѣ оказывается *крупно*-крестьянское хозяйство. Повидимому, именно этотъ типъ стремится захватить въ свои руки все сельскохозяйственное производство странъ, наиболѣе развитыхъ въ экономическомъ отношеніи. Ему уступаетъ позицію за позицією крупно-капиталистическое (юнкерское и буржуазное) хозяйство. Оно же, крупно-крестьянское земледѣліе, стремится захватить и территорію мелкихъ и карликовыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, владѣльцы которыхъ поглощаются стремительно растущей индустріей. Побѣждающій типъ земледѣлія есть *трудовое хозяйство*; *наемный трудъ оно эксплуатируетъ* въ незначительной степени, расширяя трудовую норму землепользованія благодаря *примѣненію машинъ*. Такому типу земледѣлія, повидимому, принадлежитъ будущее и у насъ. Насколько данныя статистики въ настоящее время позволяютъ судить о динамикѣ сельскохозяйственныхъ типовъ, надо думать, что хозяйство *гроссбауеровъ* и въ Россіи должно явиться вѣнцомъ земледѣльческой эволюціи въ предѣлахъ буржуазнаго строя». А вотъ, заодно, нѣсколько строкъ изъ предисловія (стр. 4). Говоря о задачахъ своей книги, Сухановъ указываетъ, что первое изъ двухъ ея основныхъ положеній «заключается въ признаніи устойчивости и жизнеспособности *мелкаго* хозяйства трудовыхъ крестьянъ-собственниковъ, которое расширяетъ свои позиціи за счетъ крупно-капиталистическаго, опирающагося на наемный трудъ».

На стр. 84 Сухановъ съ суровымъ осужденіемъ говоритъ о «самомъ безпочвенномъ доктринерствѣ» «нашей соціаль-демократіи». Послѣ приведенныхъ цитатъ всякій признаетъ, что Сухановъ, какъ немногіе другіе, имѣетъ право на такое осужденіе. Онъ не зараженъ доктринерствомъ. У него на немногихъ срокахъ крупно-крестьянское хозяйство подмѣняется трудовымъ хозяйствомъ, или мелкимъ хозяй-

ствомъ трудовыхъ крестьянъ-собственниковъ, а трудовое хозяйство успѣшно сливается съ хозяйствомъ гроссбауеровъ (т.-е. крупныхъ крестьянъ). Трудовое же хозяйство для него характеризуется эксплуатаціей наемнаго труда (потому-то оно, должно быть, и трудовое), хотя бы и въ незначительной степени, и расширяющимся примѣненіемъ машинъ.

Послѣ этого нисколько не удивительно, что Сухановъ пишетъ: «я считаю себя убѣжденнымъ и вполнѣ послѣдовательнымъ марксистомъ».

Гдѣ же ему различить такія тонкости, какъ послѣдовательность? И говоритъ же онъ на стр. 80 о «процессѣ образованія *гроссбауеровскихъ трудовыхъ* хозяйствъ», т.-е., въ переводѣ на русскій языкъ, крупно-крестьянскихъ трудовыхъ хозяйствъ. Народничество въ его лицѣ въ открытую выступаетъ идеологомъ хозяйственнаго мужичка. Но мужичку этому оно даетъ названіе трудового крестьянина.

По прямому признанію Суханова, русское народничество своей идеологіей обязано западному ревизіонизму. Но изъ него, какъ увѣряетъ Сухановъ, оно взяло только аграрную программу. Онъ такъ и пишетъ: «Наиболѣе вліятельный идеологъ новаго народничества В. М. Черновъ, при первомъ обоснованіи своихъ аграрныхъ воззрѣній, пошелъ, какъ извѣстно, вслѣдъ за австрійскимъ ревизіонистомъ Герцемъ» (стран. 17). Однако Черновъ, продолжаетъ Сухановъ, внесъ въ теорію Герца «существенные коррективы въ марксистскомъ духѣ». Конечно, всякому, кто помнитъ аграрныя статьи Чернова, было бы трудновато открыть, въ чемъ заключались марксистскіе, по оцѣнкѣ Суханова, коррективы. Но это и не важно. Достаточно просто отмѣтить, сколь злополучна судьба народничества въ авторитетномъ изображеніи Суханова. Оно признало необходимымъ отвергнуть марксистскую теорію аграрнаго развитія и пошло за австрійскимъ ревизіонизмомъ. Но, едва пойдя за нимъ, почувствовало, что можетъ зайти слишкомъ далеко. И было право. Герцъ очень быстро продѣлалъ эволюцію, напоминающую, напр., г. Изгоева или г. Струве: и на Западѣ существуетъ большой спросъ на борцовъ противъ соціализма, прошедшихъ марксистскую школу. И вотъ, почувствовавъ, куда ведетъ ревизіонизмъ, народничество ревизовало свои ревизіонистскія воззрѣнія: внесло въ нихъ «существенные коррективы въ марксистскомъ духѣ». Значитъ, противъ марксизма—ревизіонизмъ, а потомъ противъ ревизіонизма—марксизмъ [1]).

[1]) Открыто признавая учительство Герца, Сухановъ почему-то конфузливо отрекается отъ Давида: вѣроятно, просто потому, что о теперешней воинственной позиціи Давида упоминаютъ очень часто, объ эво-

Путемъ такихъ-то шатаній и эклектическихъ заимствованій составилась, по объясненіямъ самого Суханова, ново-народническая программа, которую и онъ раздѣляетъ. Но у Суханова есть одинъ крупный козырь: большая самоувѣренность. Клочковый характеръ аграрныхъ воззрѣній народничества не препятствуетъ тому, что онъ достаточно-таки высокомѣрно относится къ аграрнымъ воззрѣніямъ «нашихъ марксистовъ», для него, впрочемъ, сливающимся съ народническими,—и, проникнутый состраданіемъ къ ихъ слѣпотѣ, приглашаетъ марксистовъ признать, что въ этой области ничто не отдѣляетъ ихъ отъ народниковъ.

Въ особенности печалитъ его отношеніе «нашихъ марксистовъ» къ крестьянской общинѣ. Община, надо полагать, и есть тотъ марксистскій коррективъ, который внесло народничество въ ревизіонистскую аграрную теорію. Вопросу объ общинѣ Сухановъ посвятилъ значительную часть своей книжки, и главная мысль, изъ-за которой авторъ вообще принялся за работу, повидимому, такова: пусть марксисты пересмотрятъ свое отношеніе къ крестьянской кооперации и общинѣ,—и тогда окажется, что между ними и народничествомъ нѣтъ существенныхъ теоретическихъ разногласій.

Я уже показалъ, какое недоразумѣніе случилось у Суханова съ кооперацией. Процессы, въ которыхъ выражается проникновеніе капитала (или его предпосылки, денежно-мѣновыхъ отношеній) въ деревню, онъ принялъ за процессы, которые непосредственно упираются въ соціализмъ. Съ общиной и того хуже. По отношенію къ ней Сухановъ одновременно и Донъ-Кихотъ и Санчо-Панса. Какъ Донъ-Кихотъ, Сухановъ до крайности огорченъ равнодушіемъ, которое

люціи же Герца въ Россіи немногіе знаютъ,—и немногіе теперь помнятъ и самого Герца.

Сухановъ говоритъ: „За тѣми ревизіонистскими взглядами на мелкое земледѣліе, выразителемъ которыхъ является Эд. Давидъ, наше современное народничество *въ общемъ* (подчеркнуто мною) не послѣдовало и восприняло лишь отрицательную часть ученія Давида“ (стран. 20). Конечно, основная работа Давида появилась въ то время, когда народничество уже нашло обоснованія у западныхъ ревизіонистовъ. Но журнальныя статьи и въ особенности большую рѣчь Давида, произнесенную на съѣздѣ германской с.-д., народничество успѣло использовать. А потомъ: за какими это ревизіонистскими взглядами Давида не пошло наше народничество? Не станетъ же Сухановъ утверждать, что оно равнодушно прошло мимо „Sozialismus und Landwirtschaft“ Давида, доказывающей жизнеспособность мелко-крестьянскаго хозяйства. И, далѣе, не курьезно-ли звучало бы такое, напр., утвержденіе: имярекъ не послѣдовалъ за г. Струве и воспринялъ только отрицательную часть его критики Маркса?

въ послѣдніе годы обнаружили народники по отношенію къ общинѣ. Изъ заключительной главы его книги слѣдуетъ, что, въ качествѣ убѣжденнаго и вполнѣ послѣдовательнаго народника, онъ такой же единственный среди современныхъ народниковъ, какъ передъ лицомъ «нашихъ марксистовъ»—единственный убѣжденный и вполнѣ послѣдовательный марксистъ. Даже среди народниковъ онъ—послѣдній рыцарь общины.

Но Сухановъ, поднимая копье, какъ Донъ-Кихотъ, нѣтъ-нѣтъ да и увидитъ предметъ своего рыцарскаго служенія столь же ясными глазами, какъ Санчо-Панса. Онъ пишетъ: «Мнѣ уже пришлось высказать мое личное очень *пессимистическое* (курсивъ мой) мнѣніе относительно судьбы общины. Законъ 14 іюня, давая просторъ единичнымъ домохозяевамъ въ разрушеніи цѣлыхъ общинъ, долженъ былъ сдѣлать свое дѣло. И едва ли большая часть общиннаго землевладѣнія доживетъ до лучшихъ дней». И потомъ: «Община—не casus belli и не поводъ для сколько-нибудь существенныхъ практическихъ трепій» (стр. 84). Но вѣдь въ такомъ случаѣ становится непонятной энергія, которую Сухановъ вкладываетъ въ свою защиту общины, и то несоразмѣрно большое количество страницъ, которое онъ посвящаетъ этому дѣлу.

Но недоумѣніе читателя еще болѣе возрастаетъ, когда онъ доходитъ до существа взглядовъ Суханова на общину и ея роль въ общественномъ развитіи за предѣлы капитализма.

VI.

Для Суханова община дорога потому, что ею осуществляется «отсутствіе частной собственности на землю и принадлежность земли публично-правовой организаціи». «Въ этомъ отношеніи, пишетъ онъ, право земельной общины соотвѣтствуетъ праву соціалистическаго государства» (стр. 74).

Сухановъ неоднократно повторяетъ эту мысль. Здѣсь для него центръ вопроса объ общинѣ. Но бѣда въ томъ, что община повисла у него въ воздухѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, «типомъ земледѣльческаго хозяйства, наиболѣе приспособленнымъ къ развитымъ капиталистическимъ условіямъ, на Западѣ оказывается крупно-крестьянское хозяйство». И въ Россіи крестьянское хозяйство «должно явиться вѣнцомъ земледѣльческой эволюціи въ предѣлахъ буржуазнаго строя» (стр. 78—9). Въ основѣ крестьянскаго хозяйства лежитъ семейное производство. Но если

семейное производство «должно явиться вѣнцомъ земледѣльческой эволюціи въ предѣлахъ буржуазнаго строя», то, спрашивается, зачѣмъ нужна будетъ коллективная собственность на землю, къ чему принадлежность земли публично-правовой организаціи? Семейному производству соотвѣтствуетъ частная собственность на землю, и удержать «принадлежность земли публично-правовой организаціи» при торжествѣ крестьянскаго хозяйства было бы возможно лишь мѣрами внѣ-экономическаго принужденія.

Да и къ чему было бы удерживать общинное землевладѣніе? Для Суханова община представляетъ цѣнность «съ точки зрѣнія соціалистическаго права», вслѣдствіе «явной возможности болѣе легкаго перехода отъ общины къ тѣмъ формамъ землевладѣнія, которыя должны быть свойственны соціализму».

Но вѣдь ясная вещь: только общественное производство на извѣстной ступени развитія экономически требуетъ коллективной собственности. И Каутскій вполнѣ правъ, когда онъ и въ «Эрфуртской программѣ», и въ «Аграрномъ вопросѣ», и въ позднѣйшихъ работахъ предоставлялъ крестьянамъ, остающимся при семейномъ производствѣ, сохранить свои участки земли въ индивидуальномъ владѣніи: обобществленія средствъ производства требуетъ на извѣстной ступени развитія такое общественное производство, какъ, напр., въ капиталистическомъ предпріятіи. Здѣсь частная форма присвоенія вступаетъ въ явный конфликтъ съ общественной формой производства.

Если будущее принадлежитъ крестьянскому хозяйству, примѣняющему наемныхъ рабочихъ лишь изрѣдка и спорадически, то условія для развитія такого конфликта столь же мало благопріятны, какъ въ эпоху полной жизнеспособности ремесла. Значитъ, крестьянское хозяйство не выводитъ насъ за предѣлы буржуазнаго общества, не требуетъ и никогда не потребуетъ «тѣхъ нормъ землевладѣнія, которыя должны быть свойственны соціализму». Но тогда какую цѣнность можетъ имѣть община, если бы даже она, дѣйствительно, облегчала переходъ къ этимъ формамъ?

Повидимому, разрѣшенія этихъ недоумѣній надо искать во взглядахъ Суханова на будущее крестьянской коопераціи. Говорю: «повидимому», потому что своимъ воззрѣніямъ на роль коопераціи онъ посвятилъ болѣе двухъ страницъ (55—8), а не два десятка строкъ, какъ своему приговору надъ тенденціями аграрнаго развитія. И, разумѣется, недоумѣній здѣсь получается соотвѣтственно больше. Выше уже было указано, что съ кооперацією для Суханова «внѣдря-

ются въ современную деревню хозяйственныя формы, свойственныя соціализму», что кооперація—«путь къ избавленію (крестьянства) отъ власти капитала» и т. д. Къ этому можно добавить, что, по Суханову, «народники, конечно, правы», если деревенскую кооперацію они мыслятъ «какъ условіе, какъ переходную ступень, какъ основу будущихъ коллективистическихъ формъ. Кооперація и соціализмъ мыслятся, какъ явленія одинаковой природы. И именно постольку цѣнится кооперація народниками. Говоря о развитіи и содѣйствіи сельскохозяйственной коопераціи, представители народничества видятъ въ этомъ не что иное, какъ внѣдреніе и созданіе хозяйственныхъ формъ, свойственныхъ соціализму». И, говоритъ Сухановъ, въ этомъ случаѣ «народники, конечно, правы» (стр. 55).

Но стоитъ перевернуть страницу,—и окажется, что «хозяйственныя формы» и «производственныя отношенія, свойственныя соціализму», надо понимать совсѣмъ по другому. Во всякомъ случаѣ не такъ, какъ понимаютъ «наши марксисты». Оказывается, что это—тѣ самыя формы, которыя уже теперь созданы капиталомъ, уже теперь существуютъ въ промышленномъ капиталистическомъ предпріятіи. Суханов̀ъ такъ и пишетъ на стр. 56: «Кооперація организуетъ сельскохозяйственное производство въ тѣ самыя формы, какія будутъ имѣть мѣсто въ соціалистическомъ строѣ; въ тѣ же формы организуется производство частно-предпринимательскимъ капиталомъ».

При полной беззаботности Суханова по части терминологіи читателю предоставляется самому рѣшить, что хотѣлъ сказать Сухановъ, говоря о тожествѣ капиталистическихъ и соціалистическихъ производственныхъ отношеній и хозяйственныхъ формъ.

Возможно, что, по его мнѣнію, кооперація точно такъ же дѣлаетъ земледѣльческое производство общественнымъ, какъ капиталъ дѣлаетъ общественнымъ промышленное производство, и что безъ общественнаго производства нельзя перейти къ обобществленному производству. Однако, вопреки Суханову, обобществленное производство придетъ, какъ *отрицаніе* капиталистическихъ производственныхъ отношеній, или, что для «нашихъ марксистовъ» то же самое, какъ *отрицаніе* хозяйственныхъ формъ, свойственныхъ капитализму.

Но въ такомъ случаѣ требуется «послѣдовательный марксизмъ» Суханова для того, чтобы говорить о тожествѣ соціалистическихъ хозяйственныхъ формъ съ тѣми формами, которыя создаются деревенской кооперацією, и въ которыя производство организуется промышленнымъ капиталомъ.

У Суханова все это безнадежно запутано. Если бы онъ ясно по-

ставилъ вопросъ, какъ бы могъ онъ утверждать, что «народники, конечно, правы», «говоря о развитіи и *содѣйствіи* сельскохозяйственной кооперації»? Чтобы быть послѣдовательнымъ, ему было бы полезно перенести свои разсужденія въ сферу дѣятельности промышленнаго капитала. Но тогда пришлось бы сказать: «Говоря о развитіи и содѣйствіи капиталистической промышленности, представители народничества видятъ въ этомъ не что иное, какъ внѣдреніе и созданіе хозяйственныхъ формъ, свойственныхъ соціализму».

Господа изъ «Вѣхъ», апостолы «Великой Россіи» упрекали русскую интеллигенцію за то, что она конфузится прямо и открыто признать одной изъ насущныхъ общественныхъ задачъ содѣйствіе капиталистическому развитію. Но тогда никому не приходило въ голову, будто г. Струве приглашалъ къ соціалистической дѣятельности. А вотъ Сухановъ не останавливается передъ такими утвержденіями по отношенію къ сельскохозяйственной кооперації. Однако непосредственно за только что приведенной цитатой Сухановъ указываетъ на такія особенности кооперації, которыя позволяютъ думать, что въ ней среди капиталистическаго общества вырастаютъ «элементы соціалистическаго права», и что въ этомъ—ея отличіе отъ промышленно-капиталистическаго предпріятія [1]).

Онъ пишетъ: «Но на ряду съ этимъ кооперація создаетъ вполнѣ опредѣленныя соціальныя отношенія внутри сельскохозяйственнаго производства. Промышленный капиталъ *отдѣляетъ* рабочаго отъ орудій труда и отъ создаваемаго имъ продукта. Кооперація *оставляетъ* рабочаго *собственникомъ* орудій производства, укрѣпляетъ его собственность и *дѣлаетъ рабочаго обладателемъ продукта его труда*» (курсивъ автора). Куда подѣвался наемный трудъ, который у Суханова примѣняется, хотя бы и въ незначительныхъ размѣрахъ, даже трудовымъ крестьянствомъ, это—секретъ автора. И его же секретъ, какъ возможно безъ наемнаго труда возрастающее примѣненіе машинъ, кооперативныя маслобойки, сыроваренныя заведенія съ ихъ механическими двигателями и съ работниками, которые должны обла-

---

[1]) Я просто беру выраженія Суханова и не касаюсь вопроса о томъ, нѣтъ-ли внутренняго противорѣчія въ сочетаніи словъ: „соціализмъ“ и „право“. Можно было бы указать, что понятіе права необходимо связано съ понятіемъ о внѣшне-принудительныхъ нормахъ, въ которыхъ кристаллизовываются и получаютъ по внѣшности неперсональное и надклассовое выраженіе сложившіяся соотношенія господства и подчиненія. А если такъ, то онѣ предполагаютъ общество, расчлененное на классы. Но въ данной связи этотъ вопросъ можно оставить въ сторонѣ.

дать спеціальной подготовкой и, посвящая все свое время этимъ заведеніямъ, оторваны отъ земледѣльческаго производства. Изъ дальнѣйшаго оказывается, что Суханову можно было бы и не умалчивать о наемномъ трудѣ въ кооперативахъ: хотя такимъ умалчиваніемъ онъ и превратилъ рабочаго въ «обладателя продукта его труда», однако это не спасаетъ кооперативы отъ экспропріаціи, совершенно такой же, какъ экспропріація промышленныхъ капиталистовъ.

Впрочемъ раньше, чѣмъ экспропріировать крестьянскіе кооперативы, Сухановъ указываетъ еще на одну ихъ особенность, которая, надо полагать, отличаетъ ихъ отъ капиталистическаго предпріятія. «Кооперація, пишетъ онъ, превращаетъ индивидуальную крестьянскую собственность въ коллективную». Вотъ здѣсь-то, должно быть, и лежитъ разгадка, какую же цѣнность представляетъ для Суханова сохраненіе деревенской общины. Если при содѣйствіи кооперації развитіе аграрныхъ отношеній ведетъ къ созданію коллективной собственности, то община, какъ публично-правовой институтъ, лежитъ въ направленіи аграрнаго развитія.

Но Сухановъ не былъ бы русскимъ ревизіонистомъ, если бы онъ пойдя «вслѣдъ за австрійскимъ ревизіонистомъ Герцемъ», не поспѣшилъ тотчасъ же внести «въ его теорію существенные коррективы въ марксистскомъ духѣ». Онъ говоритъ (стр. 56—7): «Правда, кооперація превращаетъ индивидуальную крестьянскую собственность въ коллективную. Но собственность эта остается частной. И изъ этой собственности крестьянинъ можетъ извлечь особыя выгоды,— въ ущербъ пролетарію. Слѣдовательно, эту собственность крестьянинъ будетъ развивать, укрѣплять и защищать, менѣе всего склонный отъ нея отказаться... Кооперації (или соединенія ихъ) остаются частно правовыми союзами. Для перехода къ соціализму владѣльцевъ кооперативныхъ средствъ производства надо будетъ экспропріировать. Это долженъ будетъ сдѣлать и это сдѣлаетъ пролетаріатъ. Онъ превратитъ частные трудовые союзы земледѣльцевъ въ институты публичнаго права, а принадлежащія имъ средства производства—въ общественную собственность. Онъ сдѣлаетъ это въ ущербъ крестьянству и, очевидно, противъ его воли».

Безполезно распутывать, что означаютъ здѣсь индивидуальная, о потомъ, какъ противоположность ей, коллективная собственность, которая въ то же время остается частной собственностью. Достаточно сказать, что мы обманулись, если думали, что, наконецъ-то, откроемъ, какое мѣсто принадлежитъ общинѣ въ схемѣ общественнаго развитія у Суханова. Въ самомъ дѣлѣ, если и съ максимальнымъ

развитіемъ кооперацiи крестьянская собственность остается частной, и если кооперативъ оставляетъ незыблемыми вырастающія на его основѣ собственническія стремленія крестьянина, то возникаютъ два вопроса: во-первыхъ, какъ могла бы при такихъ обстоятельствахъ удержаться община въ качествѣ *живого* учрежденія? И во-вторыхъ, какимъ образомъ она, если бы и удалось номинально сохранить ее, при отсутствіи въ ней экономической необходимости, способна облегчить переходъ къ соціалистическому праву, разъ этотъ переходъ все равно совершится въ ущербъ членамъ «частныхъ трудовыхъ союзовъ земледѣльцевъ» и, очевидно, противъ ихъ воли?

И по прежнему остается вопросомъ, какимъ образомъ «народники, конечно, правы», если они мыслятъ «кооперацію и соціализмъ, какъ явленія различныя, но лежащія въ *одной плоскости*, какъ явленія *одинаковой природы*», и какимъ образомъ содѣйствіе сельскохозяйственной кооперацiи является содѣйствіемъ внѣдренію и созданію хозяйственныхъ формъ, свойственныхъ соціализму.

Все это Сухановъ держитъ въ секретѣ отъ читателя. Но здѣсь нѣтъ никакого секрета, а просто, прежде чѣмъ выступать въ роли объединителя нашихъ направленій, Суханову было бы небезполезно придти къ единству съ самимъ собой.

VII.

Сухановъ бываетъ великодушенъ. Отмѣтивъ, какъ представители различныхъ партій высказывались объ общинѣ въ связи съ аграрнымъ законодательствомъ Столыпина, онъ говоритъ: «К.-д., либерально-буржуазное теченіе, отстаиваютъ сохраненіе земли въ собственности коллективовъ, публично-правовыхъ организацій. Правда, они дѣлаютъ это не изъ принципіальныхъ соображеній, а для практическаго противодѣйствія обезземеленію и росту пролетаріата, не находящаго приложенія труду въ промышленности. Но, какъ бы то ни было, на ряду съ этимъ коллективисты порицаютъ реакціонное отстаиваніе коллективной собственности на землю. *Вмѣстѣ съ казенными публицистами* (подчеркнуто мною) они отстаиваютъ болѣе послѣдовательно проводимые принципы третьедумскаго большинства». Однако великодушіе беретъ верхъ и, приведя эти уничтожающія соображенія, Сухановъ продолжаетъ: «Я меньше всего склоненъ выставлять это въ качествѣ самостоятельнаго аргумента противъ позиціи, занятой по отношенію къ закону 14-го іюня этой частью соціалъ-демократіи» (выше шла рѣчь о превращеніи крестьянскихъ

земель въ объектъ купли-продажи, объ устраненіи препятствій свободной мобилизаціи земель). «Въ мои планы меньше всего входитъ дешевая полемика и сомнительные демагогическіе пріемы аргументаціи». (стр. 72—3).

Однако — сопоставленіе слишкомъ эффектное, и трудно удержаться отъ искушенія и не использовать его еще разъ. «У насъ (т. е. въ Россіи), говоритъ Сухановъ на стр. 84, во имя самаго безпочвеннаго доктринерства, пролетарская партія занимаетъ по отношенію къ общинѣ двусмысленную позицію, а въ нѣкоторой своей части она готова идейно отдѣлиться въ данномъ вопросѣ отъ международной позиціи и стать на *точку зрѣнія юнкерства и реакціонной буржуазіи*». Свободный выходъ изъ общины и устраненіе препятствій залогу и мобилизаціи крестьянскихъ земель вообще находятъ страстнаго противника въ Суховѣ (сравн. стр. 92, 93 и мн. др.) Борясь за сохраненіе ограниченій въ этой области, онъ остался въ полномъ одиночествѣ на своей „международной позиціи“ (см. послѣднюю главу его книжки). Хотя онъ и говоритъ: „есть народники и народники“, но даже изъ его изложенія видно, что никто изъ народниковъ не сохранилъ столь незыблемыми своихъ народническихъ воззрѣній на общину, какъ Сухановъ.

Но однако положеніе Суханова вовсе не таково, какъ ему представляется. Конечно, онъ одинокъ и среди марксистовъ, и даже среди народниковъ. И все же за поисками единомышленниковъ ему не зачѣмъ обращаться къ Западу, къ западнымъ представителямъ международности. Судьба сохранила ему союзниковъ и въ Россіи, притомъ въ очень вліятельныхъ сферахъ. Вотъ извлеченія изъ рѣчи, произнесенной 3-го іюня 1916 г. въ Государственной Думѣ, при обсужденіи законопроекта объ устраненіи нѣкоторыхъ правоограниченій крестьянъ.

„Главный факторъ, который закрѣпощаетъ и до настоящаго времени крестьянство, какъ таковое, это—прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Это несомнѣнно. И разъ въ докладѣ (В. А. Маклакова) этотъ факторъ обходится весьма осторожно, то предложеніе вовсе уничтожить крестьянъ и превратить ихъ въ гражданъ является неисполнимымъ. Это несбыточно. Въ самомъ дѣлѣ, прекратите всякое принудительное отношеніе крестьянъ къ землѣ, уничтожьте надѣльную землю съ ея правами и запрещеніями, предоставьте крестьянамъ всю землю въ частную собственность, съ правомъ располагать этою землею, какъ имъ угодно, продавать, кому угодно,—тогда вы, дѣйствительно, получите вмѣсто мощной вѣковой фигуры нашего рус-

скаго крестьянина съ его великолѣпными качествами и родственными намъ всѣмъ недостатками, вы получите новый типъ россійскаго гражданина.

„Но передъ тѣмъ, чтобы поднять руку на эту сторону вопроса, самую существенную, на землю, остановились и докладчикъ, и даже всѣ тѣ, которые защищаютъ точку зрѣнія уничтоженія сословія крестьянъ (голоса справа: „Правильно"), потому что у всѣхъ насъ есть еще опасеніе, что при настоящемъ положеніи русскаго крестьянина, при его нѣкоторой тяжеловѣсности, добродушіи, неразвитости, мы очень боимся, что предоставленіемъ ему права свободнаго обмѣна земли и продажи кому угодно, мы хотя и создадимъ типъ гражданина, но гражданина не русской національности, а, можетъ быть національности болѣе космополитической" („Рус. Вѣд." № 128, 4 іюня 1916 г.).

Вотъ какова связь отношеній. Если хотите, чтобы были уничтожены сословныя ограниченія, и крестьяне превратились въ гражданъ, — соглашайтесь на свободную куплю-продажу, на свободу залога крестьянской земли. А если вы останавливаетесь передъ свободной мобилизаціей землевладѣнія, то совершенно естественно и послѣдовательно, что вы не идете дальше отмѣны только нѣкоторыхъ правоограниченій. И к.-д. нечего противъ этого возразить.

Такъ ставится вопросъ, если посмотрѣть только на его юридическую и политическую сторону.

Союзникъ Суханова въ его борьбѣ противъ свободной мобилизаціи надѣльныхъ земель, только что цитированный думскій ораторъ, — виднѣйшій и вліятельнѣйшій дѣятель объединеннаго дворянства, графъ А. А. Бобринскій, тогда товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, а въ настоящее время—министръ земледѣлія [1]).

Сухановъ, не желая пользоваться сомнительными демагогическими пріемами аргументаціи, могъ указать только одно: что „наши марксисты" въ вопросѣ объ общинѣ заняли позицію, въ корень отличную отъ к.-д. Я тоже не хочу пользоваться сомнительными дема-

[1]) На стр. 93 Сухановъ съ горечью говоритъ объ одномъ народникѣ, который выступаетъ „съ горячей защитой свободы залога и мобилизаціи *надѣльныхъ* земель". На стр. 92 онъ съ ироніей резюмируетъ статью одной либерально-народнической газеты: „то-есть, какъ правило, залогъ и мобилизація *крестьянскихъ* земель не должны встрѣчать препятствій и ограниченій" (подчеркнуто мною). Удивительно „послѣдовательнымъ" марксистомъ надо быть для того, чтобы, написавъ эти слова, не почувствовать всѣмъ организмомъ ихъ невыразимо противнаго, чисто сословнаго вкуса.

гогическими пріемами аргументаціи. Но при всемъ томъ не могу не признать, что въ новомъ народничествѣ Суханова есть нѣчто, родственное и графу А. А. Бобринскому, какъ, согласно Суханову (стр. 7) въ старомъ народничествѣ было нѣчто, родственное славянофильству.

VIII.

Для Суханова „борьба старыхъ направленій есть живой анахронизмъ; она изжита, выродилась и фактически ликвидирована жизнью.“ „Старыя рамки, группировки, понятія, термины уже сами собою отжили, разрушены, перемѣшаны, стерты съ лица земли... никакой стѣны (между народничествомъ и марксизмомъ) уже давно нѣтъ; намъ уже нечего ломать, кромѣ вывѣски“ (стр. 41—2). Народники, по его словамъ, уже стали обосновывать свою программу по Марксу, центръ ихъ практической дѣятельности лежитъ въ городѣ, и по существу она не отличается отъ дѣятельности марксистовъ. Марксисты, въ свою очередь, выступаютъ съ такой аграрной программой, которая есть народническая программа (стр. 34). Но имъ, по Суханову, слѣдовало бы еще „воспринять традиціонную народническую поддержку общины“. Обоснованію этого пожеланія посвящено болѣе половины книжки Суханова.

Но для Суханова это—именно простое пожеланіе, а не ультимативное требованіе. Въ предисловіи къ «нашимъ направленіямъ», помѣченномъ 24-мъ февраля 1916 г., онъ говоритъ: «Одинъ изъ авторовъ, писавшихъ по поводу предлагаемыхъ статей, *правильно* (подчеркнуто мною) формулировалъ заключенную въ нихъ тенденцію—«не объединенія, а поглощенія». Или, я бы сказалъ, сначала *расколъ* (подчеркнуто Сухановымъ) народничества и отдѣленіе его отъ группъ, завѣдомо не имѣющихъ ничего общаго съ международнымъ движеніемъ, а затѣмъ раствореніе остальныхъ, вполнѣ родственныхъ элементовъ, съ фиктивными ярлыками, въ родственной средѣ. И необходимо, чтобы другая сторона (т.-е. марксисты) отнеслась въ высшей степени внимательно къ этому процессу, пошла бы ему навстрѣчу и опредѣлила бы свое отношеніе къ народничеству такъ, какъ того требуютъ интересы движенія, а не во вредъ ему (стр. 6).

Изъ правильнаго положенія надо сдѣлать и правильные выводы. Этому поможетъ и книжка Суханова. Изъ нея видно, что «расколъ» все еще находится на первой стадіи развитія. Порывая съ народничествомъ, Сухановъ все еще штопаетъ открывающіеся провалы въ своемъ міросозерцаніи то Герцемъ, то Давидомъ. То онъ воображаетъ, что возвращается къ Марксу, а въ дѣйствительности старается спасти клочки стараго, разлагающагося міросозерцанія. То, проникшись со-

знаніемъ великой послѣдовательности своего экономическаго матеріализма, въ качествѣ одной изъ насущнѣйшихъ задачъ выдвигаетъ охрану правовой нормы, не имѣющей опоры въ экономическихъ отношеніяхъ. То, принявъ позу представителя западной международности, пишетъ слова, насквозь проникнутыя восточной сословностью. То даетъ чисто народническое истолкованіе марксистскимъ воззрѣніямъ, напр., на націонализацію земли, и съ облегченнымъ сердцемъ находитъ, что нѣтъ ничего, что отдѣляло бы его отъ марксизма. То—какъ въ работахъ, посвященныхъ войнѣ,—съ полнымъ безразличіемъ заимствуетъ доводы и изъ Покровскаго съ Гильфердингомъ, и изъ буржуазныхъ фритрэдеровъ и пасифистовъ,—и даетъ происхожденію современной войны объясненіе, которое уже остается только увѣнчать старинными народническими разсужденіями: съ одной стороны, экономическій строй, съ другой—политическій строй, какъ сила, оторванная въ своихъ дѣйствіяхъ отъ отношеній господства, коренящихся въ данномъ экономическомъ строѣ. Даетъ объясненія, при которыхъ удивительно внѣшній, «искусственный» и во всякомъ случаѣ внѣклассовой характеръ пріобрѣтаютъ дѣйствія и стремленія, продиктованныя самыми реальными и опредѣленными классовыми интересами (Балканскій полуостровъ и Дарданеллы, Персія, Арменія и Монголія).

Пока народничество не закончило своихъ шатаній, было бы слишкомъ преждевременно поднимать вопросъ о его растореніи въ «родственной средѣ»: народничество еще слишкомъ недалеко ушло въ своей самокритикѣ.

Какъ проявленіе самокритики, начавшейся въ нѣдрахъ народничества, книжка Суханова имѣетъ свое, въ первую очередь симптоматическое, значеніе. Но она же, какъ отчасти и его работы по вопросамъ войны, показываетъ, насколько трудно для теперешнихъ народниковъ то «растореніе», о которомъ говорится въ только что приведенной цитатѣ. Должно быть, имъ суждены растерянныя шатанія и барахтанье. Въ иномъ положеніи молодое поколѣніе, вырастающее въ періодъ развала «новаго народничества». Для него самая безпомощность стараній Суханова спасти кое-что отъ развала, пожалуй, будетъ небезполезной. Народникъ, спасающій ревизіонизмъ подъ флагомъ марксизма,—это фигура сама по себѣ настолько выразительная и краснорѣчивая, что молодому поколѣнію при взглядѣ на нее, можетъ быть, легче будетъ сдѣлать свой выборъ.

Августъ 1916.

И. Степановъ.

Планы русскихъ либераловъ.

Планы и настроенія, связанные съ началомъ войны, отходятъ понемногу въ прошлое, въ область исторіи. Странными уже начинаютъ казаться тогдашнія надежды на быстрое окончаніе катастрофы. Но какъ бы мало ни были обоснованы эти надежды, онѣ могли въ свое время оказывать извѣстное воздѣйствіе на настроеніе руководящихъ политическихъ сферъ. Съ другой стороны, не могли остаться безъ вліянія и планы тѣхъ, въ чьи расчеты входило затягиваніе войны съ неизбѣжнымъ увеличеніемъ количества жертвъ. Прослѣдить въ полной мѣрѣ взаимодѣйствіе общественныхъ теченій, стоявшихъ за продолженіе или противъ продолженія войны—задача очень сложная и врядъ ли возможная въ настоящее время. Поэтому приходится пока ограничиваться болѣе частными вопросами.

Настоящая статья имѣетъ цѣлью лишь напомнить объ отношеніи къ войнѣ русской либеральной печати, отражающей мнѣніе нашего буржуазнаго общества и буржуазной интеллигенціи.

Относительно обстоятельствъ, предшествовавшихъ войнѣ и сопровождавшихъ ея начало, мы находимъ достаточно интересныя указанія въ статьѣ П. Н. Милюкова «Общественное мнѣніе, парламенты и правительства союзниковъ» (Ежегодникъ газеты «Рѣчь» на 1915 годъ стр. 235—242).

Ограничимся нѣкоторыми выписками изъ этой статьи (ничего не прибавляя отъ себя). «30 января 1914 года уволенъ былъ предсѣдатель Совѣта Министровъ и министръ финансовъ В. Н. Коковцовъ. Его мѣсто занялъ, въ качествѣ министра безъ портфеля, И. Л. Горемыкинъ, памятный обществу своей борьбой съ первымъ народнымъ представительствомъ въ 1906 г. Формальнымъ поводомъ къ отставкѣ было отсутствіе единства въ кабинетѣ; но политическій смыслъ ея сводился къ побѣдѣ націонализма, съ его агрессивными стремленіями во внутренней и во внѣшней политикѣ, надъ неопредѣленнымъ націоналъ-либерализмомъ столыпинскаго времени».

«Во внутренней политикѣ новый курсъ тотчасъ же сказался, какъ курсъ ограничительныхъ толкованій правъ народнаго представительства и т. д.»

«Такая консервативная и націоналистическая газета, какъ «Кіевлянинъ», въ номерѣ отъ 23-го апрѣля, констатировала «рѣзкое недовольство нынѣшнимъ режимомъ» даже «безусловно лойяльныхъ слоевъ». «Мы живемъ на вулканѣ, — говорила газета: всякій часъ могутъ вспыхнуть внѣшнія осложненія, призракъ войны рѣетъ въ воздухѣ».

Стр. 237. «Осенью 1913 года Коковцовъ заключилъ во Франціи договоръ о займѣ на 500 мил. франковъ въ годъ на 5 лѣтъ». «Вамъ нужны наши деньги; намъ нужныв аши стратегическія дороги», — такъ формулировалъ французскій финансистъ суть соглашенія. (Le Correspondant 25 декабря 1913 года, стр. 1086—7)».

Стр. 238. «Проведенный въ Государственной Думѣ законъ о винныхъ монополіяхъ лишилъ русскую печать возможности говорить о новыхъ вооруженіяхъ весны 1914 года. Вплоть до внесенія въ Государственную Думу «большой программы», русское общество оставалось въ полномъ невѣдѣніи относительно нея. Но въ Германіи и Австріи русскія военныя приготовленія произвели большую сенсацію и вызвали цѣлую кампанію печати. Застрѣльщикомъ явилась «Кельнская газета», напечатавшая 2 марта (н. ст.) сенсаціонную корреспонденцію изъ Петербурга».

«Въ данную минуту, — говорилось въ этой статьѣ, — Россія не готова поддержать силой оружія политическія угрозы... Непосредственной военной опасности съ русской стороны не имѣется, *какъ ни гремятъ французы русской саблей*. Но совершенно иное политическое значеніе пріобрѣтетъ русская военная сила черезъ три или четыре года, къ осени 1917 года», — къ моменту заключенія новаго торговаго договора съ Германіей. «Другіе органы печати сдѣлали изъ этихъ сообщеній и разсужденій выводъ: «необходимо предупредить Россію, прежде чѣмъ она будетъ готова».

Стр. 239. «Въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» появилась и въ германскихъ газетахъ была перепечатана статья, приписывавшаяся военному министру Сухомлинову, подъ заглавіемъ: «Россія хочетъ мира, но готова къ войнѣ». Въ статьѣ «съ гордостью» заявлялось, что «для Россіи прошли времена угрозъ извнѣ«, что «Россія готова», что хотя «на случай войны нашъ планъ обыкновенно носилъ оборонительный характеръ», но теперь «за границей знаютъ, что идея обороны отложена, и русская армія будетъ активной».

Въ иностранной печати статья Сухомлинова вызвала новую тревогу въ связи со слухами о назначенной на апрѣль пробной мобилизаціи, которая должна была обойтись въ 105 милліоновъ рублей (стр. 240).

Стр. 241. По поводу ассигнованія Государственной Думой военныхъ кредитовъ въ маѣ 1914 года «единственнымъ публичнымъ указаніемъ на существо и значеніе громадной реформы осталась заключительная часть рѣчи П. Н. Милюкова по внѣшней политикѣ (10 мая): «Духъ несдержанности, духъ авантюры насъ охватываетъ, —такъ кончалась эта рѣчь:—Я высказываю опасеніе, какъ бы и послѣднее вѣдомство, оставшееся европейскимъ, т.-е, министерство иностранныхъ дѣлъ, не оказалось такъ же побѣжденнымъ, какъ и другія, и не потеряло возможности вовремя остановить то гибельное движеніе къ новой катастрофѣ, признаки котораго я вамъ очертилъ». «И послѣ закрытія сессіи Государственной Думы «Рѣчь» продолжала предупреждать объ опасности націоналистическихъ увлеченій, въ послѣдній разъ передъ войной коснувшись этого вопроса по поводу посѣщенія Петербурга Пуанкарэ».

Стр. 242. Съ началомъ войны «общественныя заявленія не заставили себя ждать. Первымъ изъ нихъ явилось воззваніе Центральнаго Комитета партіи народной свободы». Въ немъ говорилось: «Отложимъ же внутренніе споры, не дадимъ врагу ни малѣйшаго повода на дѣяться на раздѣляющія насъ разногласія и будемъ твердо помнить, что теперь первая и единственная задача наша—поддержать *бодрость вѣрой въ правоту* нашего дѣла, спокойной бодростью и надеждой на успѣхъ нашего оружія».

А 26-го іюля въ Государственной Думѣ представитель кадетской партіи заявлялъ: «мы ведемъ борьбу за освобожденіе нашей родины отъ иноземнаго нашествія, Европы и славянства—отъ германскаго преобладанія, всего міра—отъ невыносимаго гнета постоянно растущихъ вооруженій» (стр. 243).

Таковъ былъ ходъ событій, по изложенію вождя русскихъ либераловъ. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ останавливаться преимущественно на тѣхъ заявленіяхъ либеральной печати, которыя дѣлались въ связи съ слухами о мирѣ, появившимися очень скоро послѣ начала войны и продолжавшими возникать отъ времени до времени.

Въ нашей печати нашли себѣ право гражданства двѣ основныхъ точки зрѣнія по вопросу о прекращеніи войны. По крайней мѣрѣ, мы находимъ въ одномъ изъ номеровъ газеты «Русскія Вѣдомости» рядомъ двѣ телеграммы, выражающія различное отношеніе къ вопросу.

Первая телеграмма Петроградскаго телеграфнаго агенства отъ 25-го ноября 1915 года передаетъ точку зрѣнія англійскаго министра Асквита, высказанную имъ въ парламентѣ. По словамъ Асквита, правительства Великобританіи, Франціи, Россіи, Италіи и Японіи условились не заключать сепаратнаго мира. Если же правительства непріятельскихъ странъ прямо или при посредствѣ нейтральныхъ странъ сдѣлаютъ серьезное предложеніе о заключеніи всеобщаго мира, то оно будетъ предварительно обсуждено правительствами союзныхъ государствъ. До наступленія такого момента онъ не можетъ дать никакихъ другихъ обѣщаній. При этомъ Асквитъ добавилъ, что если будутъ сдѣланы предложенія о мирѣ, то англійское правительство непремѣнно привлечетъ парламентъ къ ихъ обсужденію, какъ только это окажется возможнымъ.

Изъ этой телеграммы видно, что Асквитъ говорилъ оффиціально не только отъ лица англійскаго правительства, но и отъ лица всѣхъ союзныхъ правительствъ: всѣ эти правительства считаютъ необходимымъ *обсужденіе* всякаго серьезнаго предложенія о мирѣ, а англійское правительство отъ себя обѣщаетъ еще перенести всякое подобное предложеніе, при первой возможности, на обсужденіе парламента.

Вторая телеграмма «отъ нашего корреспондента» передаетъ точку зрѣнія газеты Times. По поводу слуховъ о мирѣ эта газета заявила, что «заключить миръ съ теперешней Германіей было бы просто насмѣшкой надъ самимъ собою», то есть газета не допускаетъ, въ противоположность Асквиту и всѣмъ союзнымъ правительствамъ, никакого обсужденія какихъ бы то ни было предложеній о мирѣ, какъ бы серьезны ни были эти предложенія и по содержанію, и по формѣ. Мотивируя свое мнѣніе, газета указываетъ, что «Германія обезчестила свою подпись, и только сумасшедшій можетъ теперь заключать съ ней договоры. Германія оффиціально признала принципъ, что необходимость не знаетъ законовъ, и ея правители по прежнему вѣрны этому принципу. Заключеніе мира съ этими нѣмецкими правителями означало бы не прекращеніе войны, а лишь временное перемиріе». Никакого мира съ теперешней Германіей, ни на какихъ условіяхъ!—таковъ лозунгъ вліятельной англійской газеты, которая, какъ видитъ читатель, рѣзко разошлась въ этомъ случаѣ съ точкой зрѣнія, выраженной Асквитомъ.

Какая же изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія преобладала за время войны въ нашей либеральной печати? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ явиться только вся наша статья въ цѣломъ. Пока мы ограничимся однимъ замѣчаніемъ. Асквитъ говорилъ о «серьезныхъ»

предложеніяхъ мира. Серьезность или несерьезность можетъ выразиться и въ содержаніи предложеній, и въ ихъ формѣ. Серьезность содержанія—вещь довольно субъективнаго свойства; признаніе ея находится въ связи съ оцѣнкой положенія; но для газеты Таймсъ, напримѣръ, никакое предложеніе нынѣшняго Германскаго правительства не можетъ считаться серьезнымъ. Что касается серьезности формы, то она не одинакова для правительства и для частной газеты: что не достаточно серьезно для правительственнаго, оффиціальнаго обсужденія, то можетъ оказаться совершенно серьезнымъ для газетной редакціи.

Въ дальнѣйшемъ намъ еще придется сопоставлять точку зрѣнія Асквита съ точкой зрѣнія редакціи газеты Таймсъ. Поэтому полезно привести характеристику этой газеты,—послѣднюю по времени. По словамъ газеты «Рѣчь» (29-го ноября 1915 года) эта газета приняла «явно реакціонное направленіе»; въ частности, по отношенію къ Россіи, корреспонденціи ея «стоятъ на уровнѣ Земщины». Но если бы читатель поспѣшилъ вывести отсюда заключеніе, что сама «Рѣчь» въ вопросѣ о мирѣ стоитъ ближе къ точкѣ зрѣнія Асквита, чѣмъ къ точкѣ зрѣнія реакціонной англійской газеты, то это заключеніе было бы по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ.

Извѣстія о попыткахъ мирныхъ переговоровъ начали появляться въ русскихъ газетахъ почти тотчасъ послѣ начала войны. Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о степени достовѣрности этихъ извѣстій. Намъ важно лишь знать, какъ реагировала на нихъ либеральная печать. Уже въ концѣ августа 1914 года сообщалось, что германское правительство обратилось къ американскому министру иностранныхъ дѣлъ съ запросомъ, не согласятся ли Соединенные Штаты выступить съ предложеніемъ о посредничествѣ между воюющими державами. По словамъ Петроградскаго Телеграфнаго Агентства, державы согласія отвергли это посредничество, «тѣмъ самымъ заявляя, что войну будутъ онѣ продолжать впредь до полной побѣды надъ Германіей». Въ передовой статьѣ газеты «День» отъ 1-го сентября 1914 года высказана была по этому поводу мысль, что державы согласія не могутъ принять предложенія о посредничествѣ: продолженіе войны должно склонить рѣшительную побѣду на сторону союзниковъ, а кромѣ того «необходимость довести войну до конца диктуется всей совокупностью политическихъ условій... война должна быть доведенной до конца. Въ Берлинѣ долженъ быть подписанъ миръ».

Война до конца», подписаніе мира лишь послѣ завоеванія Бер-

лина—это лозунги, съ которыми газета «День» не стояла одиноко. Общее настроеніе печати и, слѣдовательно, русскаго «общества» ярко и полно было выражено газетой «Петроградскій Курьеръ»: «Германизмъ долженъ быть окончательно сломленъ и устраненъ съ лица Европы». Этотъ лозунгъ, какъ можетъ замѣтить читатель, не только не согласуется съ точкой зрѣнія, выраженной Асквитомъ, но идетъ дальше позиціи газеты Таймсъ: въ русской печати шла рѣчь не объ устраненіи нынѣшнихъ германскихъ правителей, а объ устраненіи самаго германизма съ лица Европы.

Черезъ полторы недѣли «День» возвращается къ темѣ о мирѣ: несмотря на опроверженіе германскаго оффиціоза, становится совершенно очевиднымъ,—говоритъ газета,—что Германія нащупываетъ въ Америкѣ почву для заключенія мира. Это обстоятельство очень волнуетъ газету, и она продолжаетъ борьбу противъ всякой мысли о мирѣ: «Мы уже говорили,—сказано въ передовой статьѣ отъ 10-го сентября,—что пока врагъ не будетъ окончательно сокрушенъ, до тѣхъ поръ никакіе разговоры о мирѣ немыслимы. Съ тѣхъ поръ не произошло ничего такого, что могло бы заставить насъ отказаться отъ этой точки зрѣнія. Германія заслужила, чтобы миръ былъ ей продиктованъ въ Берлинѣ. Не жестокость, не непримиримость, а здравый смыслъ выдвигаетъ это требованіе. Не для этого Россія и весь культурный міръ приняли вызовъ Германіи, чтобы бросить дѣло на серединѣ и притомъ въ обстановкѣ, когда дѣло противника явно проиграно... Война должна быть доведена до своего логическаго конца. И во имя великой цѣли не слѣдуетъ щадить никакихъ средствъ, невозможно останавливаться передъ жертвами, какъ бы велики онѣ ни были».

Къ лозунгу полнаго устраненія германизма съ лица Европы и къ отрицанію всѣхъ и всякихъ мирныхъ переговоровъ о какихъ бы то ни было мирныхъ условіяхъ мы видимъ въ новой передовицѣ «Дня» добавленіе въ видѣ лозунга: «не щадить никакихъ средствъ, не останавливаться ни передъ какими жертвами».

Между тѣмъ слухи о посредничествѣ С.-А. Штатовъ въ пользу мира продолжались и, по словамъ газетъ, волновали общественное мнѣніе. Въ концѣ сентября сочли нужнымъ высказаться «Русскія Вѣдомости». Миръ, по мнѣнію газеты, невозможенъ, такъ какъ прекращеніе войны толкнетъ Германію, а слѣдовательно и ея противниковъ, къ новымъ вооруженіямъ. Получится въ Европѣ лихорадочная скачка вооруженій въ невиданныхъ дотолѣ размѣрахъ; внутреннія задачи будутъ вездѣ отодвинуты на задній планъ посто-

янной острой тревогой о внѣшней безопасности: всѣ жертвы, понесенныя народами, объединившимися противъ германскаго народа, окажутся безплодными; Европа вернется къ вооруженному миру, еще болѣе напряженному и непрочному, чѣмъ прежде.

Газета «Биржевыя Вѣдомости» 30-го сентября присоединилась къ точкѣ зрѣнія «Русскихъ Вѣдомостей» и заявила, что во имя «мировой культуры» Европа обязана воевать до полной побѣды надъ Германіей.

Въ первыхъ числахъ октября появилось сообщеніе, будто бы одно лицо просило М. В. Родзянко, какъ предсѣдателя государственной думы, обратиться къ президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ Вильсону съ просьбой взять на себя инициативу по веденію переговоровъ о заключеніи мира. Родзянко отвѣтилъ:

«Я не вижу возможности согласиться съ вашей мыслью объ обращеніи моемъ къ президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и печати съ воззваніемъ, ибо считаю, что побѣда надъ Германіей, будучи побѣдой надъ насажденнымъ ею милитаризмомъ, не повлечетъ за собою зарожденія милитаризма въ Россіи, и что не мнѣ защищать цѣнность германской культуры въ моментъ, когда обнаружились всѣ отрицательныя стороны той системы воспитанія народа въ духѣ исключительнаго милитаризма, плоды которой такъ ясно обнаружились».

— Война должна быть доведена до конца, и германскій милитаризмъ долженъ быть разъ навсегда раздавленъ,—такъ комментировала либеральная газета отвѣтъ Родзянки. Въ этомъ отвѣтѣ читатель уже могъ подмѣтить сближеніе между октябристомъ Родзянко и газетой «Русскія Вѣдомости». Сверхъ того здѣсь, кажется, впервые авторитетно поднятъ вопросъ объ отрицаніи не только германской государственности, но и германской культуры.

Къ вопросу о германской культурѣ въ томъ же октябрѣ 1914 года вплотную подошелъ Ѳедоръ Сологубъ въ статьѣ «Мира не будетъ». Авторъ статьи, не всегда одобряемый въ либеральной печати, пользуется большой популярностью среди буржуазной интеллигенціи новѣйшей фармаціи; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отличается способностью угадывать настроенія этой интеллигенціи. Поэтому настроеніе Сологуба, очевидно, является показателемъ и настроенія широкихъ слоевъ русской интеллигенціи.

Ѳ. Сологубъ издѣвается надъ мыслью, будто бы война до конца необходима только для сокрушенія германскаго милитаризма; причина борьбы лежитъ глубже: «германецъ и русскій такъ отличны одинъ отъ другого, словно они живутъ на разныхъ планетахъ».

Теперь они вступили въ борьбу, которая будетъ измѣряться столѣтіями. Для русскихъ это—борьба за національное самоутвержденіе, за самое право на жизнь; поэтому они поставлены въ необходимость не только побѣдить, но и раздавить Германію. Германія—совершенно другой, сравнительно съ нами, міръ». «Противъ нашей восточной, мистической, религіозной души встала воплощенная въ Германіи механизованная душа, антихристіанская, раціонализованная помашинному, душа безъ вѣщихъ вѣдѣній и прозрѣній, но съ необычайною силою матеріализма, душа язычниковъ Гете, Канта, Ницше и всѣхъ этихъ безчисленныхъ блестящихъ, но холодныхъ умовъ». Понятно, что пруссаки разрушаютъ католическіе соборы: вѣдь они ничего не говорятъ ихъ «лютеранскому разсудительному чувству».

Забывъ, что въ Германіи имѣются и католики, записавъ этихъ католиковъ въ нехристей заодно съ лютеранами, Ѳ. Сологубъ призываетъ Россію сказать міру свое новое слово. «Матерія и сила—вотъ что видитъ въ мірѣ германецъ, и совсѣмъ иное видитъ въ мірѣ нашъ мистическій востокъ, отъ котораго долженъ сіять міру свѣтъ спасенія.» Должны выработаться новыя русскія поколѣнія, свободныя отъ европеизма, «не зараженныя холопскимъ поклоненіемъ передъ тевтонскою матеріальною культурою». И для этихъ поколѣній мы должны работать надъ «возвеличеніемъ и воскрешеніемъ русской и иныхъ славянскихъ и восточныхъ культуръ».

Что Ѳ. Соллогубъ не остался одинокимъ, что голосъ его не прозвучалъ въ пустынѣ, это доказывается уже однимъ тѣмъ, что звѣзда этого писателя нисколько не померкла въ глазахъ русской интеллигенціи послѣ напечатанія статьи «Мира не будетъ». Но коллективное политическое выраженіе идеи Сологуба получили только черезъ годъ, на съѣздѣ правыхъ организацій, состоявшемся подъ руководствомъ Маркова 2-го, Дубровина, Маклакова и Щегловитова. Правые на съѣздѣ выставили, въ соотвѣтствіи съ желаніемъ Ѳ. Соллогуба, требованіе признать протестантизмъ состояніемъ языческимъ, что доказываютъ нѣмцы служеніемъ золотому тельцу, милитаризму и жидовству. На этомъ основаніи правые потребовали изгнанія протестантовъ со всѣхъ государственныхъ должностей и запрещенія протестантамъ держать православную прислугу. Жидовство и германизмъ, по мнѣнію правыхъ, зиждятся на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ. Такимъ образомъ, столѣтняя война, которую проповѣдуетъ Ѳ. Сологубъ, можетъ считаться окончательно объявленной только съ ноября 1915 года, со времени съѣзда правыхъ организацій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостовѣ.

Несмотря на позицію, занятую въ вопросѣ о мирѣ русской либеральной печатью, извѣстія о попыткахъ къ миру со стороны германцевъ продолжали появляться.

Въ телеграммѣ отъ 17-го октября сообщается, что германское правительство запросило нѣкоторыхъ вліятельныхъ политическихъ дѣятелей Франціи, пріемлемы ли для французскаго правительства предложенія о мирѣ, если въ нихъ въ пользу Франціи будетъ включена уступка Меца, а также можетъ быть и части Эльзаса. Французы отвѣтили, что подобныя предложенія противорѣчатъ французскому національному чувству.

Въ телеграммѣ 23-го октября 1914 года передается извѣстіе, что германское правительство вновь нащупываетъ почву для переговоровъ о мирѣ. На этотъ разъ посредничество должно исходить отъ швейцарскаго союзнаго Совѣта. Соціалистическая партія намѣрена предложить союзному Совѣту принять на себя иниціативу обращенія ко всѣмъ нейтральнымъ странамъ, чтобы тѣ вмѣшались въ смыслѣ склоненія воюющихъ державъ заключить перемиріе. Въ «Рѣчи» была напечатана телеграмма изъ Лондона отъ 9-го ноября, передающая извѣстіе изъ Вашингтона, что Германія снова пытается добиться посредничества нейтральныхъ державъ въ цѣляхъ заключенія мира.

Въ той же газетѣ отъ 13-го ноября 1914 года передается слухъ, идущій изъ Италіи, о томъ, что Германія, устрашенная натискомъ русской арміи, предложила Россіи заключить миръ, но Россія отвергла это предложеніе. По сообщенію одной итальянской газеты, этотъ слухъ исходитъ изъ вполнѣ достовѣрнаго источника.

Около этого же времени послѣдовалъ призывъ папы прекратить войну во имя христіанской любви и братства. Повидимому, возможность скораго мира была въ то время (два года тому назадъ) настолько вѣроятна, что сторонники войны во что бы то ни стало не могли обойти молчаніемъ никакого выступленія въ пользу мира, хотя бы выступленіе и не носило политическаго характера. Не обошла молчаніемъ наша печать и призыва папы. Наиболѣе интересный отвѣтъ дала газета «Рѣчь» въ большой передовицѣ отъ 14-го ноября. «Проповѣдь высокой христіанской морали есть превосходное орудіе воспитанія», рѣзко отвѣчаетъ центральный органъ конституціонно-демократической партіи,—и съ своей стороны выставляетъ критерій справедливости; но тотчасъ забываетъ и объ этомъ критеріи, и оцѣниваетъ войну уже внѣ всякихъ рамокъ христіанской морали или справедливости; онъ говоритъ:

«Быстрый конецъ зла, представляемаго войною, не былъ бы

концомъ дѣйствительнымъ. Вмѣсто увраченія болѣзни, такой конецъ лишь загналъ бы ее внутрь и не обезпечилъ бы паціентовъ отъ возможности новаго ея проявленія. Вотъ почему... нужно желать не скораго конца войны, а конца рѣшительнаго,—тѣмъ лучше, если онъ можетъ быть скорымъ. Такъ именно и взглянулъ на войну международный пацифизмъ. Война, какъ лекарство отъ войны, какъ своего рода прививка болѣзни, какъ гарантія противъ ея возможнаго,—по крайней мѣрѣ, противъ ея скораго повторенія. Нужно бороться до конца, нужно предписать противнику наши условія мира, потому что наши условія должны быть таковыми, чтобы обезпечить человѣчеству сравнительный покой на сравнительно продолжительное время. Вотъ общая формула нашей нетерпимости ко всевозможнымъ предложеніямъ быстраго мира.»

Такимъ образомъ, органъ конституціонно-демократической партіи является выразителемъ мнѣнія не только этой партіи, но и международнаго пацифизма. Согласно этому мнѣнію, нынѣшняя война какъ бы вовсе и не война,—во всякомъ случаѣ это война еще не настоящая, а только предохранительная прививка противъ всамдѣлишной войны; а жертвы людьми и матеріальными средствами—это вовсе не жертвы, а лишь затрата противодифтерійной или, точнѣе, противовоенной сыворотки. Отсюда естественный выводъ: нужно не жалѣть сыворотки.

Однако же газета «Рѣчь» въ концѣ статьи вспоминаетъ, что въ данномъ случаѣ предохранительная сыворотка состоитъ изъ живыхъ людей, съ извѣстнымъ психическимъ содержаніемъ, и даетъ совѣтъ для укрѣпленія въ людяхъ готовности превратиться въ сыворотку; она пишетъ:

«Мы должны твердо знать, что для насъ лучше, что насъ успокоитъ надолго, чтобы наши дипломаты твердо знали, къ чему имъ надо стремиться. Вотъ почему выработка взглядовъ на условія будущаго прочнаго мира вовсе не тождественна съ желаніемъ преждевременнаго мира, а напротивъ есть лучшее лѣкарство противъ такого желанія. Часто приходится слышать пословицу о дѣлежѣ шкуры неубитаго медвѣдя. Примѣненіе этой пословицы къ настоящему случаю можетъ свидѣтельствовать о похвальной скромности примѣняющихъ ее. Но оно отнюдь не свидѣтельствуетъ объ ихъ дальновидности».

Другими словами: не нужно быть скромными при разговорахъ о дѣлежѣ будущихъ завоеваній, такъ какъ отсутствіе скромности—лучшее лекарство противъ желанія «преждевременнаго» мира. На этотъ

разъ уже не предохранительная прививка, а лекарство, передъ расходованіемъ котораго не нужно останавливаться: чѣмъ шире будутъ перспективы будущаго дѣлежа, тѣмъ лучше. И лучше всего, конечно, полное устраненіе германизма съ лица Европы. А такъ какъ газета обязалась быть „нетерпимой ко всевозможнымъ условіямъ быстраго мира“, то естественно, что она приходила въ раздраженіе и обрушивалась съ обвиненіями въ германофильствѣ даже по случаю простого упоминанія о томъ, что «въ концѣ концовъ намъ придется сожительствовать и съ нѣмцами». Можно подумать, что никакихъ нѣмцевъ въ обновленной по кадетской программѣ Европѣ не полагается.

Вступленіе Турціи въ австро-германскую коалицію и начало ея войны съ Россіей были встрѣчены либеральной печатью почти съ нескрываемой радостью. Въ одномъ печатномъ документѣ того времени, впрочемъ, сказано прямо: „Германія оказала намъ услугу, уговоривъ турокъ напасть на насъ“. При дѣлежѣ турецкаго наслѣдства, какъ и при дѣлежѣ Австро-Венгріи и Германіи, всякая скромность была отброшена либеральной печатью,—очевидно, потому что скромность признавалась недальновидностью. Планы на турецкія владѣнія не ограничились проливами, Константинополемъ и Арменіей. „Мы являемся естественными наслѣдниками европейскихъ владѣній Турціи и мы, наконецъ то, должны стать балканской державой,“—писалъ С. М. Проппперъ, издатель „Биржевыхъ Вѣдомостей“, объединившихъ въ это время писателей всевозможныхъ либеральныхъ и демократическихъ оттѣнковъ.

Въ чемъ же заключается конкретное содержаніе лозунга «стать балканскою державою»? С. Н. Проппперъ отвѣчаетъ: „Возглавленіе Россіею прочихъ Балканскихъ государствъ должно воспослѣдовать одновременно съ заключеніемъ съ ними таможеннаго союза и военной конвенціи, какъ это сдѣлала въ 1866 году Пруссія, основавшая послѣ побѣдоносной войны съ Австріей сѣверогерманскій союзъ, который превратился впослѣдствіи въ германскую Имперію“. Ясно, и если не „скромно“, то „дальновидно“. По проектъ «возглавленія» Россіей всѣхъ балканскихъ государствъ можно приписать личному увлеченію Проппера слишкомъ широкими завоевательными планами. Поэтому обратимся къ статьѣ П. Н. Милюкова „Территоріальныя пріобрѣтенія Россіи“ въ сборникѣ „Чего ждетъ Россія отъ войны?“ Милюковъ, какъ вождь партіи, является лицомъ, болѣе политически отвѣтственнымъ, чѣмъ Проппперъ; сверхъ того, онъ въ данной статьѣ видимо старается устранить все субъективное, стремится быть истол-

кователемъ завоевательныхъ памѣреній и рѣшеній всего русскаго „общества“.

Война началась,—говоритъ П. Н. Милюковъ,—безъ опредѣленныхъ со стороны Россіи памѣреній относительно расширенія территоріи россійскаго государства. Но затѣмъ выяснились планы присоединенія Галиціи и, по толкованію Милюкова, части закарпатской территоріи, лежащей въ предѣлахъ Венгріи.

Вскорѣ планы „расширенія территоріи россійскаго государства“ распространились и на австрійскую Силезію, а также на германскія провинціи Силезію, Познань, Восточную Пруссію и часть Западной Пруссіи.

Вступленіе Турціи въ войну „дало намъ возможность“,—говоритъ Милюковъ,—поставить на очередь окончательное разрѣшеніе вѣковыхъ задачъ нашей ближневосточной политики“. Эти вѣковыя задачи заключались въ пріобрѣтеніи Россіей Босфора и Дарданеллъ, вмѣстѣ съ Константинополемъ и землями до линіи Мидія-Энось, а если Болгарія не поддержитъ Россію, то и вмѣстѣ съ Адріанополемъ. Въ Малой Азіи планы „пріобрѣтеній“ распространяются на берега проливовъ и Мраморнаго моря, а также со стороны Закавказья—на линію отъ Зивина до Баязета, и на всю Великую Армепію и Трапезунцскій вилайетъ.

Относительно Арменіи нужно замѣтить, что „часть армянскихъ дѣятелей“ желаетъ созданія автономной Арменіи въ предѣлахъ Турціи, подобно дунайскимъ княжествамъ до пріобрѣтенія ими независимости. Очевидно, армяне, въ разсчетѣ на слабость Турціи, надѣются получить позже полную независимость. При этомъ „многіе армянскіе дѣятели“ настаиваютъ на включеніи въ составъ автономной Арменіи и Малой Арменіи или Киликіи, выходящей къ Средиземному морю. Милюковъ предпочитаетъ для Великой Арменіи „введеніе ея территоріи въ предѣлы Россійской Имперіи“, но съ „русской точки зрѣнія“ отказывается отъ Малой Арменіи. Почему?

Автономія Арменіи совмѣстно съ Великой и Малой Арменіей отстаивается армянами въ интересахъ національнаго объединенія и въ цѣляхъ будущаго торговаго развитія ихъ страны. Но выходъ Арменіи къ Средиземному морю „широко открываетъ Армепію международному соперничеству, какъ экономическому, такъ и политическому“. При этомъ „связь съ Россіей неизбѣжно становится менѣе тѣсной“. А Россія должна будетъ держать военный флотъ на Средиземномъ морѣ, что „не оправдывается современнымъ состояніемъ русской внѣшней торговли“.

Съ точкой зрѣнія на условія міра, высказанной нашей либеральной печатью, интересно сопоставить точку зрѣнія, высказанную въ листкѣ подъ заглавіемъ: „Что дастъ Россіи побѣда“, выпущенномъ „Комитетомъ народныхъ изданій“ „для безплатнаго распространенія“, съ помѣткой „центральный книжный складъ и типографія «Сельскаго Вѣстника», Петроградъ, Мойка, 32. Согласно указанію этого листка, завоевательные планы ограничиваются двумя пунктами:

1). „Тогда необходимые намъ проливы будутъ принадлежать намъ вмѣстѣ съ турецкою столицею Константинополемъ“, и.

2) «Нельзя было бы долѣе терпѣть, чтобы подъ нѣмецкимъ ярмомъ оставался нашъ же русскій православный народъ,—наши братья галичане, жители древней Червонной Руси. Поэтому отнятыя нами у Австріи земли никогда больше не отойдутъ отъ Россіи.“

Это меньше того, что проповѣдывали либеральные имперіалисты.

Какъ видитъ читатель, въ этомъ листкѣ не проповѣдуется ни завоеваніе Малой Азіи («Арменіи»), ни покореніе («возглавленіе») Болгаріи, Сербіи, Черногоріи, Албаніи, Греціи и Румыніи. По отношенію къ Германіи и Австро-Венгріи листокъ, не боясь обвиненія „Рѣчи“ въ измѣнническомъ германофильствѣ, исходитъ изъ очевиднаго предположенія, что „въ концѣ концовъ намъ придется сожительствовать съ нѣмцами“ въ Европѣ.

Такимъ образомъ, къ концу осени 1914 года, русское либеральное и либерально-демократическое общественное мнѣніе вполнѣ опредѣлилось въ требованіи завоеваній, идущихъ много дальше того, что выражено было оффиціальной программой. Относительно мнѣнія, будто война — только предохранительная прививка противъ войны, нельзя говорить серьезно: оно лишь словесное украшеніе завоевательныхъ плановъ, простирающихся (для Россіи) на значительную долю Малой Азіи и весь Балканскій полуостровъ, отъ южной оконечности Греціи до Прута и Сана, а также на восточную половину Германіи. До полнаго осуществленія этихъ плановъ русское общественное мнѣніе, поскольку оно выражалось либерально-демократической печатью, считало необходимымъ относиться съ полной „непримостью“ ко всякимъ разговорамъ о мирѣ.

Рядомъ съ завоеваніями территоріальнаго характера, были выдвинуты лозунги борьбы въ области культурной и въ сферѣ экономической.

Относительно культурной области мы уже видѣли (выступленіе Ѳедора Соллогуба, и уже говорили о значеніи этого выступленія. Нужно еще отмѣтить, что въ этой области роли перепутались са-

мымъ причудливымъ образомъ. Для примѣра достаточно отмѣтить одинъ конфликтъ „Новаго Времени“ съ „Рѣчью“. Въ „Новомъ Времени“ пресловутый Меньшиковъ, заговоривъ о заграничныхъ курортахъ, вдругъ чрезвычайно расширилъ вопросъ:

„Совсѣмъ остановить поѣздки русской публики заграницу невозможно. Мы можемъ бойкотировать Германію и Австрію, но бойкотировать весь свѣтъ было бы ошибкой старыхъ японцевъ или китайцевъ. Европа для насъ была и останется роднымъ материкомъ. Это наше второе отечество, не болѣе обширное, но культурно болѣе богатое, чѣмъ Россія. Со времени Петра мы воспитываемся въ тѣсномъ общеніи съ западомъ... Религія, государственность, философія, поэзія, искусство—все это на западѣ для насъ свое родное при нѣкоторыхъ чуждыхъ оттѣнкахъ, дѣлающихъ ихъ особенно интересными... Несомнѣнно, война можетъ надолго окружить нѣмецкія страны ненавистью человѣчества, но въ концѣ концовъ намъ придется сожительствовать, худо ли, хорошо ли, и съ нѣмцами. Поэтому я думаю, что общеніе между народами будетъ продолжать развиваться, и никакими силами образованную русскую публику нельзя будетъ оторвать отъ Европы.“

За эти разсужденія газета „Рѣчь“ закричала „слово и дѣло“, обвиняя Меньшикова въ германофильствѣ въ духѣ Маркова второго.

Наконецъ, что касается сферы экономической, то здѣсь было исписано не мало бумаги о нѣмецкомъ засильѣ, торговомъ договорѣ, превращеніи Россіи въ германскую колонію и т. п. Будучи въ настоящей статьѣ лишь простымъ лѣтописцемъ мнѣній, я вынужденъ въ этомъ сложномъ вопросѣ ограничиться приведеніемъ только одного документа, который является, однако, квинтъэссенціей всѣхъ буржуазныхъ писаній на эту тему,—до писаній бывшихъ марксистовъ (Маслова, Потресова и другихъ) включительно.

Этотъ документъ—воззваніе московскаго купеческаго общества къ „русскому обществу.“

Вотъ оно полностью (по газетѣ „День“ отъ 1-го ноября 1914 г.).

„Въ тяжелую годину войны, навязанной намъ дерзкимъ врагомъ, никто не долженъ оставаться безучастнымъ зрителемъ переживаемыхъ нами событій. Предоставляя нашимъ братьямъ-воинамъ защиту, на полѣ брани, чести и достоинства Россіи, мы обязаны передъ великой родиной нашей помочь имъ въ этой борьбѣ съ врагомъ, сломивъ его мощь, основанную на экономическомъ преобладаніи. Будемъ всегда и неизмѣнно помнить, что каждый уплаченный нѣмцамъ рубль претворяется въ орудіе противъ насъ и идетъ на экономическое по-

рабощеніе Россіи. Пусть каждый русскій откажется отъ покупки нѣмецкихъ товаровъ, объявитъ бойкотъ австрійскихъ и германскихъ фирмъ и тѣмъ самымъ, освободивъ родину отъ нѣмецкаго промышленнаго засилія, будетъ способствовать возрожденію и укрѣпленію отечественной промышленности на благо Россіи.“

Для возстановленія истины въ этомъ воззваніи слѣдовало бы внести только одну существенную поправку: по воззванію, бойкотъ нѣмецкихъ фирмъ вызывается интересами военнаго дѣла; на самомъ же дѣлѣ, какъ всѣмъ извѣстно, побѣдоносная война, въ сферѣ экономической, ставитъ своей основной цѣлью отвлеченіе потребителя отъ нѣмецкихъ магазиновъ и поставленіе его въ необходимость посѣщать исключительно торговыя предпріятія составителей воззванія. И въ этомъ вопросѣ, подобно вопросу о завоеваніи новыхъ территорій, быстрый миръ былъ признанъ либеральной печатью несоотвѣтствующимъ интересамъ Россіи.

Такимъ образомъ, всѣ извѣстія, идущія изъ-за границы, о желаніи Германіи приступить къ мирнымъ переговорамъ, встрѣчали со стороны русской либеральной печати единодушный, рѣзкій отпоръ. И къ концу осени 1914 года самыя извѣстія о мирныхъ попыткахъ германскаго правительства прекратились. На мѣсто ихъ стали появляться сообщенія о паденіи воинственныхъ настроеній населенія Германіи и Австро-Венгріи.

Переломъ настроенія въ Германіи,—писалъ, напримѣръ, корреспондентъ „Рѣчи“, — наблюдается не только среди рабочихъ, но и въ другихъ слояхъ населенія. Раздаются голоса, предостерегающіе отъ оптимистической оцѣнки шансовъ войны для Германіи, а утомленіе и недовольство ходомъ войны принимаютъ все болѣе рѣзкія формы.

Одновременно съ этими сообщеніями о переломѣ настроенія въ Германіи, стали появляться, приблизительно съ конца ноября 1914 года, извѣстія о перемѣнѣ тона германскихъ газетъ по отношенію къ Россіи: толки о русскомъ коварствѣ, русской агрессивности смѣнились въ Германіи ухаживаніемъ за Россіей.

И вмѣстѣ съ тѣмъ стали передаваться раздающіеся въ самой Германіи голоса противъ всякихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній въ Европѣ.

Первая четверть 1915 года ознаменовалась продвиженіемъ русскихъ войскъ въ предѣлы Австро-Венгріи на Карпатахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается появленіе въ русскихъ газетахъ извѣстій о попыткахъ Германіи приступить къ мирнымъ переговорамъ. За то не мало писалось о желаніи Австро-Венгріи заключить миръ съ Россіей.

Это желаніе было русской печатью встрѣчено такъ же, какъ попытки, о которыхъ писалось осенью 1914 года.

Въ апрѣлѣ 1915 года появилась перепечатка изъ американскихъ газетъ объ условіяхъ мира, предложенныхъ Германіей и переданныхъ Дернбургомъ. Эти условія слѣдующія:

1. Германія выводитъ свою армію изъ Бельгіи и участвуетъ въ возстановленіи разрушенныхъ бельгійскихъ городовъ.
2. Международными договорами гарантируется принципъ равноправія народовъ на моряхъ.
3. Объявляются международнымъ достояніемъ телеграфные кабели.
4. Исправляется граница между Германіей и Франціей путемъ уступки послѣдней незначительной полосы въ Лотарингіи.
5. На восточномъ фронтѣ остается въ силѣ status quo (старыя границы).
6. Турція признается находящейся въ сферѣ вліянія Германіи.
7. Германія получаетъ право на свободный транзитъ черезъ Бельгію.

Эти условія были оставлены русской печатью безъ разсмотрѣнія: они дали лишь поводъ лишній разъ поговорить объ истощеніи Германіи и Австро-Венгріи, обреченныхъ на гибель отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ, металловъ и людского матеріала для пополненія убыли въ войскахъ. Тонъ русскихъ газетъ оставался побѣднымъ и непримиримымъ.

А между тѣмъ на Дунайцѣ уже грохоталъ „ураганный огонь“ австро-германской артиллеріи...

Въ первый періодъ войны, приблизительно до апрѣля 1915 года, успѣли достигнуть полнаго расцвѣта и опредѣленно оформиться завоевательные планы русскихъ имперіалистовъ либеральнаго лагеря. По отношенію къ Европѣ эти планы простирались до полнаго уничтоженія германизма и всѣхъ и всякихъ нехристей (включая въ число послѣднихъ и христіанъ-протестантовъ), а также до покоренія („возглавленія Россіей“) всѣхъ государствъ Балканскаго полуострова; на границѣ Европы и Азіи предполагался захватъ обоихъ береговъ Босфора, Мраморнаго моря и Дарданеллъ; и наконецъ, въ Малой Азіи проектировалось завоеваніе Трапезунда и большей части Арменіи, но съ такимъ расчетомъ, чтобы завоеванная часть не имѣла выхода къ Средиземному морю, во избѣжаніе въ этой области европейской конкуренціи по отношенію къ россійскимъ товарамъ и россійской политикѣ.

Одушевленное вѣрой въ осуществленіе широкихъ завоеваній, рус-

ское общество не только не огорчалось увеличеніемъ числа враговъ (вступленіемъ въ войну Турціи), но и откровенно выражало свою радость. Говорили, что вовлеченіемъ Турціи въ войну Германія оказала невольную услугу Россіи; по выраженію Милюкова, „вступленіе Турціи въ число нашихъ враговъ“ дало „намъ возможность поставить на очередь окончательное разрѣшеніе вѣковыхъ задачъ нашей ближневосточной политики“.

Завоевательнымъ намѣреніямъ либеральнаго общества не отвѣчалъ размѣръ успѣховъ, достигнутыхъ русской арміей на театрѣ военныхъ дѣйствій, и въ связи съ этимъ несоотвѣтствіемъ проповѣдывалось либеральными газетами самое „нетерпимое“ отношеніе ко всякимъ переговорамъ о мирѣ. Лозунгомъ дня было: никакихъ переговоровъ, ни на какихъ условіяхъ! Всякое извѣстіе о чьемъ-либо желаніи начать мирные переговоры, хотя бы на условіи возстановленія старыхъ границъ, и даже съ нѣкоторымъ увеличеніемъ русской и французской территоріи, истолковывалось, какъ признакъ истощенія врага, сознаніе имъ своей близкой, неизбѣжной гибели. И потому мирныя предложенія оставлялись русской печатью безъ разсмотрѣнія. Въ читателяхъ газетъ все время поддерживалась увѣренность въ близости побѣды полной, окончательной.

Между тѣмъ началось на Дунайцѣ памятное наступленіе австро-германцевъ, остановившееся лишь къ осени, на территоріи Полѣсья и Волыни. Невозможность оказать сопротивленіе этому нашествію объяснялась недостаткомъ снарядовъ у русской арміи. И тутъ выяснилось, что либеральная печать говорила завѣдомую неправду, тѣша обывателя вѣрой въ слабость Германіи. Обнаружилось, что вожди либераловъ знали заранѣе о недостатвѣ снарядовъ и предвидѣли, слѣдовательно, лѣтній оборотъ событій на театрѣ военныхъ дѣйствій; но они скрывали правду.

Либералы сами, устами Милюкова, признались въ этомъ. Въ засѣданіи Государственной Думы 19-го іюля 1915 года Милюковъ заявилъ отъ лица своихъ единомышленниковъ, что еще въ январѣ они явились въ Думу съ „чувствомъ патріотической тревоги“, но „сдержали это чувство въ себѣ“, то есть скрыли отъ народа, что знали, и только „въ закрытыхъ совѣщаніяхъ высказали правительству все то, чѣмъ уже тогда была полна народная душа“. Это, еще недостаточно ясное, признаніе Милюкова получило нѣкоторое разъясненіе въ статьѣ того же автора въ „Ежегодникѣ“ газеты „Рѣчь“ на 1915 годъ, на стр. 257. Депутаты, побывавшіе на фронтѣ, — говоритъ здѣсь Милюковъ,—уже въ январѣ указывали *на недостатокъ снаб-*

женія арміи; этотъ вопросъ обсуждался въ закрытомъ совѣщаніи 25-го января, и военный министръ далъ „успокоительныя завѣренія“, оказавшіяся обманомъ; „но то, что было извѣстно лишь немногимъ, стало доступно всѣмъ, когда начались наши неудачи“. То есть обманывали публику и Сухомлиновъ, и либеральные депутаты, знавшіе истину. Въ числѣ немногихъ, знавшихъ о недостаткѣ снарядовъ, былъ очевидно и П. Н. Милюковъ, и другіе вожди либеральныхъ партій. Это не помѣшало имъ сохранить въ полной цѣлости свои завоевательные планы и отвергать обсужденіе какихъ бы то ни было условій мирнаго договора.

Напомнимъ читателю позицію представителей различныхъ партій въ засѣданіи Государственной Думы 27-го января 1915 года.

Цитирую по отчету въ газетѣ „Рѣчь“ 28 января 1915 г. *Е. П. Ковалевскій*. Сербія и Черногорія должны получить „территоріальное увеличеніе и свободный выходъ къ морю“, а для Россіи „на первую очередь приходится поставить завершеніе вѣкового нашего спора съ Турціей относительно Босфора и Дарданеллъ, а также обезпеченіе нашихъ правъ въ Святой землѣ“. Далѣе идутъ: „освобожденіе Арменіи отъ турецкаго ига“; „Червонная Русь, русская Буковина и сосѣдняя съ ними Угорская Русь будутъ окончательно присоединены къ Россіи“; „пришелъ моментъ для возсоединенія польскаго народа“; и наконецъ: „къ числу намѣченныхъ исторіею цѣлей, заключающихъ въ себѣ и возможность *территоріальнаго роста Россіи въ ущербъ Германіи*, мы должны отнести также и свободу плаванія въ водахъ Балтійскаго моря.“

Въ соотвѣтствіи съ этими задачами Е. П. Ковалевскій, въ концѣ своей рѣчи, говоритъ: «Несмотря на напряженіе военныхъ силъ на театрахъ военныхъ дѣйствій, русское общество уже не разъ смущали неизвѣстно кѣмъ распускавшіеся слухи объ ускоренномъ якобы заключеніи мира. Но преждевременный миръ до окончательнаго сокрушенія врага знаменовалъ бы необходимость готовиться къ новой войнѣ, которая въ самомъ скоромъ времени стала бы неизбѣжной“.

П. Н. Милюковъ. Осуществленіе національныхъ задачъ стоитъ на вѣрномъ пути. «Мы увѣрены, что выполненіе главнѣйшей изъ этихъ задачъ — пріобрѣтеніе проливовъ и Константинополя (голоса: «Браво!») будетъ своевременно обезпечено, какъ дипломатическими, такъ и военными средствами (голоса «браво!» Продолжительныя рукоплесканія) Далѣе идутъ «объединеніе и освобожденіе Польши» подъ властью Россіи, такое же «освобожденіе Арменіи». Закончилъ Милюковъ свою рѣчь восклицаніемъ: «Да здравствуетъ свободная

Россія въ освобожденномъ ея усиліями человѣчествѣ». (Бурныя рукоплесканія).

И. Н. Ефремовъ. «Въ виду злонамѣренно распространяемыхъ слуховъ, мы не можемъ не сказать, что малодушная остановка на полпути въ борьбѣ съ Германіей была бы оскорбительнымъ недовѣріемъ къ народу и его доблестной арміи. Преждевременное заключеніе мира было бы предательствомъ жизненныхъ интересовъ Россіи и тѣхъ великихъ задачъ, которыя поставлены передъ нею воззваніями Верховнаго Главнокомандующаго; оно было бы преступленіемъ передъ родиной, нашими союзниками и человѣчествомъ, справедливо ожидающимъ отъ разгрома Пруссіи освобожденія отъ невыносимаго гнета милитаризма». Борьба идетъ «не за завоеваніе новыхъ земель не за порабощеніе другихъ народовъ».

С. И. Шидловскій. «Нашъ предсѣдатель указалъ, что война ведется не для завоеванія территорій, а для борьбы съ тѣмъ началомъ, которое признаетъ кровь и желѣзо единственнымъ судьей между людьми. Я пойду дальше и укажу, что эта великая война есть война между двумя непримиримыми воззрѣніями»... Далѣе С. И. Шидловскій заявилъ, что «никакія операціи съ Германіей не могутъ считаться законченными», пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о Константинополѣ и проливахъ въ интересахъ Россіи».

В. Н. Львовъ. «Теперь, когда пора воодушевленія смѣняется зарей надежды на осуществленіе цѣлей, поставленныхъ войной, настаетъ время отдать себѣ отчетъ въ конечныхъ цѣляхъ войны, спросить, ради чего и противъ чего мы сражаемся... Всякое усиленіе Германіи должно быть предотвращено расчлененіемъ Австро-Венгріи. Наконецъ, передъ нами блещетъ надежда на завершеніе Россіей ея вѣковыхъ историческихъ задачъ на Черномъ морѣ».

Савенко. «Наши орлы уже стоятъ на Карпатахъ, и мы можемъ восторженно привѣтствовать нашихъ братьевъ у Карпатъ, возсоединенныхъ отнынѣ съ нами навѣки. Но крѣпнетъ наша вѣра, что великому нынѣшнему царствованію суждено осуществить другую завѣтную мечту русскаго народа: я говорю о проливахъ и Царьградѣ. Проливы и Царьградъ должны быть нашими и только нашими (общіе аплодисменты).

С. В. Левашовъ. «Русь Червонная, Русь Зеленая, Русь Угорская должны слиться съ Великой, Малой и Бѣлой Русью въ великую, нераздѣльную Россію... Проливы, предоставляющіе выходъ изъ Чернаго моря, вмѣстѣ съ соотвѣтственными участками на европейскомъ и азіатскомъ берегахъ, должны поступить во владѣніе Россіи».

При этомъ правый депутатъ С. В. Левашовъ счелъ не лишнимъ пояснить:

— У насъ нѣтъ никакого основанія требовать, чтобы весь нѣмецкій народъ былъ истребленъ и сметенъ съ лица земли.

Въ этомъ заявленіи Левашовъ разошелся во мнѣніяхъ съ нѣкоторой частью нашей либеральной печати и съ «Рѣчью», которая протестовала противъ мысли, что «въ концѣ концовъ придется сожительствовать, худо ли, хорошо ли, и съ нѣмцами.» И для уясненія русскихъ общественно-буржуазныхъ настроеній во всякомъ случаѣ характерно, что понадобилось со стороны праваго депутата формальное заявленіе о неимѣніи въ виду истребленія и сметенія съ лица земли цѣлаго народа.

М. Ольминскій

На новомъ пути.

I.

На парижскомъ конгрессѣ въ 1889 году Вильгельмъ Либкнехтъ указалъ на ту связь, какую имѣлъ новый, возникавшій въ то время, II-ой Интернаціоналъ со старомъ I-ымъ Интернаціоналомъ. «Международная Рабочая Ассоціація—говорилъ Либкнехтъ—указавъ рабочимъ всѣхъ странъ общую цѣль, научивъ ихъ понимать необходимость общихъ дѣйствій, тѣмъ самымъ выполнила свою миссію. Интернаціоналъ не умеръ,—онъ перешелъ въ мощное рабочее движеніе отдѣльныхъ странъ и въ немъ продолжаетъ жить...»

Въ этихъ словахъ Либкнехта мы находимъ не только указаніе на связь II-го Интернаціонала съ первымъ, но и вѣрную характеристику II-го Интернаціонала. Тотъ фактъ, что старый Интернаціоналъ перешелъ „*въ рабочее движеніе отдѣльныхъ странъ*“, характеризуетъ основную черту и наибольшую особенность II-го Интернаціонала. Дѣятельность и исторія II-го Интернаціонала на всемъ протяженіи его двадцатипятилѣтняго существованія—есть въ сущности исторія движенія пролетаріата каждой отдѣльной страны, въ національныхъ рамкахъ.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, II-ой Интернаціоналъ переживаетъ глубокій кризисъ,—и не только съ формальной стороны, въ смыслѣ нарушенія международной связи, но и по существу, въ смыслѣ глубокаго принципіальнаго расхожденія двухъ направленій: *національнаго и интернаціональнаго*. Переживаемый кризисъ указываетъ, что бывшія формы интернаціональнаго движенія пролетаріата переходятъ въ новыя, отвѣчающія требованіямъ измѣнившихся соціальныхъ условій.

Уже въ настоящее время жизненныя тенденціи новыхъ формъ интернаціональнаго объединенія выявляются настолько рельефно, что представляется вполнѣ возможнымъ установить ихъ въ наиболѣе общихъ и существенныхъ чертахъ.

II.

Послѣдняя четверть XIX-го столѣтія была временемъ необычайно быстраго развитія капитализма въ *національныхъ* рамкахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и временемъ развитія буржуазныхъ государствъ.

Буржуазія, оказавшись почти повсемѣстно въ Европѣ у власти, повела энергичную національную политику, въ полной мѣрѣ использовавъ въ этомъ направленіи представившіяся возможности. Подобное положеніе опредѣляло характеръ классовой борьбы. Рабочее движеніе протекало, въ силу этого, почти исключительно въ національныхъ рамкахъ: борьба велась противъ *своей* буржуазіи, противъ *своихъ* государственныхъ, національныхъ узъ. Рабочее движеніе углубилось и разбилось на рядъ отдѣльныхъ теченій, разной мощности и значенія. Германское рабочее движеніе имѣло отличительныя черты отъ англійскаго, англійское отъ французкаго и т. д. Правда, методы веденія классовой борьбы въ значительной степени были схожи. Большое значеніе имѣли въ этомъ отношеніи международные конгрессы, вырабатывавшіе болѣе или менѣе единое отношеніе къ различнымъ вопросамъ рабочаго движенія. Но характерной особенностью пережитого времени были не эти черты сходства, а черты различія. Массовыми, организованными въ интернаціональномъ масштабѣ, дѣйствіями рабочій классъ за этотъ періодъ времени почти не проявилъ себя.

Интернаціональная организація и интернаціональная связь пролетаріата имѣли главнымъ своимъ содержаніемъ информацію относительно отдѣльныхъ, въ достаточной степени изолированныхъ другъ отъ друга, національныхъ рабочихъ движеній. Въ этомъ отношеніи интернаціональная организація рабочихъ отражала наиболѣе характерную черту своей эпохи.

Это дало поводъ, между прочимъ, К. Каутскому вообще усомниться въ дѣеспособности Интернаціонала въ смыслѣ единства выступленія во время, напримѣръ, такихъ катастрофъ, какъ нынѣшняя, и признать въ немъ лишь орудіе „мирнаго времени“. Конечно, это невѣрно и по существу, и особенно въ связи въ измѣнившимися условіями. Въ этомъ отношеніи Каутскій признавалъ нормальнымъ и узаконилъ тотъ фактъ, который противорѣчилъ всему существу рабочаго движенія и объясняется лишь условіями переходной эпохи.

Національныя рамки, въ которыхъ протекало рабочее движеніе, были созданіемъ опредѣленныхъ экономическо-политическихъ условій, и поддерживали и укрѣпляли ихъ,—постольку, конечно, утопіей было-бы надѣяться, что рабочій классъ сможетъ перескочить черезъ

нихъ. Это было бы иллюзіей, которая потерпѣла бы крушеніе при первомъ же столкновеніи съ жизнью. Однако, вопросъ заключался въ томъ, остались ли *эти* основныя условія неизмѣнными. И если нѣтъ, то не являются ли утопистами, и при этомъ вредными утопистами, тѣ, кто полагаетъ, что все обстоитъ «по-старому», и старается поэтому подогнать живыя формы рабочаго движенія къ тому прошлому, которое отмираетъ...

Съ теченіемъ времени, особенно въ послѣдніе 10—15 лѣтъ, въ капиталистическомъ развитіи начала сказываться все сильнѣе и сильнѣе международная сущность капитала.

Необычайный ростъ трестовъ и синдикатовъ, захватывавшихъ производство отдѣльныхъ отраслей промышленности сразу въ цѣломъ рядѣ странъ, указывалъ на то обстоятельство, что капитализмъ вступилъ въ новую фазу своего развитія. Экономическую и, въ значительной степени, политическую власть захватили въ свои руки магнаты финансоваго капитала. Началась эра яростной конкуренціи на міровомъ рынкѣ, колоніальныхъ захватовъ, роста вооруженій. Національныя рамки становились тѣсны. Капиталъ переросталъ ихъ и въ своемъ поступательномъ движеніи стремился выйти изъ нихъ на широкій просторъ міровой экономической дѣятельности.

Но съ увеличеніемъ размаха дѣятельности капитализма продолжали увеличиваться тѣ внутреннія противорѣчія, какія присущи ему.

Настоящія событія съ поразительной ясностью показываютъ, что противорѣчія, присущія капитализму, достигли той степени своего развитія, когда они стали въ полное противорѣчіе съ дальнѣйшимъ экономическимъ и соціальнымъ развитіемъ. Разразившаяся катастрофа есть лишь предвозвѣстникъ ряда новыхъ катастрофъ. Тѣ экономическія причины, въ результатѣ которыхъ она явилась, не только не исчезаютъ, но усиливаются, — и капиталистическій міръ, объединенный въ настоящее время въ три мощныя коалиціи (во главѣ съ Англіей, Германіей и Соединенными Штатами) — дѣятельно готовится къ новой міровой борьбѣ.

То, что когда-то являлось лишь теоріей и предсказаніемъ, теперь есть практика текущаго историческаго момента. Марксизмъ въ этомъ отношеніи получилъ новое доказательство правильности своего метода изслѣдованія и опредѣленія тенденцій соціальнаго развитія.

Однако, вмѣстѣ со всѣмъ этимъ принципы обобществленія производства сдѣлали за послѣднее время огромные успѣхи,—эту сторону вопроса отнюдь не слѣдуетъ упускать при изслѣдованіи современнаго соціальнаго положенія. Концентрація капитала происходитъ сейчасъ

съ необычайной быстротой. Фабрики и заводы средней руки не выдержали кризиса и закрылись, въ то время какъ тресты и синдикаты страшно усилились.

Мѣропріятія, введенныя почти повсемѣстно въ области урегулированія обмѣна, производства и потребленія, служатъ также доказательствомъ опредѣленнаго поворота въ хозяйственныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, тенденціи современнаго экономическаго развитія все болѣе проступали наружу: національныя, замкнутыя хозяйственныя формы отступаютъ и замѣняются міровымъ, интернаціональнымъ хозяйствомъ.

Въ какомъ же отношеніи стоялъ Интернаціоналъ къ этимъ процессамъ соціальной жизни? Уловилъ ли онъ эти измѣнившіяся историческія условія? Учелъ ли моментъ, когда количественныя измѣненія, нароставшія подъ старой оболочкой капитала, станутъ новымъ его качествомъ? Съумѣлъ-ли укрѣпиться на новыхъ позиціяхъ и выработать новыя организаціонныя формы, отвѣчающія времени и измѣнившимся условіямъ?

Передъ нимъ встали интернаціональныя задачи, уже въ формѣ не теоретическихъ вопросовъ, а *конкретныхъ* фактовъ, требовавшихъ дѣйствія, согласованнаго и организованнаго въ интернаціональномъ масштабѣ. Теперь можно съ полнымъ правомъ сказать, что *въ цѣломъ* Интернаціоналъ не смогъ дать положительные отвѣты на поставленныя ему исторіей задачи.

Четверть вѣка жизни въ національныхъ рамкахъ, — что обусловливалось общей исторической конъюнктурой, какъ объ этомъ мы говорили выше, — фиксированіе вниманія на національныхъ вопросахъ — должны были оказать громадное вліяніе на международное движеніе. Внутри этого движенія окрѣпло ревизіонистское теченіе, которое, въ противовѣсъ ортодоксальному, всецѣло базировалось лишь на національныхъ задачахъ и вопросахъ.

Дальнѣйшее движеніе ему рисовалось (и рисуется нынѣшними соціаль-націоналистами)—все по тому-же типу замкнутыхъ національныхъ движеній, поверхностно лишь связанныхъ между собой. Въ силу этого внутри международнаго движенія создалась консервативная сила, мѣшавшая поступательному ходу и усовершенствованію интернаціональной организаціи. Кризисъ II-го Интернаціонала назрѣвалъ такимъ образомъ и извнѣ, и изнутри.

Извнѣ—благодаря измѣняющемуся характеру капиталистическихъ формъ и отношеній, а изнутри — благодаря образованію и укрѣпленію двухъ различныхъ, боровшихся между собой, направленій: одного,

стоявшаго на національной позиціи, другого—на интернаціональной. Старая форма плохо вмѣщала новое содержаніе, и достаточно было болѣе или менѣе серьезнаго удара, чтобы это обстоятельство обнаружилось съ полной очевидностью и неоспоримостью. Такимъ ударомъ была война.

Устарѣвшая форма интернаціональнаго объединенія не выдержала и не смогла примѣниться къ новымъ условіямъ и новымъ требованіямъ, которыя были предъявлены жизнью, и распалась, исчезла... Но содержаніе осталось, и какъ только рушилась старая форма, начали болѣе интенсивно развиваться новыя формы.

Разрывъ между двумя направленіями въ Интернаціоналѣ опредѣлялся такимъ образомъ исторической необходимостью.

Соціаль-національстическое теченіе, оставшись вѣрнымъ себѣ, рѣшительно сошло съ интернаціональной арены. Оно заявило даже протестъ противъ интернаціональнаго объединенія, находя его «несвоевременнымъ», — поставило интернаціональныя задачи подъ контроль національныхъ достиженій и замкнулось въ «самомъ себѣ.»... — Иначе и быть не могло. Все прошлое и настоящее опредѣляло, какъ его „бытіе“, такъ и „сознаніе“ именно въ этомъ направленіи.

Второе направленіе — интернаціоналистическое, взявшее за исходную, отправную точку, какъ для своихъ практическихъ шаговъ, такъ и для теоретическихъ изысканій, классовыя задачи въ международномъ масштабѣ, — рѣшительно повело свою дѣятельность въ этомъ направленіи.

Исторія въ свое время предрѣшила судьбу перваго Интернаціонала; теперь она же рѣшила и судьбу второго Интернаціонала.

Совершенно вѣрно указывалъ Іеккъ въ своей работѣ о первомъ Интернаціоналѣ: «Не внутреннія распри и раздоры прорвали внѣшнія рамки Интернаціонала, какъ цѣльной организованной единицы, а этотъ прорывъ явился главнымъ образомъ результатомъ буржуазнаго движенія въ національныхъ государствахъ. Территоріальныя организаціи, основывавшіяся раньше на общности языка, уступили мѣсто національнымъ организаціямъ; вмѣсто безправнаго пролетаріата германскаго и романскаго языковъ образовался германскій, швейцарскій, французскій, итальянскій, испанскій пролетаріатъ съ совершенно опредѣленными политическими правами; экономическая борьба стушевалась передъ борьбой политической, а эта послѣдняя является борьбой внутри національныхъ рамокъ. Международное учрежденіе для высшаго руководства, какимъ являлся генеральный

совѣтъ Интернаціонала, не могло уже на продолжительное время давать здѣсь тактическія директивы.»

Теперь, какъ видно, новыя историческія условія прорвали внѣшнія рамки II-го Интернаціонала.

Интернаціональное направленіе, отдавъ себѣ отчетъ въ совершающемся переворотѣ, намѣтило вполнѣ опредѣленный путь своего дальнѣйшаго развитія и дѣятельности.

III.

Новое направленіе исходило прежде всего изъ факта порожденія современныхъ событій, благодаря развитію противорѣчій капитализма и невозможности избѣжанія въ рамкахъ капиталистическаго строя подобнаго рода конфликтовъ. Поэтому былъ выдвинутъ вопросъ о конечныхъ цѣляхъ и признано, что всякое дѣйствіе, направленное къ отказу отъ классовой борьбы и къ подчиненію своихъ цѣлей цѣлямъ другихъ классовъ, всякій шагъ, объединяющій классовыхъ антагонистовъ въ національныхъ предѣлахъ, противодѣйствуетъ созданію условій, обезпечивающихъ продолжительный миръ.

Естественно, что эта постановка вопроса, а также самый фактъ международнаго единенія въ текущій моментъ вызвали противъ себя цѣлую кампанію, вѣдомую соціалъ-націоналистами различныхъ странъ. Обвиненія въ „самозванствѣ“, въ стремленіи къ «захвату», въ «утопизмѣ“ и т. д. раздались со стороны тѣхъ, кто въ самый горячій моментъ исторіи повернулись спиною и къ международности, и къ классовымъ задачамъ, и заключили дружескій союзъ съ господами положенія.

Неудивительно, что международное бюро II-го Интернаціонала, во главѣ котораго оказалось большинство, настроенное націоналистически, не могло выполнить ту отвѣтственную роль, какая выпала на его долю въ настоящее время. Отражая взгляды соціалъ-націоналистовъ каждой воюющей страны, оно не могло объединить несоединимое. Больше того: поддерживая одновременно націоналистовъ Франціи и Англіи, Германіи и Австріи,—оно высказывалось противъ тѣхъ, кто велъ борьбу съ ними и стремился закрѣпить интернаціональную связь. Занятая націоналистическая позиція обязывала.

Въ заявленіи Бюро (май 1916 г.) говорится:

«Съ самаго начала къ намъ стали поступать требованія о созывѣ международнаго бюро. На эти требованія мы съ первыхъ же дней

отвѣчали, что даже въ томъ случаѣ, если-бы съѣздъ членовъ бюро былъ практически осуществимъ, мы предварительнымъ и непремѣннымъ условіемъ его созыва считаемъ согласіе и содѣйствіе всѣхъ, въ составъ Интернаціонала входящихъ, партій. Между тѣмъ съ несомнѣнностью было установлено, что нѣкоторыя изъ этихъ партій считаютъ данный моментъ для созыва бюро неподходящимъ.»

Устанавливая условіемъ созыва бюро *согласіе и содѣйствіе всѣхъ*, входящихъ въ Интернаціоналъ, партій, международное бюро тѣмъ самымъ совершенно уничтожало всякую возможность созыва такового въ настоящее и въ ближайшее, даже послѣвоенное, время. Трудно, дѣйствительно, объединить Зюдекума и товарищей съ Гэдомъ и Самба и тѣми, кто ихъ поддерживаетъ, и ждать ихъ «*согласія*» на такое объединеніе.

Расписавшись передъ всѣмъ міромъ въ своей бездѣятельности, международное бюро въ Гаагѣ удивляется, когда на этомъ основаніи была констатирована его смерть, какъ дѣеспособной международной организаціи. Оно упустило изъ виду, что жизнь идетъ мимо тѣхъ, кто обрекаетъ себя на бездѣйствіе.

На второй конференціи интернаціоналистовъ было принято постановленіе, дающее съ одной стороны оцѣнку дѣйствій М. С. Бюро, а съ другой—опредѣляющее тактику Интернаціонала.

Исполнительный Комитетъ Межд. Соц. Бюро,—говорится въ этомъ постановленіи,—упорно отказываясь, вопреки неоднократно выраженнымъ пожеланіямъ отдѣльныхъ національныхъ секцій, созвать пленарное засѣданіе Межд. Бюро, тѣмъ самымъ нарушилъ ясныя и точныя обязанности, возложенныя на него международными конгрессами. Такимъ образомъ исполнительный комитетъ не только не предпринялъ никакихъ шаговъ для преодолѣнія кризиса Интернаціонала, но, наоборотъ, содѣйствовалъ углубленію этого кризиса, ставъ соучастникомъ политики отказа отъ основныхъ принциповъ движенія... Исполнительный комитетъ, давая отпущеніе грѣховъ тѣмъ, кто измѣнилъ классовому знамени, въ то-же самое время направляетъ всѣ усилія къ подавленію активныхъ элементовъ Интернаціонала, снова нашедшихъ другъ друга по ту и другую сторону»... Этимъ постановленіемъ рѣшительно порывалась связь съ политикой умыванія рукъ въ международной области и низведенія Интернаціонала къ роли „орудія мирнаго времени.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно порицалась и та соціалъ-націоналистическая политика, которая возобладала среди извѣстной части какъ вождей, такъ и пролетарскихъ организацій.

IV.

Война дала возможность подвергнуть испытанію многія установленныя отношенія и формы жизни, и не мало укоренившихся истинъ погибло въ судорожномъ водоворотѣ текущихъ событій. Но въ результатѣ современный моментъ подвелъ многому его жизненный итогъ и далъ опредѣленныя заключенія. Такъ случилось съ II-ымъ Интернаціоналомъ.

Мы не будемъ разбирать формальную сторону вопроса, т. е. будетъ ли второй Интернаціоналъ послѣ войны называться вторымъ или же третьимъ: существеннымъ остается то обстоятельство, что по своему содержанію Интернаціоналъ станетъ новымъ.

Мы вступаемъ въ новую эпоху соціальнаго развитія. Это положеніе врядъ ли кто будетъ серьезно отрицать. Никто не вѣритъ, что «какъ было, такъ и будетъ.» Факты экономическихъ союзовъ между странами, лихорадочная попытка, которую ведутъ сейчасъ капиталисты всего міра, приспособляясь къ новымъ международнымъ отношеніямъ и подготовляя новую международную политику, большая интернаціонализація капитала,—все это ставитъ классовую дѣятельность пролетаріата въ широкія международныя рамки. Та эпоха, когда интернаціональная связь опредѣлялась лишь взаимнымъ освѣдомленіемъ, безвозвратно отошла въ прошлое.

Въ зависимости отъ роста интернаціональной связи измѣнится и отношеніе къ «внутреннимъ», національнымъ вопросамъ. До сихъ поръ ихъ рѣшали самостоятельно и, такъ сказать, отъединенно отъ общей интернаціональной связи. Вопросы внутренней жизни вырѣшались подъ угломъ лишь мѣстныхъ отношеній, въ рамкахъ данной страны. Это были «мѣстные вопросы».

Несомнѣнно, что слѣдствіемъ этого должна была явиться раздробленность, а благодаря этому и запаздываніе въ проведеніи требованій и недостиженіе поставленныхъ цѣлей. Создавалась неизбѣжная политика „малыхъ дѣлъ“ и скромныхъ, но такъ называемыхъ — «реальныхъ» достиженій, которыя въ результатѣ затушевывали дѣйствительную классовую дѣятельность. „Вермишель“ повседневной политики поглощала громадную долю энергіи, вниманія и силъ. Измѣняющійся характеръ соціальной жизни выдвинетъ вырѣшеніе внутреннихъ вопросовъ подъ угломъ зрѣнія интересовъ интернаціональной связи, на основѣ единой программы. Именно въ такую тѣсную зависимость отъ интернаціональныхъ отношеній станутъ такіе, напримѣръ, вопросы, какъ вопросъ объ отношеніи къ буржу-

азіи: если раньше стоялъ вопросъ о роли въ каждой отдѣльной странѣ русской, французской, англійской и т. под. буржуазіи, то въ будущемъ не можетъ быть иной постановки, какъ только въ международномъ масштабѣ.

Таковъ же методъ рѣшенія и другихъ внутреннихъ вопросовъ, т. е. не отбрасываніе и отрицаніе ихъ, а вырѣшеніе, но вырѣшеніе при непосредственномъ участіи въ той или иной формѣ интернаціональной связи.

Если *Первый Интернаціоналъ*, говоря словами В. Либкнехта— указалъ общую цѣль и научилъ понимать необходимость общихъ условій и общей борьбы, если, далѣе, *Второй Интернаціоналъ* далъ богатую практику классовой борьбы въ національныхъ рамкахъ, укрѣпивъ отдѣльные отряды международнаго пролетаріата, то *Новый Интернаціоналъ*, въ наступающую эпоху, осуществитъ то, что завѣщалъ Первый Интернаціоналъ, воспользовавшись всѣмъ опытомъ теоріи и практики второго Интернационала.

Вл. Павловъ.

Война и экономическое положеніе рабочаго класса.

I.

Учетъ вліянія переживаемой войны на экономическое положеніе пролетаріата все еще дѣло будущаго, такъ какъ полученіе необходимыхъ данныхъ продолжаетъ быть труднымъ. Правда, въ теченіе второго года войны стали получаться свѣдѣнія и изъ такихъ странъ, которыя, какъ напримѣръ Франція, казались сперва почти совершенно отрѣзанными отъ остального міра. Но и теперь, какъ и въ прошломъ году, можно только суммировать тотъ матеріалъ, который уже имѣется.

Развитіе промышленности во всѣхъ странахъ, не исключая и нейтральныхъ, происходило во второй годъ войны еще болѣе односторонне, чѣмъ въ первый. Въ теченіе него еще большее число предпріятій работало надъ выполненіемъ военныхъ заказовъ, и въ то время, какъ все рѣзче и рѣзче обнаруживался недостатокъ въ товарахъ, необходимыхъ для мирнаго населенія, производство ихъ не увеличивалось, а сокращалось. Одно изъ наиболѣе яркихъ противорѣчій современнаго общественнаго уклада предстало передъ міромъ совершенно лишеннымъ тѣхъ драпировокъ, которыми его пытаются окружить въ «нормальное» время. Правда, несмотря на свою яркость и обнаженность, оно остается не учтеннымъ, и большинство глядитъ на него слѣпыми глазами.

Увеличеніе армій всѣхъ воюющихъ странъ во второй годъ войны продолжало итти усиленнымъ темпомъ; оно опять отразилось не только сокращеніемъ числа безработныхъ, но и числа работающихъ въ предпріятіяхъ, не имѣющихъ военныхъ заказовъ. Недостатокъ въ рабочихъ сказывался въ этомъ году еще сильнѣе, чѣмъ въ первомъ.

Въ Англіи [1]), въ началѣ второго года войны, спросъ на рабочихъ продолжалъ быть очень сильнымъ и лишь въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности онъ нѣсколько уменьшился. Ни взрослыхъ мужчинъ, ни подростковъ не хватало, и продолжалась замѣна мужского труда женскимъ. Въ сентябрѣ 1915 года ослабленіе спроса на рабо-

[1]) Всѣ данныя объ Англіи и другихъ странахъ, за исключеніемъ особо оговоренныхъ, взяты изъ „The Board of Trade Labour Gasette“ 1915 и 1916 г.

чихъ наблюдалось только на копяхъ, добывающихъ олово; сокращалось также производство хлопчатобумажныхъ тканей, главнымъ образомъ на ткацкихъ фабрикахъ и на джутовыхъ и льняныхъ фабрикахъ. Но въ красильномъ, отбѣльномъ и ситценечатномъ дѣлѣ отмѣчалось дальнѣйшее улучшеніе, особенно въ красильномъ. Строительное дѣло продолжало переживать затишье; вмѣстѣ съ нимъ его переживали цементное и кирпичное производства. Сокращались и нѣкоторыя отрасли производства пищевыхъ продуктовъ. Въ механическомъ и судостроительномъ дѣлѣ не хватало рабочихъ, и работа шла усиленнымъ темпомъ. Осенью, послѣ новаго набора въ армію, спросъ на женщинъ и подростковъ еще болѣе увеличился. Въ ноябрѣ недостатокъ, какъ въ обученныхъ рабочихъ, такъ и въ необученныхъ, сталъ еще болѣе замѣтенъ. Того числа женщинъ, которое и раньше было занято въ промышленности, оказалось недостаточно для удовлетворенія спроса на рабочія руки, созданнаго уходомъ мужчинъ въ армію. Необходимо было обратиться къ тѣмъ женщинамъ, которыя до сихъ поръ не работали въ промышленныхъ предпріятіяхъ.

Въ началѣ 1916 г. наборы въ армію еще сильнѣе обострили требованія на женщинъ. Департаментъ промышленности вмѣстѣ съ департаментомъ земледѣлія предпринялъ рядъ шаговъ, чтобы набрать достаточное количество женщинъ для устраненія недостатка въ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. На эти работы призывались не только крестьянки, но и образованныя женщины. По всей странѣ были организованы спеціальные женскіе комитеты, созывались собранія для пропаганды этихъ рабочихъ и предпринимались обходы домовъ для убѣжденія женщинъ. Въ цѣляхъ замѣны рабочихъ-мужчинъ женщинами въ промышленныхъ предпріятіяхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ обратился ко всѣмъ предпринимателямъ съ особымъ воззваніемъ, въ которомъ предприниматели призывались не сокращать производства изъ-за ухода мужчинъ въ армію, а употреблять всѣ усилія къ набору женщинъ. Имъ рекомендовалось, если нельзя просто замѣнить мужчинъ женщинами, производить въ своихъ предпріятіяхъ соотвѣтствующія измѣненія. Кромѣ того подавался совѣтъ не смущаться, если они встрѣтятъ затрудненія, когда будутъ приспособлять свои мастерскія для женщинъ и натолкнутся на требованія фабричныхъ законовъ. Воззваніе говоритъ: «во многихъ случаяхъ такія трудности были устранены въ результатѣ переговоровъ предпринимателей или ихъ организацій съ чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ; министерство и фабричные инспектора въ такихъ слу-

чаяхъ сдѣлаютъ все возможное, чтобы помочь предпринимателямъ». Но несмотря на эти мѣры и на увеличеніе числа женщинъ, работающихъ въ промышленности, недостатокъ въ рабочихъ продолжалъ ощущаться остро. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ было отмѣчено дальнѣйшее сокращеніе рабочихъ. Эта тенденція продолжала проявляться и въ слѣдующихъ мѣсяцахъ, и общее число рабочихъ, занятыхъ въ промышленности, по сравненію не только съ іюлемъ 1914 г., но и съ іюлемъ 1915 г. значительно сократилось. Сокращеніе это видно изъ слѣдующей таблицы, составленной на основаніи свѣдѣній, полученныхъ въ The Board of Trade отъ предпринимателей: (см. табл. на стр. 97).

Наибольшее сокращеніе произошло въ числѣ матросовъ коммерческихъ судовъ (на 17,5%), какъ результатъ сокращенія морской торговли; затѣмъ идутъ производства: кирпичное (16,9%), готоваго платья (13,9%), цементное (13,3%), ковровое (13,4%), типографское (10,4%), прядильное и ткацкое (4,5%) и т. д. Это все отрасли промышленности, имѣющія въ виду „мирнаго“ покупателя. Число рабочихъ въ производствахъ, получающихъ военные заказы, сократилось значительно меньше, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ возросло: такъ въ желѣзодѣлательномъ и стальномъ на 9,3%, фуфаечно-чулочномъ на 3,4%.

Такое положеніе дѣлъ привело почти къ полному исчезновенію безработныхъ съ рынка труда: въ іюлѣ 1916 г. % безработныхъ членовъ тредъюніоновъ равнялся—0,4%, а среди рабочихъ, застрахованныхъ на основаніи закона о безработныхъ, 0,48%.

Уменьшеніе % безработныхъ видно изъ слѣдующихъ таблицъ; первая изъ нихъ касается исключительно членовъ тредъюніоновъ, а вторая—всѣхъ застрахованныхъ рабочихъ.

Средній годовой % безработныхъ членовъ тредъюніоновъ.

1900.	2,5	1904.	6,0	1908.	7,8	1912.	2,4
1901.	3,3	1905.	5,0	1909.	7,7	1913.	2,1
1902.	4,0	1906.	3,6	1910.	4,7	1914.	3,3
1903.	4,7	1907.	3,7	1911.	3,0	1915.	1,1

Средній мѣсячный %.

Іюль 1914	2,8	Янв. 1915	1,9	Іюль 1915	0,9	Янв. 1916	0,6
Авг. »	7,1	Февр. »	1,6	Авг. »	1,0	Февр. »	0,5
Сент. »	5,9	Мартъ »	1,3	Сент. »	0,9	Мартъ »	0,5
Окт. »	4,4	Апр. »	1,2	Окт. »	0,8	Апр. »	0,5
Нояб. »	2,9	Май »	1,2	Нояб. »	0,6	Май »	0,5
Дек. »	2,5	Іюнь »	1,0	Дек. »	0,6	Іюнь »	0,5
						Іюль »	0,4

Производства.	Число работавшихъ въ іюлѣ 1916 г.	Уменьш. (—) или увелич. (+) по сравн. съ числомъ работавшихъ (въ %%).	
		Мѣс. назадъ.	Годъ назадъ.
Добыча каменнаго угля.	539,554	+0,4	+1,2
„ желѣзной руды.	13,312	—0,2	—3,3
Желѣзодѣлательное и стальное.	114,241	+0,8	+9,3
Мануфактурныя:			
Подгот., пряд. и ткацкое.	150,644	—0,6	—4,5
Бѣлил., печатн., крас. отд. . . .	25,298	—0,5	+3,8
Суконное	19,480	—0,5	—0,5
Производ. изъ кручен. шерсти. .	29,395	—0,1	—2,3
Льняное	39,173	—0,7	—0,7
Джутовое.	13,266	+0,1	—0,4
Кружевное	8,027	—0,8	—0,7
Фуфаечно-чулочное	18,104	+0,3	+3,4
Шелковое.	10,146	—0,6	—1,6
Ковровое	6,076	—1,1	—13,4
Производство обуви.	60,434	—0,1	—1,6
„ готов. платья опт.	32,141	—1,9	—13,9
„ рубаш. и вороти. .	16,733	—0,8	—3,7
Лондонскіе портн. и модистки. .	2,027	—6,8	+0,7
Писчебумажное	16,514	—1,0	—3,2
Типографское.	11,395	—1,1	—10,4
Переплетное	7,907	—0,4	—5,4
Стекольное	9,702	—1,2	—0,5
Кирпичное	5,746	—1,7	—16,9
Цементное	6,553	—1,0	—13,3
Гончарное	16,454	—0,5	—2,5
Приготовл. пищев. продуктовъ. .	56,403	+3,0	—3,6
Доковые рабочіе (Лондонъ) . . .	17,105	+0,9	—8,5
Матросы коммерческихъ судовъ.	34,663	—1,3	—17,5

% безработныхъ изъ числа застрахованныхъ рабочихъ.

	Число застрахованныхъ работ., исключая поступ. на воен. службу.	Безработные.		Уменьш. (—) или увеличен. (+) по сравненію въ процентахъ съ тѣмъ, что было.	
		Число.	%	Мѣсяцъ назадъ.	Годъ назадъ.
Въ концѣ декабря 1914 г.	2,115,536	68,815	3,3	—0,4	—1,3
„ „ января 1915 „	2,115,536	54,723	2,6	—0,7	—2,9
„ „ іюля 1915 „	2,019,683	20,730	1,0	+0,1	—2,6
„ „ декабря 1915 „	1,952,060	22.275	1,1	+0,2	—2,2
„ „ января 1916 „	1,951,817	19,152	1,0	—0,1	—1,6
„ „ апрѣля 1916 „	2,005,792	13,095	0,7	—	—0,4
„ „ мая 1916 „	2,033,383	11,264	0,6	—0,1	—0,3
„ „ іюня 1916 „	2,042,230	11,100	0,5	—0,1	—0,4
„ „ іюля 1916 „	2,042,230	11,264	0,55	+0,01	—0,48

Но, констатируя фактъ почти полнаго исчезновенія безработныхъ, не надо забывать, что далеко не во всѣхъ предпріятіяхъ работы шли полнымъ ходомъ. Во многихъ изъ нихъ все время войны работаютъ сокращенное число часовъ. Правда, параллельно съ этимъ, въ другихъ работаютъ сверхурочно. Это видно изъ слѣдующей таблицы [1]), относящейся къ февралю 1915 г., но еще вполнѣ сохранившей свою цѣнность. Она имѣетъ въ виду исключительно мужчинъ. Отрасли промышленности раздѣлены на три группы: 1) отрасли, въ которыхъ наблюдается замѣтный недостатокъ въ рабочихъ, и въ которыхъ приходится привлекать рабочихъ изъ другихъ профессій; 2)—въ которыхъ число рабочихъ нормально; 3)—въ которыхъ сокращеніе числа рабочихъ значительно превышаетъ число ушедшихъ въ армію.

Число рабочихъ въ февралѣ 1915 г., по сравненію съ числомъ бывшимъ до войны.

---

1) The Labour Year Book, 1916 p. 27.

Отрасли промышленности по группамъ.	Приблизительное число рабочихъ по переписи 1911 года.	Сокращеніе (—) или увеличеніе (+) числа рабочихъ %	По полученнымъ свѣдѣніямъ поступило въ армію %	Результатъ перехода рабочихъ: увеличеніе (+) уменьшеніе (—) %	Работали при сокращенномъ времени %	Работали сверхуроч. %
Группа 1.						
Судостроительная.	164,000	—2,4	13,9	+11,5	0,7	44,5
Кожевенная.	67,000	+2,5	16,0	+18,5	2,6	40,7
Химическая (включ. взрыв. вещества).	122,000	+1,2	17,4	+18,6	1,0	24,1
Механическая.	665,000	—9,1	16,1	+7,0	3,6	29,8
Шерстяная	129,000	+0,3	9,0	+9,3	3,3	27,1
Обувная	199,000	—1,1	10,9	+9,8	1,3	36,1
Чулочная.	18,900	—2,7	12,3	+9,6	3,9	14,7
Желѣзная и стальная . .	311,000	—5,7	16,1	+10,4	5.7	15,7
Пищевыхъ продуктовъ . .	315,000	—8,6	16,1	+7,5	2,5	16,0
Лѣсопильная	44,000	—12,0	16,1	+4,1	10,0	6,3
Угольная и др. копи . . .	1,164,000	—13,0	17,2	+3,4	2,3	0,6
Группа 2.						
Производство платья . . .	235,000	—13,7	14,0	+0,3	11,5	14,1
Бумажная и печатная. . .	240,000	—14,1	14,4	+0,3	9,9	8,5
Льняная, джутов. и пеньк.	42,000	—12,1	17,1	+5,0	27,7	4,9
Хлопчато-бумажная	259,000	—11,1	11,6	+0,5	11,2	2,2
Велосипед., моторная, экипажная и вагоностроит. .	202,000	—17,8	16,9	—0,9	6 4	23,7
Посудная и стекольная . .	83,000	—16,3	15,5	—0,8	16,6	2,7
Группа 3.						
Строительная	1,023,000	—22,9	14,7	—8,2	7,1	7,0
Мебельная	141,000	—23,5	15,3	—8,2	14,0	4,1
Кирпич., цемент. и проч. .	78,000	—27,2	15,6	—11,6	14,6	3,0
Жестянная	23,000	—14,2	11,0	—3,2	29,6	3,2

Разсматривая эту таблицу, мы видимъ, что и она ярко подтверждаетъ противорѣчіе современнаго уклада: въ то время какъ растетъ потребность въ разнаго рода товарахъ, необходимыхъ для поддержанія существованія широкихъ слоевъ мирнаго населенія, производство этихъ товаровъ сокращается. Развивается лишь производство товаровъ, имѣющихъ цѣлью разрушеніе культурныхъ цѣнностей, созданныхъ человѣчествомъ.

Далѣе необходимо отмѣтить, что сокращеніе числа безработныхъ не только шло параллельно съ сокращенной работой, но и влекло за собой увеличеніе числа рабочихъ, работающихъ не полный день. Наиболѣе ярко это проявилось въ отношеніи ткачей. По даннымъ Соединеннаго общества ткачей (Amalgamated Weavers Association) [1]) уменьшеніе числа безработныхъ и увеличеніе числа ткачей, работающихъ сокращенное количество часовъ, шло такимъ образомъ:

	Приблизительное число безработныхъ.	Приблизительное число работающихъ сокращенное время.
1914 г.		
Октября 17. . . .	49.587	66.408
„ 24. . . .	53.811	68.208
„ 31. . . .	51.549	79.949
Ноября 7. . . .	46.333	89.905
„ 14. . . .	43.522	93.618
„ 21. . . .	48.387	88.524
„ 28. . . .	44.249	86.450
Декабря 26. . . .	26.383	71.450
1915 г.		
Января 30. . . .	12.370	67.250
Февраля 27. . . .	7.902	47.580
Марта 27. . . .	7.053	21.429
Апрѣля 24. . . .	6.344	14.094
Мая 22. . . .	7.606	11.642
Іюня 26. . . .	7.721	8.034
Іюля 24. . . .	9.248	5 655
Августа 14. . . .	4.396	2 945
Сентября 25. . . .	16.586	4.944
Октября 2. . . .	16.134	3.144

Эта таблица показываетъ, что приведеніе однихъ данныхъ объ измѣненіи % безработныхъ говоритъ очень мало. «Скрытую безрабо-

[1]) The Labour Year Book, 1916, p. 28.

тицу», приносящую не мало горя и бѣдствій, открыть можно только при болѣе внимательномъ изученіи данныхъ о положеніи рабочаго класса.

Помнить о «скрытой безработицѣ» необходимо еще и потому, что очень широко распространена легенда о томъ, что война принесла съ собою для рабочихъ высокіе заработки. Какъ видимъ, даже въ Англіи, въ цѣломъ рядѣ отраслей промышленности, рабочіе не могутъ выработать и тѣхъ суммъ, которыя они получали до войны. Что же касается остальныхъ слоевъ рабочаго класса, работающихъ безъ сокращенія времени, то и ихъ реальная заработная плата не такъ высока, какъ это утверждаютъ лица, не давшія себѣ труда внимательно разсмотрѣть этотъ вопросъ. Сокращеніе производства товаровъ, необходимыхъ для потребленія широкихъ массъ, способствовало ихъ вздорожанію, и вмѣстѣ съ другими причинами дороговизна еще выше подняла розничныя цѣны на предметы первой необходимости. Правда, это повышеніе въ теченіе второго года войны было менѣе сильно, чѣмъ въ первый годъ, когда оно равнялось 34%; во второй же годъ цѣны поднялись на 19%. Но если цѣны до войны принять за 100, то для іюля 1916 г. онѣ будутъ равняться 160.

Средній % повышенія розничныхъ цѣнъ, по сравненію съ іюлемъ 1914 г., въ началѣ каждаго мѣсяца, со времени начала войны, для всей Англіи равнялся:

	%		%
сентябрь 1914. .	10	сентябрь 1915. .	35
октябрь „ . .	12	октябрь „ . .	40
ноябрь „ . .	13	ноябрь „ . .	41
декабрь „ . .	16	декабрь „ . .	44
январь 1915. .	18	январь 1916. .	45
февраль „ . .	22	февраль „ . .	47
мартъ „ . .	24	мартъ „ . .	48
апрѣль „ . .	24	апрѣль „ . .	49
май „ . .	26	май „ . .	55
іюнь „ . .	32	іюнь „ . .	59
іюль „ . .	32½	іюль „ . .	61
августъ „ . .	34	августъ „ . .	60
		сентябрь „ . .	65

Августъ 1916 г. принесъ первое пониженіе цѣнъ, правда очень незначительное (на 1%). Пониженіе это вызвано паденіемъ цѣны картофеля, сыра и привознаго мяса.

Необходимо принять во вниманіе, что въ Англіи за время войны плата за квартиры рабочихъ не возросла, а остальные расходы, помимо расходовъ на пищу, поднялись въ среднемъ не такъ высоко, какъ на продукты. Въ среднемъ, расходы рабочей семьи на пищу, квартиру, отопленіе, освѣщеніе и проч. съ іюля 1914 г. по августъ 1916 г. повысились на 40—45%, не считая повышенія налоговъ и предполагая, что уровень жизненныхъ потребностей не измѣнился подъ вліяніемъ военныхъ условій.

Это повышеніе шло одновременно съ цѣлымъ рядомъ шаговъ со стороны предпринимателей, свидѣтельствовавшихъ, что провозглашенное «промышленное перемиріе» (industrial truce) или гражданскій миръ понимается ими слишкомъ односторонне. Для рабочихъ массъ Англіи скоро стало ясно, что буржуазія и не думаетъ бросать свой старый лозунгъ «наживайтесь, какъ всегда». Повышеніе прибылей, ростъ цѣнъ на продукты, замѣна мужчинъ женщинами съ меньшей оплатой, широкое примѣненіе необученныхъ рабочихъ, все это показало, что утверждать, что существуетъ «гражданскій миръ» — является лицемѣріемъ. Классовая борьба вновь приняла свои обычныя формы, и какъ въ первый, такъ и во второй годъ войны забастовочная волна захватывала самые разнообразные слои рабочихъ. Число забастовокъ по мѣсяцамъ второго года войны видно изъ слѣдующей таблицы: (см. табл. на стр. 103).

Какъ видимъ, большинство забастовокъ возникло изъ-за требованія рабочихъ повысить заработную плату. Далеко не всѣ онѣ кончились въ пользу рабочихъ, но вліяніе ихъ было безусловно велико. Въ теченіе 1915 г. прибавку къ заработной платѣ на время войны получили 3.165.000 человѣкъ (не считая матросовъ, желѣзнодорожныхъ, с.-х. рабочихъ, полицейскихъ и правительственныхъ служащихъ) на 603.100 ф. с. въ недѣлю, въ среднемъ около 3 ш. 10 п. на человѣка, а въ теченіе первыхъ семи мѣсяцевъ 1916 г. — 2.356.000 чел. на 303.500 ф. с. въ недѣлю, въ среднемъ на 2 ш. 6 п. на человѣка.

Какъ распредѣлялись эти прибавки по профессіямъ видно изъ слѣдующей таблицы: (см. табл. на стр. 104).

Прибавки коснулись довольно многочисленной группы рабочихъ; но не надо забывать, что въ перечисленныхъ въ таблицѣ профессіяхъ рабочихъ по переписи 1911 г. значилось 11.555.332 человѣка. Слѣдовательно, принимая даже во вниманіе ушедшихъ на войну, большинство рабочихъ осталось при старомъ заработкѣ.

Мѣсяцъ и годъ.	Число забастовокъ.	Число рабочихъ.	Число забастов. изъ-за заработн. платы.	Какъ окончилась забастовка.			
				Въ пользу рабочихъ.	Въ пользу хозяевъ.	Компромис.	При условіи продолж. переговор.
Августъ 1915 г. . .	49	26,863	—	—	—	—	—
Сентябрь „ . .	55	16,339	31	9	19	18	6
Октябрь „ . .	47	13,376	29	13	16	14	6
Ноябрь „ . .	40	9,169	18	12	13	9	3
Декабрь „ . .	17	3,145	10	4	2	2	5
Январь 1916 г. . .	38	9,216	28	9	6	13	7
Февраль „ . .	38	9,852	25	9	16	6	9
Мартъ „ . .	44	54,320	23	5	18	10	6
Апрѣль „ . .	55	10,899	43	13	8	27	3
Май „ . .	41	14,513	23	12	10	17	9
Іюнь „ . .	37	21,540	22	12	11	12	4
Іюль „ . .	31	25,330	20	6	8	12	2
За 2-й годъ войны .	492	214,592	272				
За 1-й годъ войны .	507	352,879					
Первые 7 мѣсяцевъ 1915 г.	414	343,680	дней 2,333,700				
Первые 7 мѣсяцевъ 1916 г.	343	161,777	1,962,100				

Отрасли промышленности.	Число рабоч., о котор. сообщ., что ихъ заработная плата измѣнилась въ		Повышеніе или пониж. еженед. заработ. по сравн. съ предыдущ. годами въ ф. с.		Январь—Іюль 1916 г.	
	1914 г.	1915 г.	1914 г.	1915 г.	Число рабочихъ.	Сумма приб. въ недѣлю въ фунт. стерл.
Строительная	134,000	110,000	+13,600	+ 13,900	154,000	23,300
Угольныя копи . . .	364,000	859,000	—26,400	+269,200	852,000	138,500
Желѣзн. и др. рудн.	21,000	22,000	— 2,200	+ 6,400	21,000	5,500
Каменоломни. . . .	12,000	11,000	+ 1,000	+ 1,300	6,000	1,100
Чугунолитейная . .	18,000	24,000	— 1,400	+ 7,400	24,000	5,500
Желѣзн., стальная. .	49,000	87,000	— 3,100	+ 24,900	75,000	19,800
Лѣснич., судостроит.	188,000	600,000	+14,500	+108,800	169,000	13,300
Проч. на обр. мебел.	25,000	130,000	+ 1,150	+ 22,300	59,000	10,800
Текстильная	23,000	597,000	+ 1,400	+ 45,800	675,000	49,000
Пронзв. платья . . .	6,000	99,000	+ 650	+ 11,000	62,000	5,400
Транспортная	25,500	176,000	+ 5,000	+ 38,100	108,000	17,400
Писчеб., печат. и пр.	20,000	45,000	+ 1,900	+ 4,700	22,000	2,000
Хим.,стек.,кирп.,гонч.	26,500	110,000	+ 1,900	+ 12,200	53,000	3,400
Розничная	29,000	185,000	+ 3,600	+ 25,800	38,000	4,600
Мѣстное самоуправл.	19,000	110,000	+ 1,600	+ 11,300	38,000	3,900
	960,000	3,165,000	+13,200	+603,100	2,356,000	303,500

Посмотримъ, какъ вслѣдствіе роста цѣнъ за это время измѣнялся средній бюджетъ рабочей семьи. Это видно изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	ш.	п.	Года	ш.	п.	Года	ш.	п.
1892. .	22	10	1900. .	22	0	1908. .	23	7
1893. .	21	10	1901. .	22	1	1909. .	23	7
1894. .	20	9	1902. .	22	2	1910. .	24	0
1895. .	20	4	1903. .	22	5	1911. .	24	0
1896. .	20	2	1904. .	22	6	1912. .	25	1
1897. .	21	0	1905. .	22	7	1913. .	25	2
1898. .	21	0	1906. .	22	5	1914. .	25	8
1899. .	21	0	1907. .	23	2			

Для того, чтобы закупить необходимые товары въ обычномъ количествѣ по цѣнамъ, стоявшимъ на 1 іюля 1915 г., надо было израсходовать болѣе 33 ш., а 1 августа 1916 г.—около 40 ш., т.-е. на 14 ш. 4 п. больше, чѣмъ въ 1914 г.—Вспомнимъ, что увеличеніе заработной платы выразилось въ среднемъ въ 1915 г. въ 3 ш. 10 п., а въ первые семь мѣсяцевъ 1916 г.—2 ш. 6 п. Слѣдовательно, реальная заработная плата и тѣхъ англійскихъ рабочихъ, которыхъ коснулось повышеніе, далеко отстала отъ повышенія цѣнъ на продукты.

Дороговизна продуктовъ, наиболѣе рѣзко проявившаяся во время войны, стала давать себя чувствовать съ 1896 г. Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ въ Англіи было 3 періода повышенія заработной платы и 2—пониженія:

	Число лѣтъ.	Повышеніе или пониженіе недѣльной платы. Повышеніе въ періодъ подъема платы.	Пониженіе въ періодъ паденія заработной платы.
1896—1900 . .	5	437.641 ф. с.	—
1901—1905 . .	5	—	288.909 ф. с.
1906—1907 . .	2	258.809 ф. с.	—
1908—1909 . .	2	—	128.093 ф. с.
1910—1914 . .	5	380.457 ф. с.	—
1915. . . .	1	603.100 ф. с.	—

Сопоставляя ростъ заработной платы съ ростомъ цѣнъ на продукты, мы видимъ, что *эти 20 лѣтъ для англійскаго рабочаго были годами абсолютнаго ухудшенія его положенія, а во время войны это проявилось особенно рѣзко.* Слѣдующая таблица подтверждаетъ этотъ выводъ.

Если заработную плату 1900 г. и цѣны на продукты принять за 100, то онѣ равнялись: (См. табл. на стр. 106).

Итакъ, мы видимъ, что провозглашенное въ Англіи сторонниками войны „промышленное перемиріе“ оказалось выгоднымъ лишь одной сторонѣ: предпринимателямъ. Рабочихъ оно лишило многихъ завоеваній. Оно расшатало ихъ организаціи. Оно не только не съумѣло сохранить ихъ положеніе на обычномъ уровнѣ, но ухудшило его. Изъ-за его провозглашенія рабочіе прекратили забастовки, пріостановили выполненіе своихъ организаціонныхъ плановъ. Такъ, союзъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ отложилъ выполненіе своей національной программы; не были также осуществлены ни планъ объединенія транс-

Годы:	Заработная плата.								Цѣны на продукты:	
	Строительные рабочіе.	Углекопы.	Механическіе.	Текстильные.	Сельско-хозяйственные раб.			Средняя плата.	Розничн. въ Лондонѣ (на 23 прод.).	Оптовая.
					Англія и Уэльсъ.	Шотландія.	Ирландія.			
1896	93,3	71,9	96,7	95,0	93,1	94,4	97,0	90,2	91,7	93,3
1897	94,4	72,6	98,2	95,0	93,9	98,2	97,3	91,1	95,5	97,4
1898	97,8	78,6	99,2	95,0	95,7	95,6	97,7	93,1	99,5	102,2
1899	98,9	83,5	99,6	98,2	97,1	98,4	99,4	95,6	95,4	98,0
1900	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1901	100,0	94,0	100,3	100,0	100,7	100,3	101,0	99,0	100,4	100,1
1902	100,0	87,5	100,3	100,0	101,1	100,6	102,2	97,8	101,0	101,4
1903	100,0	84,9	99,9	100,0	101,2	101,8	103,4	97,3	102,8	100,6
1904	100,0	82,3	99,9	100,0	101,4	100,9	103,7	96,8	102,4	101,2
1905	100,0	81,0	100,0	102,7	101,7	101,2	105,4	97,3	102,8	101,2
1906	100,0	83,4	100,3	106,2	102,0	101,4	105,6	98,7	102,0	101,0
1907	100,0	96,3	102,0	108,9	102,0	104,3	106,2	102,1	105,0	105,5
1908	100,0	93,3	101,7	108,9	102,4	102,6	107,2	101,5	107,5	107,0
1909	100,0	89,2	101,3	107,1	102,6	102,8	108,1	100,3	107,6	108,7
1910	100,0	89,6	102,0	107,1	103,1	103,1	109,6	100,7	109,4	109,2
1911	100,0	88,8	103,3	107,1	103,2	104,1	112,1	100,9	109,4	111,6
1912	101,1	93,8	104,2	110,7	104,9	106,4	114,2	103,4	114,5	119,9
1913	104,4	100,1	105,0	111,6	109,0	108,5	117,8	106,5	114,8	117,7
1914	—	—	—	—	—	—	—	—	116,8	121,0
1915	—	—	—	—	—	—	—	—	148,6	154,1

портныхъ рабочихъ и чернорабочихъ, ни планъ объединенія трехъ сильныхъ союзовъ: углекоповъ, желѣзнодорожныхъ и транспортныхъ. Нынѣ довольно многочисленная часть сознаетъ, что была совершена ошибка, и своей классовой борьбой они спѣшатъ наверстать потерянное. Но это сознаніе куплено дорогой цѣной. Мы уже говорили о несоотвѣтствіи заработной платы и цѣнъ на продукты; теперь посмотримъ, какъ отозвались на рабочемъ классѣ тѣ экстренныя мѣры, которыя были приняты въ предпріятіяхъ, исполняющихъ военные заказы. Рабочій день удлиненъ. Помимо введенія сверхурочныхъ работъ, широко распространено примѣненіе ночного труда, не только мужчинъ, но и женщинъ. Введены работы по воскресеньямъ, и это въ Англіи, гдѣ такъ свято чтится этотъ день.

То, что такія мѣры должны отозваться плохо на положеніи рабочаго класса, было учтено сравнительно скоро, и въ результатѣ въ сентябрѣ 1915 года была организована особая комиссія по вопросу о здоровьѣ рабочихъ, работающихъ въ предпріятіяхъ, выполняющихъ военные заказы. Эта комиссія предложила назначить особыхъ попечителей о благосостояніи рабочихъ.

Работы этой комиссіи и попечителей довольно скоро обнаружили, что возстановленіе тѣхъ условій, при которыхъ въ Англіи работали нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, и противъ которыхъ рабочіе такъ долго боролись, отбросило рабочихъ далеко назадъ.

Въ докладѣ о столовыхъ для рабочихъ [1]) комиссія констатируетъ, что, хотя рабочіе теперь питаются пищей лучшаго качества, но большое число рабочихъ обоего пола получаетъ ее въ недостаточномъ количествѣ и потому не въ состояніи пополнять свои силы, которыя они тратятъ на тяжелой, интенсивной работѣ, при длинномъ рабочемъ днѣ. Это происходитъ особенно потому, что рабочіе, работающіе по ночамъ и живущіе далеко отъ фабрики, не могутъ брать съ собою достаточное количество пищи. Принесенная ими пища бываетъ или слишкомъ однообразна, или не питательна, или быстро портящаяся. Невозможность правильно питаться приводитъ къ развитію алкоголизма. Для устраненія всѣхъ этихъ условій комиссія рекомендовала устройство столовыхъ при фабрикахъ и заводахъ.

Въ другомъ своемъ докладѣ комиссія разсматриваетъ вопросъ о праздничныхъ работахъ. [2]) Комиссія опросила большое число предпринимателей и рабочихъ и посѣтила фабрики и заводы въ различ-

---

[1]) Report on Industrial Cantens. Ministry of Munitions. Cd. 8133.

[2]) Report on Sunday Labour. (Cd. 8123).

ныхъ частяхъ страны. Выяснилось, что большинство предпринимателей нерасположено къ праздничнымъ работамъ, но фактически эти работы широко распространены, или изъ-за экстренныхъ заказовъ, или изъ-за желанія рабочихъ получить увеличенную плату. Возраженія хозяевъ противъ праздничныхъ работъ сводятся къ указаніямъ на то, что онѣ дѣлаютъ слишкомъ затруднительнымъ наблюденіе за рабочими, такъ какъ очень утомляютъ надсмотрщиковъ и самихъ рабочихъ, что отзывается плохой выработкой въ будни. Многіе изъ хозяевъ утверждали, что выработка при семи рабочихъ дняхъ въ недѣлю равна выработкѣ при шести дняхъ. Представители тредъюніоновъ указывали, что хотя сперва праздничная работа была очень популярна среди рабочихъ, теперь рабочіе испытываютъ потребность въ отдыхѣ, что вызывается переутомленіемъ.

О работѣ женщинъ говоритъ четвертый докладъ комиссіи. [1]) Работа женщинъ происходитъ не только днемъ: воскресла ночная работа женщинъ. Эти работы будутъ имѣть серьезныя послѣдствія; въ нихъ принимаетъ участіе большое число женщинъ, какъ замужнихъ, такъ и молодыхъ дѣвушекъ самыхъ разнообразныхъ профессій. Къ работницамъ по снабженію арміи относятся: портнихи, прачки, текстильныя работницы, прислуга, конторщицы, приказчицы, студентки и лица интеллигентныхъ профессій. Среди нихъ имѣются представительницы всѣхъ слоевъ общества; многія изъ нихъ никогда не жили на собственный заработокъ, особенно жены и вдовы солдатъ; многія вернулись къ работѣ уже послѣ того, какъ когда-то совершенно оставили ее. На работу онѣ вступали, совершенно не справляясь объ условіяхъ ея и не обращая вниманія на то, что работа производитъ губительное вліяніе на ихъ здоровье. Ночныя работы принесли съ собою, какъ и можно было ожидать по прошлому опыту, недосыпаніе женщинъ, принужденныхъ днемъ выполнять работы по своему хозяйству, и губительное вліяніе на дѣтей, —и вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшило и качество работы. Быстро обнаружились и результаты недоѣданія, неизбѣжнаго при ночной работѣ. Переутомленію женщинъ, работающихъ какъ днемъ, такъ и ночью, способствовало еще и то обстоятельство, что теперь не рѣдкость и для Англіи, что работницѣ приходится потратить часа 2 или 3 на дорогу, почти всегда при утомительныхъ условіяхъ, въ переполненныхъ трамваяхъ и поѣздахъ, тратя много времени на ожиданіе и много упорной борьбы на то, чтобы получить хотя бы мѣсто для стоянія. День у нихъ начинается въ 4 часа утра, а то и въ 3 ч. 30 мин., работа въ 6 ч.; четырнадцать часовъ онѣ проводятъ на фабрикѣ, послѣ

[1]) Employment of Women (Cd. 8185).

чего онѣ тратятъ еще 2 или 2 ½ часа на возвращеніе домой, куда попадаютъ ночью въ 10 ч., а то и въ половинѣ одиннадцатаго. Но и послѣ такого утомительнаго дня онѣ не могутъ отдохнуть, такъ какъ квартиры рабочихъ переполнены, *и нынѣ, какъ до изданія фабричныхъ законовъ, вновь въ нихъ постели никогда не остываютъ, а комнаты никогда не провѣтриваются, такъ какъ и онѣ, какъ и ихъ жильцы, заняты посмѣнно.* Можетъ ли существовать при такихъ условіяхъ что-нибудь похожее на семейный очагъ?—спрашиваетъ комиссія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ докладѣ утверждается, что среди женщинъ-работницъ имѣется большое число совершенно непригодныхъ для работы и требующихъ немедленнаго леченія. Въ заключеніе докладъ говоритъ, что если длинный рабочій день, отсутствіе внима‘тельнаго и заботливаго наблюденія, невозможность получить хорошую здоровую пищу, затруднительность дороги на работу и обратно будутъ продолжаться долгій періодъ, то производительность труда женщинъ безъ сомнѣнія понизится.

Въ пятомъ докладѣ комиссіи о продолжительности рабочаго дня [1]) разсматривается вопросъ о сверхурочныхъ, смѣнныхъ и ночныхъ работахъ вообще. Противъ сверхурочныхъ работъ комиссія выдвигаетъ, помимо указаній на переутомленіе рабочихъ и надсмотрщиковъ и уменьшеніе ихъ работоспособности, и указаніе на ростъ алкоголизма, вызываемаго ими. Высказываясь за устройство смѣнъ вмѣсто сверхурочныхъ работъ, докладъ подчеркиваетъ, что мужчины всюду работаютъ по 12 часовъ въ смѣну, и считаетъ это нормальнымъ, несмотря на то, что тутъ же признаетъ, что ночная работа уменьшаетъ выработку, вызываетъ недосыпаніе рабочихъ и заставляетъ рабочихъ недоѣдать.

Въ седьмомъ докладѣ комиссія разсматриваетъ вопросъ о промышленной усталости и ея причинахъ. [2]) Изслѣдуя этотъ вопросъ, комиссія нашла, что на очень многихъ предпріятіяхъ, исполняющихъ военные заказы, со стороны рабочихъ, и главнымъ образомъ болѣе интеллигентныхъ изъ нихъ, поступаютъ жалобы на то, что они переутомлены и „выдохлись“; эта „изношенность“, судя по различнымъ показаніямъ, *становится все болѣе общей и очевидной.* По объясненіямъ опытныхъ управляющихъ и врачей, такое положеніе всецѣло создано постоянной чрезмѣрно длинной работой и лишеніемъ еженедѣльнаго отдыха. Состояніе переутомленности сопровождается

[1]) Hours of Work (Cd. 8186).
[2]) Industrial Fatigue and its Causes (Cd. 8213).

не только сонливостью и безразличнымъ отношеніемъ, но и страстнымъ желаніемъ перемѣны и возбужденія. Безъ сомнѣнія, это и приводитъ къ употребленію спиртныхъ напитковъ. Беря страну въ цѣломъ, комиссія считаетъ себя обязанной отмѣтить, что, по ея мнѣнію, вообще рабочіе въ предпріятіяхъ, выполняющихъ военные заказы, были поставлены въ такое положеніе, при которомъ ихъ *работоспособность и здоровье понизились*, что могло бы быть устранено, если-бы своевременно были приняты мѣры, обезпечивающія рабочимъ отдыхъ.

Такъ отразился „гражданскій миръ“ на англійскомъ пролетаріатѣ.

II.

Вліяніе войны на положеніе рабочаго класса въ британскихъ колоніяхъ можетъ быть учтено теперь нѣсколько точнѣе, чѣмъ годъ назадъ.

Въ *Австраліи* война вызвала сперва усиленіе % безработныхъ; потомъ, съ отливомъ мужчинъ на войну, началось его сокращеніе. Это видно изъ слѣдующей таблицы:

1914 г.	% безработныхъ.	1915 г.	% безработныхъ.
3 четверть . .	9.6	1 четверть . .	11.1
4 „	10.1	2 „ . .	8.4
		3 „ . .	7.8
		4 „ . .	5.9

Что касается роста цѣнъ на продукты, то онъ хотя и ниже, чѣмъ въ Англіи, но все же значителенъ,—болѣе 30%.

Забастовочное движеніе развивалось во время войны слѣдующимъ темпомъ:

Въ 4 четверти	1914 г.	было	78	забастовокъ съ	14,773	участниками
„ 1 „	1915 г.	„	67	„	14,932	„
„ 2 „	„	„	51	„	9,050	„
„ 3 „	„	„	91	„	20,080	„
„ 4 „	„	„	149	„	37,228	„

Результатомъ вліянія роста цѣнъ и забастовочнаго движенія было повышеніе заработной платы:

Въ 1 чет.	1915 г.	въ	17	случ.	3617 ч.	прич.	на	1 ч.	въ нед.	прих.	4 ш.	9 п.
» 2 »	1915 »	»	74	»	18,987 »	»	»	1 »	» »	»	5 »	— »
» 3 »	1915 »	»	96	»	37,167 »	»	»	1 »	» »	»	4 »	11 »
» 4 »	1915 »	»	209	»	131,090 »	»	»	1 »	» »	»	5 »	6 »

Повышеніе цѣнъ на продукты коснулось и *Новой Зеландіи*. Съ іюля 1914 года по августъ 1915 года расходы на пищу у рабочей семьи повысились съ 19 ш. 8½ п. до 22 ш. 11½ п. или на 16, 5%. Согласно сообщенію въ The Board of Trade его Новозеландскаго представителя отъ 8-го мая 1916 г. „заработная плата всюду проявила тенденцію къ повышенію, что явилось результатомъ требованій рабочихъ компенсировать ихъ за ростъ цѣнъ на продукты. По большей части повышеніе было достигнуто безъ конфликтовъ и выразилось соглашеніемъ на 10% прибавки, даваемой въ видѣ военной прибавки. . . . . Цѣны на необходимые предметы продолжаютъ расти, а вмѣстѣ съ этимъ замѣчается, особенно въ Уелингтонѣ, недостатокъ квартиръ, что ведетъ къ повышенію цѣнъ на нихъ. Это создаетъ серьезное осложненіе для всѣхъ классовъ. Рабочіе недавно посылали депутацію къ премьеру въ надеждѣ, что правительство возьметъ дѣло въ свои руки и или урегулируетъ цѣны, или построитъ новыя зданія.“

Въ *Канадѣ* спросъ на рабочихъ весной 1916 г. сталъ значителенъ. Повышеніе цѣнъ на продукты по сравненію съ іюлемъ 1914 г. достигло 15%

Ростъ цѣнъ вызвалъ забастовочное движеніе.

III.

Перейдемъ теперь къ *Франціи*. Извѣстія изъ нея поступаютъ очень скупо; въ первый годъ войны о положеніи въ ней рабочаго класса было почти ничего неизвѣстно; во второй годъ начали поступать свѣдѣнія и изъ нея.

Вліяніе войны на промышленность и торговлю Франціи обслѣдовалось нѣсколько разъ фабричными инспекторами подъ руководствомъ министерства труда. Отчеты объ этихъ обслѣдованіяхъ печатались въ въ „Bulletin du Ministère du Travail et de la Prevoyance Sociale“. Результаты пятаго обслѣдованія, относящагося къ январю 1916 года, мы приводимъ ниже. Обслѣдованію подверглись 49,501 предпріятіе, на которыхъ до войны работали 1,690,453 человѣка. Въ августѣ 1914 г., немедленно послѣ объявленія войны, 52% этихъ предпріятій съ 66% общаго числа рабочихъ прекратили работу; такимъ образомъ продолжали работать только 48% предпріятій съ 34% рабочихъ. Потомъ произошло улучшеніе положенія, развитіе котораго видно изъ слѣдующей таблицы:

% работающихъ.	Августъ 1914 г.	Октябрь 1914 г.	Январь 1915 г.	Апрѣль 1915 г.	Іюль 1915 г.	Октябрь 1915 г.	Январь 1916 г.
Предпріятія . .	48	57	65	71	76	80	81
Рабочіе . . .	34	44	56	62	68	74	77

Общій процентъ работающихъ въ предпріятіяхъ, которыхъ коснулось обслѣдованіе, въ январѣ 1916 г. равнялся 77, но для отдѣльныхъ округовъ онъ очень разнообразенъ: крайними цифрами являются 52 (Шанси) и 98 (Ліонъ). Очевидно, въ округахъ, лежащихъ ближе къ театру военныхъ дѣйствій, положеніе хуже, чѣмъ въ другихъ.

Вычитая 77% изъ общаго числа рабочихъ и получая 23, мы не должны разсматривать этотъ остатокъ, какъ показатель числа безработныхъ, такъ какъ изъ него надо вычесть лицъ мобилизованныхъ. По офиціальному опредѣленію, послѣднее число равняется 24% общаго числа рабочихъ, работавшихъ до войны. Такимъ образомъ общее число работающихъ въ январѣ 1916 г. превосходитъ на 1% число работавшихъ въ августѣ 1914 г.

Постепенное уменьшеніе % безработныхъ въ теченіе періода между двумя этими данными видно изъ слѣдующей таблицы:

	Августъ 1914 г.	Октябрь 1914 г.	Январь 1915 г.	Апрѣль 1915 г.	Іюль 1915 г.	Октябрь 1915 г.	Январь 1916 г.
Мобилизовано .	24	24	24	24	24	24	24
Работаетъ . . .	33	44	56	62	68	74	77
Безработныхъ .	43	32	20	14	8	2	1
Всего. . . .	100	100	100	100	100	100	100

При распредѣленіи безработныхъ по профессіямъ оказывается, что положеніе очень различно; такъ для группы „обработка драгоцѣнныхъ металловъ“ оно опредѣляется въ январѣ 1916 г. въ + 38%, а для группы „рабочіе механическихъ заводовъ“ въ — 36%. Знакъ минусъ означаетъ, что въ эту профессію перешли рабочіе, не работавшіе въ ней до войны.

Изслѣдованія обнаружили очень большое увеличеніе числа женщинъ, занятыхъ въ промышленности; но во французскомъ департаментѣ труда нѣтъ объ этомъ точныхъ данныхъ. Извѣстно лишь, что къ 1-му января 1916 г. въ предпріятіяхъ, выполняющихъ военные

заказы, было занято 109,300 женщинъ; причемъ на частныхъ заводахъ и фабрикахъ онѣ составляли 11, 2% всего числа рабочихъ.

Посмотримъ теперь, каково экономическое положеніе французскихъ рабочихъ во время войны. Судя по докладу г. Пикенара, прочитанному имъ передъ l'Alliance d'Hygiene Sociale [1]), закрытіе послѣ объявленія войны болѣе чѣмъ половины промышленныхъ предпріятій внезапно лишило заработка болѣе 2,000,000 человѣкъ. Продолжали работать 3,000,000, но и они не получали своего обычнаго заработка. Тѣ изъ нихъ, которые получали повременную плату, стали работать меньшее количество часовъ или же получать меньшую плату; у получавшихъ сдѣльную плату въ нѣкоторыхъ случаяхъ она была также сокращена. Въ отрасляхъ промышленности, гдѣ работаютъ преимущественно мужчины, плата была сокращена въ рѣдкихъ случаяхъ; но тамъ, гдѣ работали главнымъ образомъ женщины, сокращенія были многочисленны. Одно изъ официальныхъ обслѣдованій установило, что 85% крупныхъ парижскихъ фирмъ по изготовленію платья понизили заработную плату въ моментъ начала войны отъ 25 до 50%. Организація такихъ предпринимателей провела общее пониженіе въ 50%. Въ торговыхъ предпріятіяхъ повсюду уменьшили плату отъ 20 до 50%. Прислугѣ пришлось согласиться на пониженіе отъ 40 до 50%; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прислугѣ совершенно перестали платить жалованье. Нѣкоторые хозяева дѣлали заявленія о своихъ слугахъ, продолжавшихъ у нихъ работать, какъ о безработныхъ, и требовали для нихъ помощи изъ фонда для безработныхъ.

Въ октябрѣ 1914 года началось улучшеніе положенія; число безработныхъ упало до 2% работавшихъ въ мирное время. Но на заработной платѣ это улучшеніе отозвалось не всюду одинаково. Жалованье прислугѣ, какъ показываетъ одно обслѣдованіе, сдѣланное въ сентябрѣ 1915 г., осталось процентовъ на 30 и даже на 40 ниже нормальнаго. Положеніе конторщиковъ и приказчиковъ было лучше. Въ крупныхъ фирмахъ стали платить прежнее жалованіе, но остальныя продолжали давать меньше. Въ нѣкоторыхъ фирмахъ повысили жалованіе въ видѣ компенсаціи за сокращеніе комиссіонныхъ. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ англійскія войска увеличили торговлю, были сдѣланы прибавки сверхъ нормальнаго жалованія. Въ предпріятіяхъ, исполняющихъ военные заказы, въ транспортныхъ и по изготовле-

---

[1]) Опубликованъ въ Revue Bleue отъ 29-го янв.—5-го февр. 1916 г. цитируемъ по „Labour Gasette."

нію пищевыхъ продуктовъ также были сдѣланы прибавки. Но онѣ коснулись, главнымъ образомъ, обученныхъ рабочихъ или особенно сильныхъ физически. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ поденная плата была замѣнена сдѣльной, повышеніе коснулось и необученныхъ рабочихъ. Отчеты фабричныхъ инспекторовъ говорятъ о повышеніяхъ заработной платы во многихъ отрасляхъ промышленности на сѣверѣ Франціи и въ Нормандіи. Получили повышеніе доковые рабочіе и строительные въ округѣ Калэ, гдѣ строятся казармы для англичанъ.

Заработная плата женщинъ, работающихъ на фабрикахъ, въ особенности по изготовленію пищевыхъ продуктовъ, и работающихъ на оборону, была возстановлена до нормы. Но въ текстильной отрасли промышленности заработная плата осталась ниже нормы. Въ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ мужчины были замѣнены женщинами, онѣ стали получать больше, чѣмъ получали раньше, но меньше, чѣмъ мужчины, которыхъ онѣ замѣнили. Повышеніе заработной платы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно произошло, состоялось въ результатѣ требованій рабочихъ, которыхъ толкнуло на это вздорожаніе продуктовъ. Мужчины въ этомъ отношеніи оказались счастливѣе женщинъ, а промышленные рабочіе—торговыхъ служащихъ и прислуги. Стачки, по словамъ Пикенара, были рѣдки; онъ насчитываетъ ихъ съ 1-го августа 1914 г. по 1-ое декабря 1915 года всего 97 съ 9,110 участниками. Это число не велико; оно свидѣтельствуетъ, что во Франціи во время войны методы классовой борьбы были пролетаріатомъ почти оставлены.

Таково нынѣ положеніе французскаго рабочаго. Оно тѣмъ болѣе печально, что повышеніе цѣнъ на продукты и во Франціи было очень значительно: судя по сообщенію Бориса Воронова въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ, [1]) оно достигло отъ 50 до 150%; слѣдовательно, война принесла французскому рабочему болѣе значительное ухудшеніе положенія, чѣмъ англійскому.

IV.

Положеніе промышленности въ *Германіи* въ теченіе второго года войны не претерпѣло какихъ либо существенныхъ измѣненій, по сравненію съ положеніемъ въ первый годъ. Работы продолжали итти напряженнымъ темпомъ въ большинствѣ отраслей промышленности. Исключеніе составляли текстильная отрасль и производство одежды, что вызывалось, по словамъ майскаго отчета (1916 г.) Reichsarbeitsblatt'a, „необходимостью заботливой экономіи въ текстильныхъ товарахъ и

[1]) № 223, 1916 г.

одеждѣ". Затишье было и въ строительномъ дѣлѣ. Слѣдовательно, передъ нами тоже противорѣчіе, что и въ Англіи.

% безработныхъ членовъ профессіональныхъ союзовъ за второй годъ войны измѣнился очень мало. До марта 1916 онъ понижался, а въ апрѣлѣ и маѣ произошло небольшое повышеніе.

Недостатокъ въ рабочихъ мужчинахъ становится въ Германіи все острѣе, и все большее число женщинъ втягивается въ работу въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Это видно изъ слѣдующей сводной таблицы о числѣ предложеній труда на германскихъ биржахъ труда.

По даннымъ биржъ труда на каждыя 100 свободныхъ мѣстъ желающихъ поступить было:

	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ	Сентябрь	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь
1914 года.												
Мужчинъ	—	218	173	161	172	168	—	248	200	154	140	124
Женщинъ	—	97	92	94	100	101	—	202	183	191	189	158
1915 года.												
Мужчинъ	125	113	98	100	99	96	98	98	89	89	89	90
Женщинъ	167	172	152	165	158	157	165	165	170	182	179	151
1916 года.												
Мужчинъ	84	86	81	87	88	80	77	—	—	—	—	—
Женщинъ	163	167	155	162	162	158	154	—	—	—	—	—

Объ этомъ же недостаткѣ свидѣтельствуетъ слѣдующій отрывокъ изъ характернаго документа, изданнаго прусскимъ военнымъ министерствомъ и перепечатаннаго въ „Soziale Praxis" отъ 27-го апрѣля:

„Отнынѣ высшимъ принципомъ долженъ быть слѣдующій: — Всѣ мужчины, „годные для поля сраженій", которые все еще работаютъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ, должны быть немедленно замѣнены другими рабочими. Никакихъ просьбъ объ оставленіи мужчинъ, способныхъ служить: пользуйтесь только тѣми мужчинами, которые на это не способны. Если всѣ усилія найти такихъ мужчинъ потерпятъ неудачу, и если работа настоятельно важна для хода войны, —то и тогда обращайтесь не за „мужчинами, годными для поля

сраженій", а за тѣми, кто годенъ только для гарнизона и нестроевой службы."

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣній объ условіяхъ, царящихъ въ германской промышленности во время войны. Есть лишь данныя, свидѣтельствующія о сильнѣйшемъ вздорожаніи продуктовъ и безтоварьѣ. Вздорожаніе продуктовъ въ Берлинѣ къ іюню 1914 года, въ среднемъ, достигало 117,6% (см. приложеніе I на стр. 126).

Забастовочное движеніе въ Германіи было слабымъ, и выступленіе рабочихъ большею частью кончалось въ пользу хозяевъ:

	Число забастов.	Локаут.	Число рабоч.	Какъ кончились столкнов. Въ пользу раб.	Хозяевъ.	Компромиссомъ.
Во втор. чет. 1915 г.	44	1	5,811	12	22	11
Въ третью 1915 г.	37	1	2,033	4	21	13

Въ *Австро-Венгріи* худшее положеніе у текстильныхъ рабочихъ и шляпочниковъ. Отъ того состоянія, въ которомъ оказалась промышленность Австро-Венгріи послѣ объявленія войны, она начала оправляться. По отношенію къ Венгріи—или вѣрнѣе къ Будапешту—это видно изъ измѣненія числа застрахованныхъ отъ несчастныхъ случаевъ. По венгерскому закону всѣ рабочіе фабрикъ и мастерскихъ, гдѣ работаетъ не менѣе 20 человѣкъ, должны быть застрахованы и состоятъ членами особыхъ обществъ. Число этихъ членовъ послѣ объявленія войны упало, а потомъ стало постепенно подниматься, что безусловно свидѣтельствуетъ объ увеличеніи спроса на рабочихъ (см. табл. на стр. 117).

Въ августѣ 1915 г. число застрахованныхъ было очень близко къ ихъ числу 26 го іюля 1915 г.; но кѣмъ было достигнуто пополненіе, изъ этой таблицы не видно. Наиболѣе правильнымъ будетъ предположить, что и въ Венгріи ушедшіе на войну мужчины были замѣнены женщинами.

Дороговизна продуктовъ въ Австро-Венгріи выше не только чѣмъ въ Англіи, но и чѣмъ въ Германіи: въ іюнѣ 1916 года цѣны стояли, въ среднемъ, на 148,9% выше, чѣмъ въ іюлѣ 1914 года.

Исключеніемъ являются цѣны на картофель, которыя стоятъ ниже цѣнъ въ іюлѣ 1914 года (см. приложеніе II на стр. 127).

Дороговизна продуктовъ коснулась и *Италіи* гдѣ ростъ цѣнъ во время войны, къ апрѣлю 1916 года, превысилъ 30%.

	Членовъ (лица застрахов.).			Членовъ (лица застрахов.).	
	Число.	Показат. отнош къ числу 26/VII.		Число.	Показат. отнош. къ числу 26/VII.
1914 года.			1915 годъ.		
Іюля 26-го . .	238,314	100,00	Январь	200,973	88,12
Августъ . . .	170,033	71,35	Февраль . . .	211,787	88,87
Сентябрь . . .	188,445	79,08	Мартъ	210,843	88,48
Октябрь . . .	201,912	84,73	Апрѣль . . .	215,908	90,60
Ноябрь	206,254	86,55	Май	217,406	91,23
Декабрь . . .	206,576	86,69	Іюнь	217,114	91,11
			Іюль	216,111	90,67
			Августъ . . .	223,462	93,77

16-го мая 1916 года былъ изданъ декретъ о максимальныхъ цѣнахъ на предметы первой необходимости и тѣ, *которые требуются въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности.* Декретъ этотъ касается ранѣе изданныхъ постановленій о реквизиціи для арміи и о максимальныхъ цѣнахъ на зерно, муку и сахаръ.

Забастовочное движеніе въ Италіи въ концѣ 1915 года было таково:

	Число забастовокъ	Число участниковъ.
Августъ 1915 года. . . .	34	4,212
Сентябрь „ „ . . .	46	35,613
Ноябрь „ „ . . .	43	7,790
Декабрь „ „ . . .	33	5,936

О недостаткѣ рабочихъ въ Италіи говоритъ королевскій декретъ отъ 2-го іюня 1916 года о порядкѣ полученія солдатъ для сельскохозяйственныхъ работъ и объ отпускахъ ихъ для этихъ работъ въ собственныхъ хозяйствахъ.

V.

Обостреніе нужды рабочаго класса произошло въ теченіе войны и въ нейтральныхъ странахъ. Война отразилась на числѣ безработ-

ныхъ и ростѣ цѣнъ на продукты. Измѣненіе % безработныхъ въ этихъ странахъ яснѣе отражаетъ общее положеніе, чѣмъ въ странахъ, принимающихъ въ войнѣ непосредственное участіе.

Въ *Голландіи* измѣненіе % безработныхъ членовъ профессіональныхъ союзовъ было таково:

	Августъ 1914 г.	Августъ 1915 г.	Январь 1916 г.	Апрѣль 1916 г.	Іюнь 1916 г.
Всѣ союзы	24,2	14,3	9,8	5,8	4,2
Союзъ рабочихъ въ алмазныхъ предпріятіяхъ. .	82,6	67,0	46,6	43,7	37,1
Исключая союзъ алмазныхъ рабочихъ. . . .	9,8	8,1	6,0	2,3	1,3

Измѣненіе % *безработныхъ членовъ профессіональныхъ союзовъ* шло слѣдующимъ темпомъ:

Въ Даніи.

Іюль 1914 г.	3,8%	Ноябрь 1915 г.	7,2%
Октябрь 1914 »	10,0 »	Декабрь 1915 »	11,8 »
Іюль 1915 »	3,7 »	Январь 1916 »	10,5 »
Августъ 1915 »	3,9 »	Мартъ 1916 »	8,8 »
Сентябрь 1915 »	3,6 »	Апрѣль 1916 »	4,5 »
Октябрь 1915 »	4,0 »	Іюнь 1916 »	2,0 »

Въ Норвегіи этотъ % былъ ниже:

31 октября 1914 г. . . .	2,9%	31 января 1916 г. . . .	2,1%
31 іюля 1915 » . . .	0,9 »	29 февраля 1916 » . . .	1,7 »
31 августа 1915 » . . .	1,2 »	31 марта 1916 » . . .	1,6 »
30 сентября 1915 » . . .	1,5 »	30 апрѣля 1916 » . . .	1,3 »
31 октября 1915 » . . .	1,3 »	31 мая 1916 » . . .	0,1 »
30 ноября 1915 » . . .	1,4 »	30 іюня 1916 » . . .	0,5 »
31 декабря 1915 » . . .	3,2 »		

Въ Швеціи значительно выше, чѣмъ въ Норвегіи:

Апрѣль 1915 г. . . .	11,2%	Октябрь 1915 г. . . .	3,5%
Май 1915 » . . .	8,5 »	Ноябрь 1915 » . . .	3,8 »
Іюнь 1915 » . . .	6,7 »	Декабрь 1915 » . . .	4,5 »
Іюль 1915 » . . .	6,3 »	Январь 1916 » . . .	7,7 »
Августъ 1915 » . . .	4,0 »	Февраль 1916 » . . .	8,0 »
Сентябрь 1915 » . . .	3,6 »	Мартъ 1916 » . . .	6,7 »

Ростъ цѣнъ на продукты въ нейтральныхъ странахъ былъ таковъ:
Въ *Даніи* (въ Копенгагенѣ) цѣны на продукты и другіе расходы повысились сравнительно съ іюлемъ 1914 года на %:

	Октябрь 1915 г.	Февраль 1916 г.	Іюль 1916 г.
Цѣны на продукты	32,0	33,4	45,9
Платье, обувь, стирка	18,5	33,3	60,0
Рента и ремонтъ	безъ пер.	3,6	3,6
Отопленіе и керосинъ	58,3	66,7	75,0
Газъ и электричество	безъ пер.	безъ пер.	
Медицинская помощь, взносы въ профессіональные союзы, налоги	»	»	безъ пер.
Другіе расходы	7,1	17,9	23,6
Всѣ группы	20,0	24,2	35,9

Въ Христіаніи (Норвегія) въ первую половину 1915 года расходы рабочей семьи повысились, по сравненію съ расходами въ первую половину 1914 г., въ среднемъ на 16,2%. Въ январѣ—февралѣ 1916 года они подверглись дальнѣйшему увеличенію:

	Повышеніе расходовъ въ январѣ — февралѣ 1916 года по сравненію съ	
	январемъ — февралемъ 1915 года.	январемъ — февралемъ 1914 года.
Расходы на пищу	18,4%	40,3%
» » освѣщ. и отопл.	39,3 »	65,6 »
» » одежду	22,7 »	31,0 »
» » квартиру	2,1 »	6,4 »
» » налоги	безъ пер.	2,6 »
Разные	16,8 »	31,9 »
Всѣ расходы по содерж. семьи.	16,8%	31,9%

Въ Швейцаріи повышеніе цѣнъ на продукты, по сравненію съ цѣнами въ іюнѣ 1914 года, достигло въ іюнѣ 1916 г. 39,5%.

Въ Испаніи на почвѣ движенія за повышеніе заработной платы изъ-за дороговизны продуктовъ 12-го іюля 1916 года въ Барцелонѣ начались забастовки желѣзнодорожныхъ и другихъ рабочихъ. Забастовочное движеніе изъ Барцелоны распространилось и на другіе центры. Наиболѣе сильно оно проявилось въ самой Барцелонѣ, гдѣ были закрыты всѣ фабрики; бастовали механическіе заводы, тек-

стильныя фабрики, матросы и желѣзнодорожники. 13-го іюля Мадридъ и охваченныя стачкой области были объявлены на военномъ положеніи. Забастовка желѣзнодорожниковъ кончилась 19-го іюля, при посредничествѣ департамента труда, взаимными уступками. Текстильные рабочіе и матросы ничего не добились.

Англійскій посланникъ, сообщившій объ этомъ движеніи, говоритъ, что причиной его было чудовищное (enormous) возрастаніе расходовъ на жизнь. Предприниматели же не сдѣлали уступокъ, находя, что вздорожаніе угля и другого топлива настолько увеличило издержки производства, что прибавка къ заработной платѣ немыслима.

VI.

Иная картина въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Громадные заказы, поступившіе изъ Европы, рѣзко измѣнили положеніе дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ, бывшее въ нихъ въ началѣ войны. Въ большинствѣ производствъ число рабочихъ значительно возросло; общая сумма заработка поднялась настолько, что совершенно опредѣленно свидѣтельствуетъ о повышеніи заработка отдѣльныхъ рабочихъ. Ростъ цѣнъ на продукты былъ, но онъ сравнительно невеликъ. Къ 15-му апрѣля 1916 г. цѣны на продукты увеличились:

на 2% по сравненію съ 15 марта 1916 г.
„ 10 „ „ „ „ 15 апрѣля 1915 г.
„ 13 „ „ „ „ 15 „ 1914 г.

Увеличеніе же числа рабочихъ занятыхъ въ промышленности, и ихъ заработной платы видно изъ слѣдующихъ 2 таблицъ, одна изъ которыхъ относится къ декабрю 1915 года, а другая—къ маю 1916 года (см. табл. на стр. 121).

О пониженіи спроса на рабочихъ въ С. А. С. Ш. свидѣтельствуетъ и слѣдующая таблица, составленная на основаніи свѣдѣній полученныхъ отъ Американскихъ биржъ труда.

Мѣсяцъ.	Годъ.	Число предлож.	Число устроен.	Число предл. на 100 устроен.	% устроенныхъ.
Февраль	1915 г.	19,474	307	6,343	—
Мартъ	»	17,780	849	2,094	—
Апрѣль	»	12,587	1,536	819	—
Май	»	12,132	3,565	340	—
Іюнь	»	14,448	4,683	309	—

Отрасли промышленности.	Число предпріятій приславшихъ сообщенія.	Число рабочихъ.			Общая сумма заработной платы.		
		Декабрь.	Декабрь.	Увеличеніе %.	Декабрь.	Декабрь.	Увеличеніе %.
Желѣзо и сталь	89	90,662	123,257	36,0	521,410	897,463	72.1
Мануфактурная	8	6,984	7,680	10,0	14,263	17,828	25,0
Мануфактурно-отдѣлочная . .	54	42,178	43,111	2,2	67,813	71,210	5,0
Чулочная и трикотажная. . .	42	21,827	23,581	8,0	37,125	46,454	25,1
Шелковая	31	17,307	18,151	3,7	64,612	80,328	24,3
Шерстяная.	14	6,452	7,196	11,5	13,049	16,180	24,0
Обувь	59	39,662	44,552	12,3	95,136	118,650	24,7

Отрасли промышленности.	Число предпріятій приславшихъ сообщенія.	Число рабочихъ.			Общая сумма зараб. платы въ ф. с.		
		Май 1915 г.	Май 1916 г.	Увеличеніе или уменьшеніе въ %.	Май 1915 г.	Май 1916 г.	Увеличеніе или уменьшеніе въ %.
Желѣзо и сталь	102	118,545	156,126	+31,7	744,210	1,259,124	+69,2
Вагоностроит. и паровозостр. .	39	38,214	48,457	+26,8	224,465	328,589	+46,4
Мануфактурная	55	55,668	54,778	— 1,6	97,876	108,646	+11,0
Мануфактурно-отдѣлочная . .	14	10,281	10,467	+ 1,8	23,794	28,100	+18.1
Чулочная и трикотажная. . .	53	25,414	27,914	+ 9,8	46,534	57,444	+23,4
Шерстяная	44	36,894	41,401	+12,2	76,681	104,288	+36,0
Шелковая	44	17,392	19,129	+10,0	72.585	89,497	+23,3
Готоваго платья	38	15,308	16,606	+ 8,5	35,849	43.664	+21,8
Обувь	66	48,225	59,234	+22,8	106,251	159,418	+50,0
Сигары	69	11,728	10,799	— 7,9	22,728	23,675	+ 4,2

Мѣсяцъ.	Годъ.	Число предлож.	Число устроен.	Число предл. на 100 устроен.	% устроенныхъ.
Іюль	1915 г.	18,061	6,035	299	—
Августъ	»	17,827	6,757	664	—
Сентябрь	»	13,334	5,405	247	—
Октябрь	»	12,215	5,006	244	—
Ноябрь	»	11,908	4,146	287	34,82
Декабрь	»	11,902	2,170	549	18,23
Январь	1916 г.	15,015	3,419	—	22,78
Февраль	»	14,257	4,185	—	29,35
Мартъ	»	19,484	7,030	—	36,08
Апрѣль	»	13,498	7,653	—	56,70
Май	»	17,614	11,453	—	55,02

Итакъ, положеніе промышленности въ Соединенныхъ Штатахъ является для даннаго момента исключеніемъ. Но это исключеніе не измѣняетъ общей картины. Разсматривая двѣ послѣднихъ таблицы, мы видимъ, что развитіе отраслей промышленности, занятыхъ выполненіемъ военныхъ заказовъ перегоняетъ развитіе остальныхъ и идетъ параллельно съ сокращеніемъ мануфактурнаго дѣла. Слѣдовательно, и въ Америкѣ производство товаровъ, необходимыхъ для широкихъ массъ, не увеличилось въ достаточной степени. Что же касается положенія рабочаго класса въ Соед. Штатахъ, то о немъ свидѣтельствуютъ таблицы о движеніи заработной платы членовъ профессіональныхъ союзовъ, измѣненіи рабочаго времени и цѣнъ на продукты въ 47 промышленныхъ центрахъ Соединенныхъ Штатовъ. Принимая данныя 1907 года за 100, мы получаемъ:

ГОДЪ.	Заработная плата за часъ.	Рабочее время въ недѣлю.	Заработная плата въ недѣлю за все время.	Розничныя цѣны на продукты.
1907	100	100	100	100
1908	101	100	101	103
1909	102	99	102	108
1910	105	99	104	113
1911	107	98	105	112
1912	109	98	107	119
1913	111	98	109	122
1914	114	97	111	125
1915	114	97	112	124

И въ С. Ш. ростъ заработной платы отсталъ отъ роста цѣнъ на продукты, слѣдовательно и тамъ мы наблюдаемъ паденіе реальной заработной платы. Это видно еще ярче изъ измѣненія покупательной способности заработной платы.

Годъ.	Покупательная способность заработной платы, опредѣляемая розничными цѣнами на продукты.	
	Заработной платы за часъ.	Заработной платы въ недѣлю за все время.
1907	100	100
1908	99	98
1909	95	94
1910	98	92
1911	94	94
1912	91	90
1913	91	90
1914	91	89
1915	92	90

Такимъ образомъ въ періодъ 1907—1915 г. реальная заработная плата американскаго рабочаго пала на 10%. 1915 годъ принесъ улучшеніе, но оно настолько незначительно, что выразилось лишь тѣмъ, что показатель для 1914 г.—«89»—былъ замѣненъ показателемъ «90» для 1915 г.

VII.

Подводя итоги даннымъ о вліяніи войны на экономическое положеніе рабочаго класса, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Громадный отливъ мужчинъ въ арміи и усиленное производство товаровъ для военныхъ цѣлей поставили рабочихъ предпріятій, выполняющихъ военные заказы, въ положеніе, напоминающее времена, когда въ промышленности царила «свобода труда», свобода для предпринимателей отъ всякихъ фабричныхъ законовъ, свобода эксплоатаціи. Длинный рабочій день, сверхурочныя и праздничныя работы, недоѣданіе, ночныя работы женщинъ и подростковъ, неостывающія постели,—все это воскресло и захватило страны съ самой «высокой» культурой. И результаты не замедлили сказаться: признаки глубокаго переутомленія, ростъ заболѣваемости, усиленіе

алкоголизма, увеличеніе числа несчастныхъ случаевъ — вотъ что наблюдается теперь повсемѣстно. *Рабочій классъ нынѣ находится въ условіяхъ, которыя грозятъ ему вырожденіемъ*, если только эти условія будутъ существовать продолжительное время [1])

Разсчитывать на измѣненіе этихъ условій въ теченіе войны нельзя. Очень мало надеждъ и на то, что окончаніе войны вернетъ рабочему классу все то, что имъ утеряно во время ея. Трудно думать, что предприниматели добровольно улучшатъ положеніе рабочихъ. Односторонній ходъ промышленнаго развитія, ведущій все къ большей и большей долѣ производства товаровъ для вооруженія и содержанія арміи и флота, не измѣнитъ своего направленія и по окончаніи войны Этому будетъ способствовать, съ одной стороны, перевооруженіе армій и укрѣпленіе границъ согласно опыту послѣдней войны, съ другой — отсутствіе кредита, которое помѣшаетъ владѣльцамъ предпріятій, лишенныхъ военныхъ заказовъ, перестроить ихъ для выработки товаровъ, которые они выпускали до войны. Все это позволитъ крупнымъ промышленнымъ и финансовымъ организаціямъ поддерживать цѣны на высокомъ уровнѣ. Этому будетъ способствовать и то обстоятельство, что въ виду недостатка с.-х. рабочихъ будетъ приступлено къ уменьшенію площади вспашки и запуску земли подъ траву [2]).

Повышеніе заработной платы будетъ итти медленнѣе, чѣмъ въ данное время, и паденіе реальной заработной платы пойдетъ ускореннымъ темпомъ. Отдѣльныя выступленія рабочихъ какого-либо предпріятія не смогутъ принести имъ значительнаго улучшенія положенія; та-же судьба постигнетъ и болѣе широкія забастовки, вплоть до попытокъ общихъ выступленій пролетаріата той или другой страны. Успѣху экономическихъ выступленій пролетаріата будутъ мѣшать: значительное число безработныхъ, расшатанность его профессіональныхъ организацій, недостаточность фондовъ этихъ организацій для выдерживанія борьбы болѣе или менѣе продолжительный періодъ, переутомленность рабочихъ. Разсчитывать на серьезную помощь со стороны пролетаріата иныхъ странъ будетъ также нельзя, и изъ-за ана-

[1]) Тѣ данныя, которыя мы разсматриваемъ, относятся только къ рабочимъ „свободнымъ“. Нѣсколько странно употреблять этотъ терминъ въ эпоху, когда рабство должно было отойти въ область исторіи. Но если мы вспомнимъ о многихъ сотняхъ тысячъ военнопленныхъ и о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ работаютъ они въ нѣкоторыхъ изъ европейскихъ странъ, то должны будемъ признать, что возродилось и рабство.

[2]) Мѣра эта, какъ возможная, вполнѣ серьезно разсматривается въ одномъ изъ докладовъ англійской комиссіи объ использованіи солдатъ и матросовъ для обработки земли.

логичнаго положенія въ большинствѣ странъ, и изъ-за отношеній, сложившихся во время войны. Международная солидарность пролетаріата, проявлявшаяся до войны на международныхъ конгрессахъ и конференціяхъ, не была еще подтверждена длительными конкретными шагами. Въ высшей степени трудно предполагать, чтобы сознаніе ея необходимости у англійскаго или французскаго пролетарія оказалось послѣ войны настолько сильнымъ, чтобы оно могло проявиться въ продолжительной поддержкѣ борьбы хотя бы германскаго пролетарія. Между тѣмъ сплоченіе крупнѣйшихъ промышленныхъ и финансовыхъ организацій капиталистовъ въ международныя объединенія дѣлаетъ борьбу пролетаріата въ національныхъ рамкахъ недостигающей своей цѣли.

Всѣ эти условія должны будутъ поставить передъ широкими слоями рабочаго класса альтернативу: или вырожденіе, или конкретизація стараго, объединяющаго пролетаріатъ всѣхъ странъ, лозунга. Разрѣшеніе этого вопроса станетъ тѣмъ болѣе неотложнымъ, что борьба за господство на міровомъ рынкѣ не прекратится съ окончаніемъ этой войны. Пролетаріатъ не можетъ и не долженъ оставаться равнодушнымъ къ этой борьбѣ. Международный обмѣнъ во время войны выдвинулъ рядъ условій для созданія новыхъ комбинацій между буржуазіей Америки, Европы, Японіи и Китая. Вопросъ о томъ, кому будетъ принадлежать господство въ Южной Америкѣ — очередной вопросъ, разрѣшеніе котораго, понятно, будетъ достигнуто не въ Гаагѣ. Въ свѣтѣ этой перспективы пролетаріатъ долженъ будетъ разсматривать и свое положеніе на міровой аренѣ.

М. Фабричный

Берлинъ.

Повышеніе розничныхъ цѣнъ на продукты въ % по сравненію съ іюлемъ 1914 года.

	1915 годъ.					1916 годъ.					
	Августъ.	Сентябрь	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.
Ржаной хлѣбъ	42,9	42,9	42,9	42,9	42,9	42,9	42,9	42,9	42,9	42,9	42,9
Пшенич. „	27,4	27,7	27,7	27,7	27,7	27,7	27,7	27,7	27,7	27,7	27,7
Ржаная мука	60,0	60,0	60,0	60,0	60,0	60,0	60,0	46,7	46,7	46,7	46,7
Пшенич. „	28.6	28,6	28,6	28,6	28,6	28,6	28,6	14,3	14,3	14,3	14,3
Масло	58,8	65,4	113,5	17,3	101,2	106,2	106,2	108,5	115,4	115,4	103,1
Сало свиное	170,1	199,4	272,1	440,8	224,7	224,7	224,2	226,0	302,6	305,8	276,6
Сахаръ	24,0	22,0	20.0	20,0	20.0	20,0	28,0	30,0	32.0	36,0	36,0
Кофе	9,7	16,1	22,6	22,6	29,0	35,5	48,4	91,0	132,3	145,2	158,1
Яйца	114,3	142,9	200,0	200,0	287,5	271,4	185,7	100,0	228,6	228,6	228,6
Молоко	22,7	27,3	36,4	36,4	36,4	36,4	36,4	36,4	36,4	36,4	45,5
Мясо говядина	54,7	57,6	59,4	59,4	70,6	165,9	117,1	180,0	228,2	166,5	198,2
Баранина	53,4	59,3	51,5	50,5	60,8	102,9	106,4	190,3	182,4	180,9	179,4
Телятина	40,7	52.0	54,4	51,5	61,8	100,0	99,0	128,4	173,0	140,2	125,5
Свинина	129,0	144,4	145,7	72,8	72,8	72,8	72,0	100,6	116,7	117,9	117,9
Ветчина	148,2	174,7	203,6	203,6	154,2	154,2	99,0	153,0	189,2	215,6	219,3
Картофель	75,0	25,0	25,0	безъ пер.	безъ пер.	безъ пер.	безъ пер.	375,5	62,5	75,0	75,0
Рисъ	186,0	220,0	240,0	300,0	340,0	340,0	380,0	420,0	444,0	420,0	400,0
Горохъ чищенный	232,8	227,5	235,0	212,5	202,5	187,5	187,5	180,0	175,0	162,5	37,5
Бобы	186,0	178,0	200,0	146,0	144,0	134,0	132,0	132,0	138,0	126,0	102,0
Чечевица	166,7	—	—	186,7	153,3	186,7	153,3	148,3	—	—	—
Всѣ предмѣты	75,3	78,4	93,2	82,0	83,4	88,5	85,6	100,5	119,8	116,0	117,6

Приложеніе II.

Вѣна. Цѣны на продукты и сравненіе съ іюлемъ 1914 г.

	1915 годъ.			1916 годъ.			
	Августъ.	Октябрь.	Декабрь.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.
Говядина	140,0	211,1	206,7	228,9	268,9	282,2	221,1
Телятина	90,0	106,7	63,3	106,7	153,3	170,0	193,3
Свинина	106,3	167,5	153,5	143,0	179,7	218,0	260,1
Ветчина	150,0	310,0	300,0	250,0	235,0	235,0	235,0
Сало	152,6	342,1	321,1	263,2	236,8	236,8	321,1
Молоко	32,3	45,2	51,6	58,1	51,6	54,8	58,1
Масло	56,3	100,0	118,8	133,3	144,4	144,4	150,0
Маргаринъ	100,0	150,0	220,0	240,0	240,0	300,0	320,0
Мука пш.	86,0	81,4	81,4	155,8	179,1	179,1	179,1
Хлѣбъ ржаной	93,8	93,8	75,0	75,0	75,0	75,0	75,0
Рисъ	233,3	333,3	466,7	533,3	566,7	—	—
Яйца	128,6	185,7	214,3	128,6	157,1	185,7	271,4
Картофель	25,0	—37,5	—37,5	—33,3	—29,2	—25,0	—25,0
Горохъ	185,7	185,7	250,0	—	—	—	—
Бобы	150,0	150,0	150,0	183,3	190,7	191,7	275,0
Лукъ	50,0	60,0	90,0	100,0	140,0	140,0	450,0
Сахаръ	8,6	8,6	10,9	17,7	17,7	17,7	18,9
Чечевица	212,5	—	—	—	—	—	—
Всѣ продукты	86,3	117,2	112,9	110,4	121,5	128,1	148,9

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

А. Михайловичъ. Расколъ въ германской соціальдемократіи . 3
Н. Константиновъ. Подъ чужимъ флагомъ 23
И. Степановъ. Н. Сухановъ о нашихъ направленіяхъ. . . . 41
М. Ольминскій. Планы русскихъ либераловъ 65
В. Павловъ. На новомъ пути 85
М. Фабричный. Война и экономическое положеніе рабочаго класса 94

Цѣна 1 р. 50 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Въ Москвѣ. Книжный складъ „НАУКА“. Б. Никитская, 10.

Въ Петроградѣ. Книгоиздательство и книжный складъ „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“. Поварской переулокъ, 2.